

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1888.

№ 11.

ЮНЬ:—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Стр.

- Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера 705—740
- Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свяд. Т. Буткевича 741—761
- Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова 762—768

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ.

- О физиологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова 507—519
- Отношеніе религіозно-философскихъ воззрѣній Огюста Канта къ законодательству (окончаніе). Б. Истомина

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Содержаніе: Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, I, II и III классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1887/88 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Неврологъ.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферাপонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюня 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Вторичное отдѣленіе Блюхера отъ главной арміи было во всѣхъ отношеніяхъ поворотнымъ событіемъ въ кампаніи 1814 года, началомъ конца ¹⁾). Два пути и два совершенно различныхъ способа дѣйствія представлялись Блюхеру по переправѣ его черезъ Обу у Вадемана. Фельдмаршалъ могъ идти прямо на Шалонъ и Реймсъ и соединиться тамъ съ назначенными для него подкрѣпленіями, или-же онъ могъ двинуться черезъ Сезаннь и Ла-ферте-су-Жуаръ и угрожать отсюда Парижу. Всякій болѣе осторожный полководецъ предпочелъ-бы несомнѣнно первый путь. На этомъ пути Блюхеръ нигдѣ не могъ встрѣтиться съ непріателемъ; безпрепятственно, безъ малѣйшихъ потерь и всякаго риска, могъ онъ достигнуть Реймса и, увеличивъ здѣсь вдвое свою армію корпусами Бюлова и Винцингероде, начать наступательное движеніе на Парижъ внизъ по долинѣ Марны. Но изби-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 9.

¹⁾ Такъ смотрять на этотъ фактъ всѣ историки войны 1814 года, начиная отъ современниковъ событій и оканчивая новѣйшими изслѣдователями.

рая этотъ путь, Блюхеръ не въ состояніи былъ-бы достигнуть той главной цѣли, которая лежала въ основѣ всего его предпріятія. Его движеніе на Шалонъ и Реймсъ никогда-бы не заставило Наполеона прекратить преслѣдованіе Шварценберга и направиться съ лучшею частью своихъ войскъ по пятамъ силезской арміи; тогда какъ походъ на Сезаннь, Лаферте-су-Жуаръ, а оттуда на Парижъ неизбежно долженъ былъ имѣть именно это послѣдствіе.

Правда, походъ на Парижъ соединенъ былъ съ большими опасностями и даже рискомъ. Идя этимъ путемъ, Блюхеръ не приближался къ своимъ подкрѣпленіямъ, а напротивъ, удалялся отъ нихъ; онъ порывалъ связи съ остальными союзными арміями, терялъ возможность обезпеченнаго отступленія и предоставлялъ случаю продовольствіе своихъ войскъ въ далекой враждебной странѣ, среди озлобленнаго населенія, въ мѣстностяхъ, уже опустошенныхъ войною. Блюхеръ вовсе не былъ такимъ отчаяннымъ головорѣзомъ, какимъ изображали его въ своихъ задушевныхъ письмахъ Меттернихъ, Шварценбергъ и вся ихъ компанія. Онъ хорошо взвѣсилъ всѣ случайности, отлично понималъ всю рискованность своего предпріятія, но принялъ безповоротно свое рѣшеніе, такъ какъ только одно оно могло привести его къ достиженію поставленной имъ цѣли ¹⁾.

„Впередъ гренадеры! Теперь на Парижъ“ ²⁾, вотъ съ какими словами обратился старый фельдмаршалъ къ своимъ солдатамъ. И солдаты, давно уже забывшіе о своихъ неудачахъ, безусловно довѣрявшіе своему вождю, встрѣтили слова его шумными радостными восклицаніями. Блюхеръ шелъ приблизительно тѣми-же дорогами, какъ Наполеонъ три недѣли тому назадъ. Онъ надѣялся захватить у Сезанни Мармона и истребить его корпусъ, но маршалъ, во-время увѣдомленный о грозившей ему опасности, успѣлъ уклониться отъ удара и, отойдя поспѣшно за рѣчку Моренъ, расположился у Лаферте-Гоше. Узнавъ о приближеніи Блюхера,

¹⁾ См. Беригарди, Т. IV, пол. 2. стр. 146—147.9

²⁾ См. Беригарди, т. IV, 2 полов. стр. 148.

Мармонъ уже на другой день покинулъ и эту позицію, отступилъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Лаферте-су-Жуару и соединился тамъ съ отрядомъ маршала Мортъе. Оба маршала двинулись вслѣдъ затѣмъ къ Мо, и получивъ здѣсь небольшое подкрѣпленіе изъ Парижа, расположились на лѣвомъ берегу рѣки Урка. Блюхеръ намѣревался выбить непріятеля изъ этой позиціи, но попытка, предпринятая войсками Клейста переправиться черезъ Уркъ, была отражена французами съ большими потерями. Блюхеръ не имѣлъ надобности настаивать на этомъ предпріятіи. Уже 1 марта онъ получилъ извѣстіе, что Наполеонъ идетъ на Сезаннь съ отборною частью своей арміи. Первая цѣль экспедиціи силезской арміи была, такимъ образомъ, достигнута. Наполеонъ оставилъ въ покоѣ Шварценберга и устремился вслѣдъ за Блюхеромъ. Наступилъ моментъ, когда старый фельдмаршалъ могъ доказать своимъ друзьямъ и врагамъ, что онъ былъ не только отважный, но и разсудительный, осторожный полководецъ. Хотя у Блюхера было почти столько-же войска, какъ и у Наполеона, но онъ не думалъ вступать съ нимъ въ рискованный бой. Желая дѣйствовать навѣрняка, онъ предпочелъ перевести свою армію изъ долины Марны въ долину Эны, соединиться тамъ съ корпусами Бюлова и Винцингероде и только тогда атаковать Наполеона съ твердою надеждою на успѣхъ.

Блюхеръ могъ исполнить задуманный имъ планъ безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля. Наполеонъ не въ состояніи былъ настигнуть своего противника уже потому, что въ его распоряженіи вовсе не было матерьяла для наведенія понтонныхъ мостовъ, тогда какъ силезская армія была въ изобиліи снабжена имъ. Блюхеръ могъ переходить черезъ рѣки, гдѣ и когда ему было угодно; Наполеонъ долженъ былъ розыскивать удобныя мѣста для переправы и терять цѣлые дни на возобновленіе разрушенныхъ мостовъ. Блюхеръ шелъ съ обычною своею быстротою. Уже 2 марта большая часть его войскъ сосредоточена была у Ульши. Отсюда было уже недалеко до Эны и Суассона; но такъ какъ этотъ послѣдній пунктъ былъ оставленъ войсками Винцингероде и

вновь занять французами, то Блюхеръ рѣшился переправиться черезъ Эну выше города у Бюзанси и, соединившись тамъ съ своими подкрѣпленіями, ожидать наступленія Наполеона.

Обстоятельства сложились, однако-же, нѣсколько иначе, и притомъ гораздо благопріятнѣе для союзниковъ, нежели какъ рассчитывалъ это Блюхеръ. Въ концѣ февраля Винцингероде, соединивъ весь свой корпусъ въ Реймсѣ, и вознамѣрился отнять у французовъ вторично Суассонъ. „Фантазія неудачника-генерала“ увѣнчалась на этотъ разъ самымъ блестящимъ успѣхомъ. Винцингероде просилъ содѣйствія у прусскаго генерала Бюлова, только что занявшаго Лаонъ и захватившаго мимоходомъ небольшую, но чрезвычайно важную крѣпость Лаферъ, въ которой найдено было сто орудій и громадныя военныя запасы всякаго рода, и Бюловъ поспѣшилъ исполнить его просьбу. 2-го марта войска Винцингероде обложили Суассонъ съ лѣваго, а войска Бюлова съ праваго берега Эны. Комендантъ Суассона, генераль Моро потерялъ голову и сдалъ городъ уже на слѣдующій день, (3-го марта) подъ условіемъ свободнаго выхода своихъ войскъ. Теперь не было никакой надобности наводить понтоны у Бюзанси, и пробираться къ этому городку по грязнымъ, окольнымъ дорогамъ. 3-го марта силезская армія спокойно и не торопясь перешла черезъ Эну у Суассона и соединилась съ своими давно ожидаемыми подкрѣпленіями ¹⁾.

Старыя войска силезской арміи были страшно утомлены и измучены непрестанными и быстрыми переходами въ опустошенной странѣ по дорогамъ, едва заслуживавшимъ этого названія. Они крайне нуждались въ отдыхѣ и Блюхеръ, думая дать имъ таковой, расположился въ позиціи, укрѣплен-

¹⁾ Вторичное занятіе Суассона далеко не имѣло, однако-же, такого значенія, какое приписалъ ему самъ Наполеонъ, а вслѣдъ за нимъ не только большинство французскихъ писателей, но и другихъ авторовъ. Если вѣрить Наполеону и панегиристу его, Фену, то окажется, что армія Блюхера, запертая между Марною и Эною, погибла-бы до послѣдняго человѣка, если-бы постыдная сдача Суассона не дала возможности русскимъ и пруссакамъ уйти за Эну (см. Correspondance de Napoleon т. 27, гдѣ говорится прямо: армія Блюхера находилась въ полномъ отступленіи и погибла-бы, не случись измѣна суассонскаго

ной самую природою. Между рѣками Эною и Летою простирается небольшое плато, склоны котораго круто спускаются къ обѣимъ рѣкамъ. Многочисленные рѣчки и ручьи, направляющіеся частью въ Эну, частью въ Лету, прорѣзываютъ глубокими долинами и оврагами окраины плато и образуютъ нѣсколько превосходныхъ оборонительныхъ позицій: На этой-то мѣстности между лаонскимъ шоссе на западѣ, Краономъ на востокѣ стали частью биваками, частью на квартирахъ, соединенныя силы Блюхера, доходившія теперь до 110,000 человѣкъ. На западѣ отъ лаонской дороги до деревни Фонтене расположились прусскіе корпуса Бюлова, Горка и Клейста, всего около 45,000 человѣкъ, къ востоку отъ нихъ русскія войска Сакена и Винцингероде около 65,000 человѣкъ.

Наполеонъ преслѣдовалъ силезскую армію съ свойственною ему энергіею. Предполагая, что Блюхеръ переправится черезъ Эну гдѣ-либо выше Суассона, императоръ предписалъ маршаламъ Мармону и Мортье неотступно тѣснить непріятеля, а самъ двинулся послѣшно на Монтрель, надѣясь перерѣзать путь Блюхера. Планы Наполеона построены были въ это время на двухъ совершенно невѣрныхъ основаніяхъ. Онъ былъ почему-то убѣжденъ, что силезская армія бѣжитъ передъ нимъ безъ оглядки въ Бельгію. Затѣмъ, онъ твердо рассчитывалъ, что Моро удержится во что-бы то ни стало въ Суассонѣ. Второе изъ этихъ предположеній не замедлило оказаться ложнымъ. Переночевавъ въ Монтрелѣ, Наполеонъ быстро двинулся на Феръ-анъ-Тарденуа, а оттуда на Фимъ. Утромъ 5-го марта, тотчасъ-же по прибытіи въ этотъ пунктъ, онъ получилъ извѣстіе о постыдной капитуляціи Суассона. Въ припадкѣ бѣшенago гнѣва онъ прика-

коменданта. См. также Фена, гдѣ читаемъ такую фразу: „Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятель считалъ себя погибшимъ, но въ этотъ моментъ запертые мосты Суассона открываются передъ изумленною прусскою арміею“). Нечего и говорить, что здѣсь что ни слово, то и ложь. Блюхеръ вовсе не былъ окруженъ французами, онъ вовсе не нуждался въ суассонскихъ мостахъ, такъ какъ въ его распоряженіи былъ понтонный паркъ, при помощи котораго онъ могъ перейти черезъ Эну, гдѣ ему было угодно. Неожиданная сдача Суассона только облегчила положеніе Блюхера, но вовсе не спасла его.

залъ отдать подъ судъ генерала Моро и разстрѣлять его по истеченіи двадцати четырехъ часовъ ¹⁾.

Обманутый въ одномъ изъ своихъ предположеній, Наполеонъ тѣмъ упорнѣе держался за свою первую фантастическую идею. Желая отрѣзать и истребить „бѣгущаго непріятели“, онъ не задумывался предпринимать рискованныя обходныя движенія и раздроблять свои и безъ того уже незначительныя силы. Онъ намѣревался двинуться съ главною частію своей арміи изъ Фима на Бери-о-бакъ, переправиться тамъ черезъ Эну, обойти лѣвый флангъ Блюкера и стать на сообщеніяхъ союзниковъ съ Бельгіею и Нижнимъ Рейномъ. Желая въ тоже время открыть себѣ сообщеніе съ крѣпостями Эльзаса и Лотаринги, Наполеонъ послалъ генерала Корбино съ одною армейскою дивизіею и частью гвардіи къ Реймсу съ приказаніемъ захватить рѣшительною атакою этотъ почти открытый городъ. Наконецъ войска Мармона и Мортъе двинуты были на Суассонъ съ предписаніемъ завладѣть этимъ пунктомъ.

Изъ всѣхъ предначертаній Наполеона только одна экспедиція Корбино увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ Реймсѣ находился лишь небольшой русскій отрядъ князя Гагарина и Корбино безъ труда завладѣлъ городомъ ²⁾. Затѣ нападеніе Мармона и Мортъе на Суассонъ окончилось самымъ постыднымъ образомъ. Генераль Рудзевичъ, защищавшій

¹⁾ „Я отдалъ военному министру приказъ“, писалъ Наполеонъ брату своему Іосифу, „арестовать Моро, предать его военному суду и приговорить къ смерти. Необходимо, чтобы онъ былъ разстрѣлянъ на Гревской площади и чтобы экзекуція была обставлена возможно большею помпой. Приговоръ долженъ быть напечатанъ съ хорошимъ объясненіемъ. Слѣдуетъ назначить для суда пять генераловъ. Это дѣло причинило намъ неисчислимый вредъ. Я былъ-бы сегодня въ Лаонѣ и нѣтъ сомнѣній, что непріятельская армія погибла-бы и разсѣялась. Теперь мнѣ приходится маневрировать и терять много времени на постройку мостовъ. Смотрите, чтобы данъ былъ, наконецъ, примѣръ“. См. *Cor. de Napoleon*, т. 27, стр. 337. Моро былъ дѣйствительно приговоренъ къ смерти, но приговоръ не былъ исполненъ, такъ какъ этому помѣшала капитуляція Парижа.

²⁾ Наполеонъ, по обыкновенію, преувеличивалъ значеніе этого успѣха. „Мы взяли“, писалъ онъ Іосифу, 2,000 плѣнныхъ и болѣе 100 офицеровъ, въ томъ числѣ нѣсколько полковниковъ. Мы захватили много багажа. Я писалъ регентшѣ, чтобы стрѣляли изъ пушекъ“. *Corresp. de Nap.* т. 27, стр. 337.

крѣпость съ восемью тысячами русскихъ войскъ, отразилъ всѣ приступы и французы принуждены были отступить, понеся самыя чувствительныя потери ¹⁾. Между тѣмъ, самъ Наполеонъ достигъ 6 марта Бери-о-бака на берегу Эны и тотчасъ-же началъ переправляться съ своими войсками по каменному мосту черезъ рѣку. Переправа происходила почти на глазахъ у силезской арміи. Блюхеръ не намѣренъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ дерзкаго маневра непріятели. Онъ рѣшился спуститься съ занимаемыхъ имъ высотъ и ударить на противника, но распоряженія стараго фельдмаршала не были исполнены въ точности нѣкоторыми изъ подчиненныхъ командировъ. Винцингероде оказался и на этотъ разъ неудачникомъ. Въмѣсто того, чтобы исполнить предписанное ему движеніе, онъ оставался въ бездѣйствіи и не только далъ французамъ возможность перейти безпрепятственно черезъ рѣку, но и занять Краонъ, деревню Корбени и близъ лежащій лѣсъ. Блюхеръ ²⁾ принужденъ былъ прекратить наступленіе и ограничиться обороною крѣпкой позиціи между Эною и Летою. Гнейзенау составилъ новый планъ сраженія, сулившій, повидимому, несомнѣнный и блестящій успѣхъ. На плато между Эною и Летою, представлявшемъ такія выгодныя условія для обороны, расположена была пѣхота корпуса Винцингероде подъ начальствомъ графа Воронцова. Войска эти въ числѣ 16,000 ч. должны были защищать всѣ подступы къ плато и въ томъ числѣ самый важный изъ нихъ у мызы Гертебизъ. Они были расположены вдоль линіи глубокихъ овраговъ между деревнями Айль и Жюминьи. Мыза Гертебизъ была занята 14 егерскимъ полкомъ, а артиллерія распределена была такимъ образомъ,

¹⁾ Мармонъ утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ и Мортъе предприняли противъ Суассона только легкую попытку, которая была и должна была быть безплодна. Мемуары Мармона т. VI, стр. 206. Насколько легка была эта попытка,—видно изъ того, что Рудзевичъ потерялъ при отраженіи штурма около 1,000 ч. Потеря Мармона, какъ нападающаго, была, разумѣется, несравненно значительнѣе.

²⁾ Что Блюхеръ дѣйствовалъ въ эти дни совершенно правильно и соответственно обстоятельствамъ, свидѣтельствуемъ даже такой строгій судья, какъ генералъ Клаузевицъ. См. Clausewitz, Hinterlassene Schriften, т. VII, стр. 376.

чтобы имѣть возможность обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ дорогу на Краонъ и всѣ подступы къ лѣвому флангу позиціи. Позади войскъ Воронцова у селеній Серни и Тройонъ поставлена была кавалерія князя Васильчикова состоявшая изъ 2,700 лошадей. Она должна была поддержать въ случаѣ надобности пѣхоту Воронцова, или же прикрыть ея отступление. Наконецъ, главнымъ резервомъ Воронцова назначалась пѣхота корпуса Сакена, стоявшая позади Серни и Жуаньи.

Всѣ перечисленныя войска, составлявшія лишь меньшую часть силезской арміи, должны были ограничиваться одною обороною своихъ позицій. Рѣшительный ударъ непріятелю предполагалось нанести съ другой стороны и иными силами. Для этой цѣли собраны были 10,000 всадниковъ, принадлежавшихъ частью къ корпусу Винцингероде, а частью къ отрядамъ Горка и Клейста. Поддерживаемые 60 конными орудіями и пѣхотою корпуса Клейста, войска эти должны были обойти французовъ съ лѣваго фланга и ударить имъ въ тылъ. Что-же касается корпуса Бюлова, отрядовъ Ланжерона и Капцевича, то они отведены были къ Лаову, дабы имѣть оттуда возможность поддержать, въ случаѣ надобности, Винцингероде и Клейста.

Планъ былъ составленъ превосходно ¹⁾, но къ несчастью для дѣла, важнѣйшая задача, при его выполненіи, возложена была на генерала Винцингероде. Ему было поручено начальство надъ многочисленною кавалеріею, долженствовавшею зайти въ тылъ непріятеля. Подобное странное назначеніе объясняется тою громкою репутаціею, которою пользовался Винцингероде, какъ отважный и искусный кавалерійскій генералъ. Трудно сказать на чемъ собственно основалась эта репутація. Во всемъ прошломъ генерала можно было, правда, найти немало легкомысленныхъ и смѣшныхъ эпизодовъ ²⁾; но трудно было указать хотя одно дѣйствіе,

¹⁾ Такъ отзывается о немъ и Клаузевицъ. См. *Hinterlassene Schriften*, т. VII, стр. 379.

²⁾ Стоитъ вспомнить его плѣненіе въ Москвѣ въ 1812 г.

носившее на себѣ характеръ дѣйствительной предприимчивости и отваги. Винцингероде обладалъ, впрочемъ, двумя качествами, чрезвычайно важными для снисканія репутаціи и составленія карьеры. Онъ очень искусно умѣлъ присвоивать себѣ заслуги другихъ лицъ, въ особенности своихъ подчиненныхъ и безпощадно, и притомъ съ видомъ знатока, критиковать чужія дѣйствія и смѣяться надъ чужими ошибками. Крайне развязный и дерзкій на словахъ, онъ былъ крайне тяжелъ на подъемъ и въ высшей степени нерѣшителенъ тамъ, гдѣ отъ словъ надо было переходить къ дѣлу. Упрямый и самовольный, онъ никогда не имѣлъ обычая исполнять въ точности данныя ему приказанія. Очень часто, если предписанныя ему дѣйствія казались ему неправильными или неудобноисполнимыми, онъ или оставлялъ ихъ вовсе безъ исполненія, или дѣлалъ что нибудь совершенно противоположное. Такъ привыкъ онъ дѣйствовать всегда, такъ поступилъ онъ и при Краонѣ ¹⁾.

Винцингероде долженъ былъ выступить еще вечеромъ 6-го марта на Шевриньи и Фетье, но онъ потерялъ нѣсколько часовъ сначала на обсужденіе и критику полученнаго имъ приказа, а затѣмъ на сборы и сосредоточеніе своихъ войскъ ²⁾. Уже настало утро 7-го марта и Наполеонъ двинулъ свои войска на позиціи Воронцова, когда Блюхеру донесли, что кавалерія Винцингероде только что выступила изъ своего сборнаго пункта у Филена. Въ себя отъ гнѣва фельдмаршалъ сдалъ команду у Краона Сакену и поскакалъ къ Филену, чтобы стать самому во главѣ кавалеріи. Но прибывъ на мѣсто, Блюхеръ тотчасъ-же убѣдился въ невозможности поправить дѣло. Пробило уже 11 часовъ утра и для совершенія обходнаго движенія не доставало самаго главнаго, — времени. Блюхеръ, не умѣвшій сдерживать въ такихъ случаяхъ сво-

¹⁾ См. характеристику Винцингероде у Беригарди, томъ IV, 2-я половина, стр. 182.

²⁾ „Къ сожалѣнію“, говоритъ очевидецъ, „мой дорогой начальникъ испортилъ все. Горячій солдатъ Аустерлица и Асперна оказался на этотъ разъ ни горячимъ, ни даже посиѣшнымъ“. См. Записки Лифляндца, Т. II, стр. 208.

его гнѣва, осыпалъ Винцингероде рѣзкими укоризнами, но поправить дѣло было уже немислимо.

Между тѣмъ на краонской возвышенности кипѣлъ отчаянный бой, покрывшій неувядаемою славою русское оружіе. Наполеонъ двинулъ на Воронцова лучшія свои войска подъ предводительствомъ искуснѣйшихъ и отважнѣйшихъ своихъ маршаловъ, Виктора, Нея и Груши. Онъ ввелъ постепенно въ дѣло болѣе 30,000 человекъ и пренебрегая самыми тяжелыми потерями, силился сбить во что бы-то ни стало русскихъ съ занятыхъ ими позицій. Все напрасно! Войска Воронцова отбили всѣ повторенныя яростныя атаки непріятеля и въ теченіи шести часового непрерывнаго боя не уступили ему ни одной пяди земли.

Около двухъ съ половиною часовъ пополудни, когда Блюхеръ отказался отъ задуманнаго имъ обхода и порѣшилъ сосредоточить всю армію у Лаона, Сакенъ получилъ приказаніе очистить плато и послѣдовать за остальными союзными войсками. Немедленно-же послалъ онъ соотвѣтствующій приказъ Воронцову, но тотъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, гораздо удобнѣе продолжать оборону позиціи, нежели отступать предъ превосходными силами непріятеля, имѣя для прикрытія своего лишь одинъ гусарскій полкъ. Сакенъ повторилъ приказаніе и отдалъ въ распоряженіе Воронцова всю кавалерію Васильчикова. Тогда геройскіе защитники краонской позиціи начали свое безпримѣрное отступленіе. Оно происходило въ шахматномъ порядкѣ, какъ на учебномъ полѣ. Наполеонъ устремилъ вслѣдъ за ними всю свою кавалерію и послалъ на поддержку ея старую гвардію, но всѣ натиски этихъ войскъ встрѣтили непоколебимый отпоръ. Дойдя до деревни Серни, Воронцовъ соединился съ кавалеріею Васильчикова и отбилъ новыя, яростныя атаки французовъ. Отступленіе продолжалось въ томъ-же стройномъ порядкѣ; французы все еще не прекращали преслѣдованія. Тогда Сакенъ приказалъ генералу Никитину поставить артиллерію позади войскъ Воронцова и пропустивъ ихъ, открыть огонь. Осыпанные картечью изъ тридцати шести орудій и притомъ на самомъ близкомъ разстояніи, французы принуждены были

остановиться и около пяти часовъ вечера отрядъ Воронцова могъ отойти спокойно къ Шавиньону на дорогѣ къ Лаону ¹⁾.

Потери русскихъ при Краонѣ были весьма чувствительны. Онѣ доходили до пяти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, но непріятель не успѣлъ захватить ни одного плѣннаго, ни одного трофея. Уронъ французовъ былъ громаденъ. У нихъ вышло изъ строя около 8000 человѣкъ. Нѣкоторыя части войскъ потеряли около двухъ третей изъ наличнаго своего состава. Многие генералы, въ томъ числѣ Викторъ и Груши, были ранены. Наполеонъ старался придать своей „побѣдѣ“ колоссальное значеніе. Онъ толковалъ въ своихъ бюлетеняхъ объ уничтоженіи цѣлыхъ корпусовъ, о взятіи тридцати орудій, но его наглое хвастовство не производило уже впечатлѣніе на самихъ французовъ ²⁾. Наполеонъ, впрочемъ, серьезно предполагалъ, что при Краонѣ ему удалось окончательно разстроить силезскую армію. Онъ воображалъ, что ему остается теперь только добивать и разгонять бѣгущаго непріятеля. Въ дѣйствительности, дѣло стояло, однако-же, совершенно иначе.

Силезская армія, нимало не потрясенная послѣдними событіями, заняла въ теченіи ночи на 8 число чрезвычайно удобную позицію при Лаонѣ. Центръ подъ начальствомъ генерала Бюлова расположился на вершинѣ плоской возвышенности, застроенной домами и стѣнами стараго средне-вѣковаго города. На правомъ крылѣ, примыкавшемъ къ подножію горы, стали вплоть до селенія Молиншара войска Винцингероде. Корпуса Клейста и Юрка составили лѣвое крыло, растянутое на протяженіи между Лаономъ и болотистою рѣчкою Атисомъ. Позади Лаона находились сильные резервы подъ начальствомъ Ланжерона и Савена. Болотистые луга и рѣчки прикрывали весь фронтъ союзниковъ, число

¹⁾ Подробности о битвѣ при Краонѣ см. между прочимъ у Богдановича, т. IV, стр.

²⁾ См. между прочимъ письма Наполеона къ королю Іосифу отъ 8-го марта и къ Бертье отъ того-же числа. Въ послѣднемъ письмѣ Наполеонъ утверждаетъ, что онъ потерялъ при Краонѣ отъ 500 до 600 человѣкъ. *Cor. de Napoleon*, Т. 27, стр. 348—349.

войскъ, сосредоточенныхъ ими подъ Лаономъ, доходило до 100,000 человекъ ¹⁾).

Наполеонъ не имѣлъ никакихъ точныхъ представлений о положеніи своихъ непріятелей. Несмотря на геройское сопротивление русскихъ войскъ въ послѣднемъ сраженіи, на стройный порядокъ, въ которомъ совершилось отступление силезской арміи, на полное отсутствіе трофеевъ и плѣнныхъ, императоръ старался убѣдить себя и другихъ, что непріятель находится въ полнѣйшемъ разстройствѣ, что онъ бѣжитъ поспѣшно въ Бельгію, что французамъ остается только энергически преслѣдовать его, чтобы уничтожить „Блюхера“. Руководимый такими фантазіями, Наполеонъ быстро двигалъ свои войска по направленію къ Лаону. Его армія была раздѣлена на двѣ неравныя колонны: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ самого императора, шла по большой дорогѣ отъ Суассона къ Лаону и составляла, слѣдовательно, лѣвое крыло; другая колонна, подъ предводительствомъ маршала Мармона, направлялась по проселочному пути отъ Бери-о-бака къ Лаону, образуя, такимъ образомъ, правое крыло; въ обѣихъ колоннахъ насчитывалось около 36,000 человекъ. И съ этими силами Наполеонъ собирался разгромить стотысячную армію противниковъ. Заблужденіе по-истинѣ безпримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи!

Задоръ Наполеона, его дерзкая самоувѣренность росли съ каждымъ шагомъ. Густой туманъ окутывалъ всѣ окрестности и ничто не обличало близкаго присутствія большихъ непріятельскихъ силъ. Уже Лаонъ былъ недалеко, когда императору донесли, что небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ Чернышева остановилъ наступленіе французскаго авангарда въ узкомъ ущельи у Этонвиля. Наполеонъ немедленно отправилъ на помощь авангарду два баталіона и два эскадрона старой гвардіи. Они должны были обойти позиціи Чернышева, обратить его въ бѣгство и вмѣстѣ съ бѣгущими ворваться въ Лаонъ. Первая половина императорскаго приказанія исполнена была безъ особаго труда. Чер-

¹⁾ Описаніе позиціи подъ Лаономъ см. у Берггарди, т. IV, 2 пол. стр. 185.

нышевъ, тѣснимый съ фронта и фланга превосходными неприятельскими силами, поспѣшно отступилъ къ Лаону. Не теряя ни минуты времени, французскіе драгуны, какъ безумные, бросились впередъ. Они доскакали почти до позицій союзнаго центра, когда на нихъ посыпался цѣлый градъ картечи и ядеръ. Драгуны бросились назадъ, оставивъ передъ фронтомъ союзниковъ нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ всадниковъ.

Наполеону донесли тотчасъ-же объ этой неприятной неожиданности, но онъ не придавалъ ей большаго значенія. Онъ вывелъ изъ этого случая лишь одно заключеніе, что неприятель не успѣлъ очистить еще Лаона, что аррьергардъ его продолжаетъ занимать городъ. Такъ какъ туманъ становился съ каждою минутою все гуще и гуще, и совершенно скрывалъ отъ Наполеона позиціи союзниковъ, то императоръ оставался при своемъ заблужденіи въ теченіи всего утра 9 марта. Онъ не ожидалъ никакого серьезнаго отпора со стороны неприятеля и сообразно съ этимъ не принималъ никакихъ мѣръ для сосредоточенія своихъ разрозненныхъ силъ. Его войска наступали попрежнему двумя колоннами, отдѣльными одна отъ другой почти непроходимыми болотами; Мармону предписано было даже удерживать прежнее направление. Наполеонъ не намѣренъ былъ впрочемъ дожидаться прибытія этого маршала; войска Нея и Шарпантье, всего около 25,000 человекъ, казались ему вполне достаточными для взятія Лаона.

Немедленно онъ двинулъ впередъ свое лѣвое крыло. Французы наступали впередъ среди густаго, почти непроницаемаго тумана. Этотъ туманъ далъ имъ возможность перебраться безъ всякаго затрудненія черезъ болотистый ручей, протекавшій передъ правымъ крыломъ союзниковъ и развернуть свои линіи между селеніями Лейли и Класи, но онъ-же скрывалъ совершенно отъ ихъ глазъ грозныя позиціи и массы неприятеля и поддерживалъ ихъ вождя въ его странномъ заблужденіи. Уже французы начали проникать въ деревни Ардонъ и Семильи, расположенныя у самой подошвы Лаонской горы, когда туманъ началъ, наконецъ, разсѣиваться

и грозная дѣйствительность предстала предъ изумленными взорами французскихъ воиновъ. Передъ ними раскидывались почти на необозримомъ протяженіи позиціи стотысячной непріятельской арміи. Лаонская гора и небольшія возвышенности, примыкавшія къ ней съ обѣихъ сторонъ, были унизаны многочисленными батареями; позади ихъ виднѣлись густыя массы непріятельской пѣхоты и конницы.

Всякій другой полководецъ потерялся-бы въ виду такой страшной неожиданности; но Наполеонъ сохранилъ и въ эту критическую минуту все присутствіе духа и все самообладаніе. Онъ былъ далекъ отъ мысли объ отступленіи, хорошо зная, съ какими опасностями сопряженъ подобный маневръ въ виду превосходнаго силами непріятеля; онъ приказалъ даже продолжать начатія его войсками атаки на деревни Ардонъ и Семилы, впрочемъ болѣе для виду и для поддержанія духа войскъ, нежели съ дѣйствительнымъ расчетомъ на какой-нибудь успѣхъ. Но что всего изумительнѣе, Наполеонъ не думалъ вообще объ отступленіи и нисколько не отказывался отъ своего первоначальнаго плана. Онъ все еще собирался серьезно атаковать союзниковъ, но отложилъ эту атаку до прибытія на поле битвы колонны маршала Мармона. Ясно, что императоръ не только слѣпо довѣрялъ своему счастью, но не имѣлъ и теперь еще никакихъ точныхъ свѣдѣній о численности стоявшаго передъ нимъ непріятеля.

И счастье осталось и на этотъ разъ вѣрно своему любимцу. Въ этотъ рѣшительный моментъ оно парализовало его единственнаго достойнаго противника, лишило силезскую армію ея геройскаго вождя. Старый фельдмаршалъ Блюхеръ лежалъ въ постели, пораженный тяжелымъ недугомъ ¹⁾ и его многочисленные враги и завистники могли убѣдиться воочію, что значилъ на полѣ битвы старый рубака, относившійся съ такимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ ихъ

¹⁾ Болѣзнь Блюхера была весьма серьезна. Онъ страдалъ сильною лихорадкою, бредилъ и терялъ по временамъ сознаніе. См. Blücher, von K. Blasen-dorf, стр. 280.

геніальной кабинетной стратегіи. Никто не былъ въ состояніи замѣнить теперь стараго фельдмаршала. Геніальный стратегъ Гнейзенау, столь изобрѣтательный въ своихъ планахъ, столь неистощимый въ своихъ комбинаціяхъ, оказался, однако-же, неспособнымъ и безсильнымъ съ той минуты, когда ему пришлось самому приводить въ исполненіе свои предначертанія. Сознаніе страшной отвѣтственности, лежавшей теперь всецѣло на немъ одномъ, одѣвало его волю и рѣшимость, затемняло его столь ясный прежде взглядъ, наполняло его воображеніе призраками страшныхъ небывалыхъ опасностей. Къ довершенію несчастія Гнейзенау не пользовался никакимъ авторитетомъ въ арміи, а старые заслуженные генералы, командовавшіе отдѣльными частями, относились съ явнымъ недоброжелательствомъ къ начальнику штаба, уступавшему имъ и въ лѣтахъ и въ чинахъ. Генераль Йоркъ, не признававшій никакой ученой стратегіи, не скрывалъ своей ненависти и презрѣнія къ геніальному Гнейзенау. Бюловъ, привыкшій къ совершенно самостоятельнымъ дѣйствіямъ подъ номинальнымъ начальствомъ Бернадота, не только открыто критиковалъ распоряженія Гнейзенау, но и уклонялся отъ исполненія ихъ на дѣлѣ. Русскіе генералы Сакенъ и Ланжеронъ, столь охотно подчинявшіеся Блюхеру, не намѣрены были превлоняться предъ авторитетомъ Гнейзенау. Что-же касается генерала Винцингероде, то не сдерживаемый болѣе старымъ фельдмаршаломъ, онъ могъ открыто руководиться своей собственной стратегіею, основное правило которой заключалось въ постоянномъ и систематическомъ уклоненіи отъ всякой встрѣчи съ страшнымъ Наполеономъ ¹⁾. Необходимо имѣть въ виду эти оригинальные порядки въ силезской арміи, чтобы понять въ многихъ отношеніяхъ странныя событія при Лаонѣ.

¹⁾ Присутствіе Наполеона производило, впрочемъ, удручающее впечатлѣніе и на одного Винцингероде, но и на многихъ другихъ, можно сказать, на большинство союзныхъ вождей. Рейхе, генераль квартирмейстеръ въ корпусѣ Бюлова замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Niemand wollte recht anbeissen. Bei dieser Gelegenheit entging es mir nicht, dass Napoleon sich persönlich gegenüber zu wissen einen merkwürdigen Eindruck auf die Männer an unserer Spitze machte. См. Бернгардъ, т. IV, 2 пол. стр. 190.

Гнейзенау легко могъ усмотрѣть съ высоты лаонской горы съ какими ничтожными силами наступалъ на союзниковъ Наполеонъ, но обманутый ложными показаніями плѣнныхъ ¹⁾, онъ полагалъ, что войска, появившіяся противъ праваго крыла силезской арміи, составляютъ лишь небольшой отдѣльный отрядъ, предназначенный для однихъ демонстрацій и отвлеченія вниманія и что нападеніе главныхъ силъ послѣдуетъ на лѣвый флангъ союзниковъ со стороны Реймса и Бери-о-бака. Въ такомъ-же заблужденіи, какъ Гнейзенау, находились и другіе штабные генералы силезской арміи. Всѣ они разсматривали атаки Наполеона на правое крыло лишь какъ демонстраціи, всѣ смотрѣли съ тревогою налѣво, ожидая появленія главныхъ непріятельскихъ массъ на Бери-обакской дорогѣ. Но время проходило и Гнейзенау, побуждаемый генераломъ Мюфлингомъ, рѣшился, наконецъ, перейти въ наступленіе. Предположено было обойти лѣвое крыло Наполеона и заставить его тѣмъ обнаружить свои настоящія намѣренія. Наступленіе совершено было, однако-же, крайне вяло и нерѣшительно. Русская кавалерія, подъ начальствомъ князя Васильчикова, начала было обходить лѣваго непріятельскаго крыла, но тотчасъ-же остановилась, когда Наполеонъ выдвинулъ ей на встрѣчу свою конницу. Винцингероде долженъ былъ поддержать атаку Васильчикова, но онъ заблагодарсудилъ ввести въ дѣло лишь одну конную бригаду и шесть батальоновъ пѣхоты. Войска эти взяли штурмомъ селеніе Класси, занятое французами, но отошли тотчасъ-же назадъ на свои прежнія позиціи, оставивъ въ завоеванной ими деревнѣ всего лишь два батальона. Въ этотъ самый моментъ на Бери-обакской дорогѣ показались, наконецъ, войска Мармона. Всеобщее вниманіе союзныхъ генераловъ обратилось тотчасъ-же на эту сторону. Всѣ готовились отражать нападеніе воображаемыхъ главныхъ силъ противника. Среди общей сумятицы забыты были русскіе батальоны, зани-

¹⁾ Въ числѣ плѣнныхъ находился и нѣмецкій секретарь Наполеона, Пальмъ. Пойманный на пути казаками и приведенный въ главную квартиру силезской арміи, онъ утверждалъ, что армія Наполеона состоитъ изъ 70,000 человекъ. См. Беригарди, достопамятности Толя 2-е изданіе, т. 4, 2-л пол. стр. 189.

мавціе Класси. Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этою оплошдостью. Немедленно двинулъ онъ на Класси нѣсколько батальоновъ старой гвардіи и завладѣлъ обратнo селеніемъ. Со стороны союзниковъ не было предпринято никакой попытки вытѣснить французовъ изъ селенія и поддержать рускіе батальоны, подавленные превосходными непріятельскими силами.

Между тѣмъ атаки французовъ на лѣвое крыло оказались такими-же демонстраціями, какъ и ихъ наступленіе на правый флангъ союзниковъ. Мармонъ замѣтилъ съ самаго начала, съ какими превосходными силами имѣетъ онъ здѣсь дѣло. Онъ подвигался впередъ шагъ за шагомъ съ крайнею осторожностью и ограничивался лишь одною перестрѣлкою. Уже темнѣло, когда войска его заняли часть деревни Аттиса, добровольно оставленную пруссаками. Канонада прекратилась повсемѣстно. Императоръ Наполеонъ, довольный результатами этого дня, рѣшился возобновить сраженіе на слѣдующій день. Спокойно расподожился онъ на ночлегъ. Онъ не предчувствовалъ, какая буря готова была разразиться надъ его лѣвымъ крыломъ.

Геройскій духъ, предпріимчивости, одушевлявшій престарѣлаго вождя силезской арміи, не могъ быть подавленъ окончательно никакимъ физическимъ недугомъ. Прикованный къ постели, фельдмаршалъ Блюхеръ продолжалъ жить тѣмъ не менѣе съ своими солдатами; мысленно раздѣлялъ онъ ихъ геройскіе подвиги и скорбѣлъ душою при видѣ нерѣшительности и неумѣлости лицъ, долженствовавшихъ временно заступитъ его мѣсто. Узнавъ о нерѣшительныхъ результатахъ дня, о неслыханной дерзости непріятеля, оставшейся безнаказанною, Блюхеръ попалъ на мысль вознаградить ночью потерянное днемъ, ударить внезапно на правую колонну непріятеля отдѣленную отъ главныхъ силъ Наполеона непроходимыми болотами, и уничтожить ее прежде нежели императоръ успѣетъ поспѣшить къ ней на помощь. Фельдмаршалъ приказалъ составить планъ ночнаго нападенія на корпусъ Мармона и отправилъ своего адъютанта, графа Гольца, къ генералу Йорку съ повелѣніемъ немедленно привести его въ исполне-

ніе. На пути къ Іорку Гольцъ встрѣтился съ посланнымъ отъ Іорка адъютантомъ, который ѣхалъ къ фельдмаршалу съ просьбою разрѣшить ночное нападеніе на Мармона. Оказалось, что одна и та же мысль родилась одновременно и у Блюхера и у Іорка, или, какъ рассказываютъ современники, у одного изъ приближенныхъ послѣдняго ¹⁾.

Быстрота исполненія равнялась быстротѣ замысла. Не было никакихъ долгихъ совѣщаній, никакихъ писанныхъ диспозицій. Весь планъ былъ установленъ въ полчаса, всѣ приказы отданы были словесно. Въ нападеніи должны были принять участіе всѣ прусскія войска, стоявшія на лѣвомъ крылѣ, т. е. корпуса Іорка и Клейста. Сакенъ, стоявшій съ своимъ отрядомъ позади позицій Іорка, былъ приглашенъ поддержать атаку, но русскій генералъ, не ладившій съ своимъ прусскимъ товарищемъ съ роковаго дня при Монмиралѣ, отказался, ссылаясь на другія приказанія, данныя ему свыше ²⁾.

Наступила уже полная темнота, когда Іоркъ отдалъ свои послѣднія распоряженія. Тихо, безъ шума собрались войска въ заранѣе назначенныхъ имъ мѣстахъ. Ночь была темная, хотя небо усыпано было звѣздами. На непріятельскихъ позиціяхъ пылали яркіе бивачные костры. Безчисленные огни, горѣвшіе на маонскихъ высотахъ и зарево пылавшей деревни Аттисъ, освѣщали окрестности и указывали войскамъ назначенное имъ направленіе. Незамѣтно приблизились пруссаки къ непріятельскому лагерю. Принцъ Вильгельмъ наступалъ съ своею бригадою съ фронта, пѣхота Іорка и Клейста обошла французовъ съ фланговъ, тогда какъ многочисленная прусская кавалерія, подкрѣпленная казаками, зашла имъ въ тылъ. Съ громовымъ крикомъ ура, не дѣлая ни одного выстрѣла, бросились пруссаки на своихъ враговъ. Французы были захвачены врасплохъ. Ихъ орудія, стоявшія наготовѣ, успѣли дать лишь одинъ выстрѣлъ. Атакованные со

¹⁾ Первая мысль ночнаго нападенія подана была Ф. Шакомъ, однимъ изъ приближенныхъ Іорка. См. Дройзенъ жизнь Іорка, т. II, стр. 355.

²⁾ Дройзенъ, Жизнь Іорка, т. II, стр. 357.

всѣхъ четырехъ сторонъ пѣхотою и конницею, не различая въ темнотѣ и смятеніи своихъ отъ чужихъ, солдаты Мармона метались какъ безумные изъ стороны въ сторону, давили и убивали другъ друга. Французскіе кирасиры бросились въ атаку на собственную пѣхоту, шассеры искали убѣжища въ средѣ прусскихъ баталіоновъ, принимая ихъ за своихъ и были или переколоты, или взяты въ плѣнъ. Все, что могло бѣжать, бѣжало, но прусская конница неутомимо преслѣдовала бѣглецовъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Лишь одинъ баталіонъ французовъ, въ серединѣ котораго нашель себѣ убѣжище Мармонъ, отступалъ въ стройномъ порядкѣ и штыками пролагалъ себѣ путь черезъ своихъ и чужихъ. Вся остальная масса разсѣялась въ разныя стороны. Корпусъ Мармона былъ совершенно уничтоженъ. Полторы тысячи человѣкъ остались на мѣстѣ, двѣ съ половиною тысячи было взято въ плѣнъ. Весь обозъ корпуса, вся артиллерія, 45 орудій, достались въ добычу побѣдителямъ. Потеря пруссаковъ состояла всего лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Никогда еще въ теченіи всей этой кровавой войны такой блестящій успѣхъ не былъ купленъ такими ничтожными жертвами ¹⁾).

Судьба Наполеона находилась теперь въ рукахъ вождей силезской арміи. Имъ оставалось только довершить столь блистательно начатое дѣло. У Наполеона оставалось теперь не болѣе 25,000 войска и союзники могли легко подавить своими массами эти ничтожныя силы. Казалось, что они намѣревались сдѣлать это, казалось, что теперь наступилъ конецъ всѣмъ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Диспозиція, составленная еще въ теченіи ночи въ главной квартирѣ, предполагала съ одной стороны продолжатъ преслѣдованіе разбитаго Мармона, а съ другой стороны наступленіе на самого Наполеона и обходъ его лѣваго крыла. Вся диспозиція построена была, впрочемъ, на томъ, повидимому, несомнѣнномъ предположеніи, что Наполеонъ, узнавъ о пораженіи Мар-

¹⁾ Подробности ночнаго нападенія см. въ особенности у Дройзена, т. II, стр. 357—360.

мона, не рѣшится оставаться въ виду союзныхъ позицій и начнетъ немедленно отступленіе. Къ общему изумленію, предположеніе это оказалось совершенно ошибочнымъ.

Наполеонъ узналъ о катастрофѣ, постигшей его правое крыло, въ часъ ночи. Онъ былъ страшно раздосадованъ, взбѣшенъ, онъ говорилъ, что Мармонъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ поручикъ, что безъ этой глупой драки все окончилось-бы превосходно и непріятель навѣрное очистилъ-бы Лаонъ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не потерялъ ни на одинъ моментъ присутствія духа и рѣшился тотчасъ-же на такую мѣру, которая уже по одной своей неожиданности и чрезвычайности, должна была сбить совершенно съ толку его противниковъ¹⁾. Онъ рѣшилъ оставаться неподвижно въ виду непріятельскихъ позицій и даже производить угрожающія демонстраціи противъ праваго крыла союзниковъ, твердо рассчитывая, что его противники прекратятъ преслѣдованіе Мармона и не рѣшатся атаковать его самого.

Расчетъ Наполеона оправдался самымъ блистательнымъ образомъ. Недоумѣніе союзныхъ вождей не знало границъ, когда они замѣтили утромъ, что непріятельскія колонны остаются на тѣхъ-же мѣстахъ, что они готовятся даже перейти въ наступленіе. Недоумѣніе перешло въ нерѣшительность и страхъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ отъ перебѣжчиковъ, что Наполеонъ получилъ въ теченіи ночи сильныя подкрѣпленія и что онъ назначилъ въ этотъ день атаку со-

¹⁾ Въ письмѣ Наполеона къ королю Иосифу отъ 11-го марта мы читаемъ слѣдующую фразу: „Il est probable que l'ennemi aurait évacué Laon dans la crainte d'être attaqué, sans l'échauffourée du duc de Raguse, qui s'est comporté comme un sous-lieutenant“. Въ другомъ письмѣ отъ 10-го марта мы читаемъ: „Ceci (т. е. поражение Мармона) n'est qu'un accident de guerre, mais tres-facheux dans un moment où j'avais besoin de bonheur“. Corr. de Napoleon. т. 27, стр. 351—352. Мармонъ въ своихъ мемуарахъ искажаетъ безсовѣстнымъ образомъ истину, чтобы выгородить себя и скрыть, по возможности, свое пораженіе. Если вѣрить наполеоновскому маршалу, то оказывается, что вся бѣда произошла отъ небрежности войскъ дивизіи герцога падуанскаго, да что и сама бѣда не была особенно велика, такъ какъ всѣ потери ограничивались тремястами человѣкъ и 21 орудіемъ, брошенными на пуги. *Mémoires de Marmon*, т. VI, стр. 212—214.

юзныхъ позицій. Никто изъ союзныхъ генераловъ не рѣшился при такихъ обстоятельствахъ приступить къ исполненію диспозиціи. Бюловъ началъ было спускаться съ лаонскихъ высотъ, но лишь для того, чтобы поспѣшно возвратиться назадъ ¹⁾. Винцингероде предпринялъ нападеніе на Класси, но отступилъ назадъ, встрѣтивъ энергическій отпоръ. Торву и Клейсту отданъ былъ приказъ прекратить преслѣдованіе Мармона и возвратиться обратно въ Лаону. Весь день прошелъ въ безполезныхъ передвиженіяхъ и демонстраціяхъ. Съ неподражаемымъ искусствомъ игралъ Наполеонъ свою роль до самаго вечера. Съ 25,000 солдатъ удерживалъ онъ на мѣстѣ 100,000 непріятельскую армію. Только при наступленіи темноты, началъ онъ, наконецъ, отступление. Никто не преслѣдовалъ его. Спокойно, не шоропясь, провелъ онъ свои войска черезъ опасные дефилеи и узкія гати у Шиви и Етувеля. Не потерявъ ни одного орудія, ни одной фуры, достигъ онъ благополучно окрестностей Суассона. Еще разъ имѣлъ онъ полное право благословлять свою звѣзду и смѣяться надъ непонятнымъ ослѣпленіемъ своихъ противниковъ.

Но всякое счастье имѣетъ свои предѣлы. Наполеонъ былъ спасенъ еще разъ отъ гибели, но цѣль, съ которою онъ предпринялъ свое второе движеніе на силезскую армію, не была достигнута. Ему не удалось во второй разъ захватить противника врасплохъ и разбить его по частямъ. Онъ самъ понесъ жестокія, невозвратимыя потери при Лаонѣ и принужденъ былъ отступить. Эта страшная силезская армія, которую Наполеонъ считалъ совершенно основательно несравненно опаснѣе для Парижа, нежели всѣ силы Шварценберга ²⁾, осталась цѣла и невредима и могла возобновить свое наступленіе на столицу Франціи. Наполеонъ сознавалъ это прекрасно, но сознавалъ въ тоже время свое безсиліе

¹⁾ См. Рейхе, Memoiren, т. II, стр. 79.

²⁾ „Cette armée est plus dangereuse pour Paris que celle de Schwarzenberg“. Изъ письма Наполеона къ Іосифу отъ 10 М. изъ Шавиньона. См. Corresp. de Napoleon, т. 27, стр. 351.

помѣшать этому наступленію. Волею или неволею онъ долженъ былъ оставить въ покоѣ самаго опаснаго своего противника и искать спасенія въ новыхъ отважныхъ и рискованныхъ маневрахъ. Мысль о движеніи на Марну въ тылъ главнымъ силамъ союзниковъ вновь блеснула въ его головѣ и онъ рѣшился, наконецъ, приступить къ ея серьезному осуществленію.

Но прежде чѣмъ пускаться въ новую, далекую и опасную экспедицію, необходимо было дать небольшой отдыхъ истомленнымъ войскамъ и попытаться пополнить хотя нѣсколько страшную убыль въ своихъ рядахъ. Эта послѣдняя задача казалась Наполеону особенно настоятельною. Онъ требовалъ въ своихъ письмахъ къ брату Іосифу, чтобы въ Парижѣ было сформировано новое 30,000 войско изъ бѣглыхъ поселянъ и бездомныхъ пролетаріевъ; онъ жаловался, что молодая гвардія и кавалерія таютъ какъ снѣгъ подъ лучами жаркаго солнца и требовалъ отовсюду подкрѣпленій¹⁾. И подкрѣпленія эти приходили, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что ихъ не хватало и на половину для пополненія убыли.

Между тѣмъ оплошность непріятеля дала возможность Наполеону одержать совершенно неожиданно новую побѣду. Силезская армія, скованная по прежнему тяжелою болѣзнью Блюхера, оставалась въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, корпуса ея были разбросаны въ различныхъ направленіяхъ; не принято было даже никакихъ мѣръ притянуть во-время къ главнымъ силамъ отрядъ графа Сенъ-При, прибывшаго въ это время на театръ войны съ 10,000 свѣжихъ русско-пруссскихъ войскъ. Французскій эмигрантъ, одно имя котораго приводило Наполеона въ ярость, успѣлъ завладѣть Реймсомъ, но онъ велъ себя крайне неосторожно, забывая, что подъ Суассономъ находится самъ императоръ съ глав-

¹⁾ „La jeu ne garde fond comme la neige. La veille garde se soutient. Ma garde à cheval aussi fond beaucoup.“ Изъ письма Наполеона къ Іосифу отъ 11 марта. Замѣчательно, что въ этомъ-же письмѣ Наполеонъ находитъ, что нѣсколько редутовъ вокругъ Парижа были бы полезны, въ особенности въ моральномъ отношеніи. Онъ даже приказываетъ начать постройку укрѣпленій на Монмартрѣ. См. Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 352.

ными своими силами. Такая оплошность не прошла ему даромъ. Не давая отдыха своимъ войскамъ, Наполеонъ быстро двинулся къ Реймсу, внезапно ударилъ на Сень-При и совершенно уничтожилъ его корпусъ. 4000 русскихъ и пруссаковъ легло на мѣстѣ; одиннадцать орудій достались въ добычу французамъ; самъ Сень-При, смертельно раненный, скончался черезъ нѣсколько дней въ Лаонѣ.

Наполеонъ старался извлечь какъ можно болѣе пользы изъ этой легкой побѣды. Торжествующимъ тономъ возвѣщалъ онъ о заслуженной карѣ, постигшей измѣнника и до смѣшнаго преувеличивалъ потери непріятеля ¹⁾. Какъ ни много фальши было во всѣхъ этихъ фанфоранадахъ, но новая побѣда несомнѣнно подняла и духъ самого императора. Планъ экспедиціи на Марну въ тылъ союзникамъ созрѣлъ въ это время окончательно въ его головѣ. Онъ рѣшился осуществить его, не смотря на всѣ предостереженія брата Иосифа, не смотря на крайнюю недостаточность своихъ силъ. Мысль о мирѣ была въ это время болѣе далека отъ него, нежели когда либо. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы затянуть переговоры въ Шатильонѣ и внести рознь въ среду союзниковъ. Коленкуру было предписано потребовать, чтобы къ участию въ совѣщаніяхъ были допущены представители второстепенныхъ державъ. Такое-же внушеніе было послано Бернадоту, роль котораго сдѣлалась въ это время еще двусмысленнѣе нежели прежде. Понятно, что Наполеонъ вовсе не рассчитывалъ на успѣхъ этихъ интригъ. Въ своихъ письмахъ и инструкціяхъ онъ даже прямо говорилъ, что дѣло идетъ вовсе не о второстепенныхъ державахъ, а единственно о выигрышѣ времени ²⁾.

Собираясь на новое, опасное предпріятіе, Наполеонъ не только собиралъ отовсюду подкрѣпленія, но и возлагалъ

¹⁾ Наполеонъ писалъ между прочимъ Иосифу: „Ce qu'il y a de remarquable c'est que Saint-Priest à été blessé par le même pointeur qui a tué le général Morgeau; c'est le cas de dire: ô Providence! ô Providence“.

Correspondance de Napoleon, т. 27, стр. 364.

²⁾ См. письмо Наполеона къ Коленкуру и проектъ ноты, которую онъ долженъ былъ представить конгрессу. Correspond. de Nap. Т. 27, стр. 315—318.

большія надежды на различныя диверсіи на второстепенныхъ и отдаленныхъ театрахъ войны. Онъ предписалъ маршалу Сюше сдать испанцамъ всѣ крѣпости въ Каталоніи и послѣшить съ ихъ гарнизонами во Францію. Князю Боргезе предписано было собрать въ итальянскихъ провинціяхъ всѣ гарнизоны и вновь сформированныя войска и привести ихъ на театръ войны. Маршалу Даву, запертому союзниками въ Гамбургѣ, велѣно было выйти изъ крѣпости и перенести войну въ открытое поле, на нижнюю Эльбу.

Ни къ кому изъ своихъ прежнихъ любимцевъ Наполеонъ не относился съ такимъ омерзениемъ, какъ къ измѣннику Мюрату; но когда этотъ измѣнникъ изъявилъ готовность къ новой измѣнѣ, когда онъ тайно предложилъ императору вновь поднять за него оружіе, но подъ условіемъ, чтобы ему была уступлена половина Италіи, то Наполеонъ не рѣшился отвергнуть предложеній „новаго Искаріота“. „Пошлите агента къ этому замѣчательному измѣннику“, писалъ онъ вице-королю Евгенію, „и заключите съ нимъ договоръ отъ моего имени. Не касайтесь ни Піемонта, ни Генуи, а остальную Италію раздѣлите на два королевства“. Само собою понятно, что Наполеонъ вовсе не думалъ соблюдать условій этого договора. „Что касается до условій“, писалъ онъ тому же Евгенію, „то внослѣдствіи можно будетъ поступить какъ угодно, ибо ничто не можетъ связывать насъ въ такомъ положеніи и послѣ такой неблагодарности“¹⁾.

Наполеонъ продолжалъ возлагать также большія надежды на дальнѣйшее развитіе народной войны. Онъ призывалъ крестьянъ къ оружію во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся вблизи французскія войска; онъ грозилъ смертью каждому чиновнику или меру, который осмѣлится удерживать поселянъ отъ поголовнаго возстанія,²⁾ онъ относился

¹⁾ См. Беригарди, т. IV, стр. 207, гдѣ письмо это заимствовано изъ Плака стр. 49.

Въ *Correspond.* письмо это не помѣщено.

²⁾ Угроза распространяется даже на частныхъ лицъ, которыя осмѣлились бы охлаждать порывы народнаго патриотизма. См. текстъ декрета въ *Correspondance de Napoleon*, т. 27, стр. 57.

съ ядовитою иронією къ тѣмъ изъ своихъ приближенныхъ, которые сѣтовали на варварское опустошеніе страны своими и чужими войсками, на бѣдственное положеніе крестьянина. „И вы объ этомъ горюйте“, сказалъ онъ между прочимъ Мармону. „Какіе пустыки! Тутъ нѣтъ никакого несчастія! Когда мужикъ разорень, когда изба его сожжена; то ему не останется иного выбора какъ взяться за ружье и принять участіе въ войнѣ“¹⁾.

Помимо всѣхъ этихъ надеждъ и расчетовъ Наполеонъ не опускалъ изъ виду ближайшаго и нужнѣйшаго; всѣми силами старался онъ увеличить армію, долженствовавшую сопровождать его на Марну. Онъ забиралъ все, что было можно изъ крѣпостей на нижнемъ Маасѣ. Онъ велѣлъ собрать въ Реймсѣ 8000 національныхъ гвардейцевъ изъ сосѣднихъ департаментовъ и присоединить ихъ къ отрядамъ Мармона и Мортье, онъ приказалъ генералу Дюруту, коменданту Меца, немедленно прислать въ армію 10,000 ч., но ни одно изъ этихъ распоряженій не могло быть приведено въ исполненіе. Въ концѣ концовъ армія увеличилась въ Реймсѣ всего лишь на 4000 человекъ. Состояніе обмундированія и вооруженія было крайне неудовлетворительное. Наполеонъ старался помочь горю, между прочимъ, тѣмъ, что приказалъ отобрать у плѣнныхъ шинели и шапки и раздать ихъ своимъ солдатамъ.

Наполеонъ видимо спѣшилъ съ своею экспедиціею. Неудержимо стремился онъ къ безднѣ и оставался глухъ ко всѣмъ предостереженіямъ, а недостатка въ нихъ не было и въ этотъ послѣдній моментъ. Они приходили со всѣхъ сторонъ, изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ. Наканунѣ выступленія изъ Реймса онъ получилъ письмо отъ своего тестя, императора австрійскаго. Францъ прямо отрекался въ этомъ письмѣ отъ своего зятя, онъ отнималъ у него всякую надежду на отдѣльный миръ съ Австріею²⁾. Одновременно

¹⁾ „Cela vous afflige? eh! mais il n'y a pas grandmal! Quand un paysan est ruiné et que sa maison est brulée il n'a rien de mieux à faire que de prendre un fusil et de venir combattre“. См. Мемуары Мармона, т. VI, стр. 219.

²⁾ Письмо, приведенное нами выше. Наполеонъ отнесся, впрочемъ, къ это-

съ этимъ грознымъ посланіемъ пришли тревожныя вѣсти изъ Шатильона. Коленкуръ извѣщалъ своего повелителя, что необходимо принести жертвы и жертвы тяжелыя, что всѣ кабинеты настроены крайне враждебно, что они ждутъ лишь повода, чтобы прервать переговоры, что не надо повторять ошибки, сдѣланной въ Прагѣ и опускаться послѣдній моментъ, когда возможно еще заключить миръ.

Но быть можетъ, самыя тревожныя вѣсти и самыя настоятельныя предостереженія приходили изъ Парижа. Іосифъ извѣщалъ своего брата, что въ столицѣ господствуетъ самое безотрадное настроеніе, что всѣ требуютъ мира, какъ единственнаго спасенія, что члены государственнаго совѣта во все не считаютъ Рейнскую границу безусловно необходимою для Франціи, что всѣ полагаютъ, что можно удовольствоваться и предѣлами 1792 года. О новыхъ вооруженіяхъ въ Парижѣ, писалъ также Іосифъ, а тѣмъ болѣе о массовомъ призывѣ національной гвардіи,—не можетъ быть и рѣчи. По мнѣнію министровъ во всей столицѣ не найдется и тысячи человѣкъ, которые пожелали-бы взяться за ружье. Въ добавленіе ко всему Іосифъ увѣдомлялъ брата, что въ Парижѣ вовсе нѣтъ ружей, что населеніе ропщетъ, что оно желаетъ видѣть во главѣ національной гвардіи популярнаго маршала Монсея, что въ войскахъ Макдональда господствуетъ самое дурное настроеніе. Въ заключеніе Іосифъ писалъ: „Если Тулуза или Бордо выскажется за Бурбоновъ, то междоусобная война станетъ неизбежною. Громадное населеніе Парижа выскажется за того, кто обѣщаетъ ему скорѣй миръ. Мы стоимъ наканунѣ всеобщаго разложенія; нѣтъ иного спасенія кромѣ мира“¹⁾).

му предостереженію съ крайнимъ презрѣніемъ. „Австрійскій императоръ“, писалъ онъ Іосифу, „не можетъ сдѣлать ничего, такъ какъ онъ слабъ и подчиняется вліянію Меттерниха, подкупленнаго англичанами. Вотъ вамъ и разгадка всего секрета“. См. *Corresp. de Nap.* Т. 27, стр. 357.

¹⁾ Въ письмѣ Іосифа мы встрѣчаемъ еще слѣдующія мѣста: „On regarde l'occupation de la capital comme la fin de l'ordre actuel, et le commencement des grands malheurs“... „Nous sommes à la vielle d'une dissolution total; il n'ya d'autre salut que dans la paix“..

Наполеонъ принялъ всѣ эти заявленія своего брата крайне оригинально. Онъ видѣлъ въ нихъ лишь постыдную, ничѣмъ не оправдываемую трусость и угодливость толпѣ. Онъ жестоко пробралъ Иосифа въ своемъ отвѣтѣ. „Довольно сплетень и жалобъ. Прошу пощадить меня ими въ будущемъ. Если-бы я рассчитывалъ дать какое либо назначеніе Монсею, то я не руководился-бы при этомъ парижскою болтовнею. Парижская національная гвардія составляетъ часть французскаго народа, и пока я живъ, я останусь повелителемъ Франціи. Вашъ и мой характеръ совершенно различны. Вы любите льстить людямъ и повиноваться ихъ идеямъ; я люблю, чтобы всѣ старались угодить мнѣ и повиновались моимъ приказамъ. И нынѣ я такой-же повелитель, какимъ былъ во времена Аустерлица. Не допускайте, чтобы кто нибудь кокетничалъ съ національною гвардіею, или чтобы Реньо или кто либо другой выступалъ въ роли ея трибуна. Я думаю, что люди должны-же наконецъ понимать, что есть большая разница между тѣмъ временемъ, когда господиномъ былъ Лафайетъ или народъ, и тѣмъ, когда господинъ я. Если народъ замѣтитъ, что ему стараются лишь угодить, вмѣсто того, чтобы хлопотать объ его пользѣ, тогда естественно, что онъ вообразитъ себя повелителемъ, и усвоитъ себѣ очень низкое мнѣніе о своихъ правителяхъ“¹⁾.

Отдѣлавъ такимъ образомъ брата Иосифа и подтвердивъ ему вновь свои распоряженія на счетъ немедленнаго сформирования новаго войска изъ бездомныхъ пролетаріевъ, Наполеонъ послалъ въ высшей степени оригинальныя инструкціи Коленкуру. Онъ уполномочилъ его сдѣлать такія уступки, безъ которыхъ союзники не согласятся продолжать переговоры. Онъ настаивалъ, чтобы первымъ условіемъ предварительнаго договора было немедленное очищеніе французской территоріи и освобожденіе французскихъ плѣнныхъ²⁾. Относительно сдачи союзникамъ крѣпостей Антверпена,

¹⁾ Все это въ высшей степени замѣчательное письмо Наполеона напечатано въ X томѣ мемуаровъ Иосифа Бонапарте. Въ Correspondance его кнѣзь.

²⁾ См. Correspondance т. 27, стр. 382.

Майнца и Александрии, Коленкуру было внушено выражаться самымъ неопредѣленнымъ образомъ, такъ какъ императоръ намѣренъ руководиться въ этомъ вопросѣ лишь чисто военными соображеніями, ибо онъ вовсе не желаетъ выдать врагамъ эти три ключа Франціи.

Представитель Франціи въ Шатильонѣ не успѣлъ, впрочемъ, воспользоваться этими инструкціями. Тѣснимый представителями союзныхъ державъ, Коленкуръ рѣшился, наконецъ, представить съ своей стороны проектъ мирнаго договора. Слѣдуя прежнимъ указаніямъ императора, онъ требовалъ для Франціи Рейнской границы, объявлялъ, что Наполеонъ готовъ отказаться отъ короны Италіи въ пользу Евгенія Богарне и заявлялъ, что племянникъ императора, Людовикъ Наполеонъ, долженъ получить герцогство Бергъ, равно какъ всѣ наполеоновскіе герцоги и маршалы удержатъ тѣ имѣнія, которыми надѣлилъ ихъ Наполеонъ въ Германіи. Ознакомившись съ этимъ курьезнымъ проектомъ, представители союзныхъ державъ единогласно заявили, что переговоры окончены и конгрессъ закрытъ ¹⁾.

Наполеонъ узналъ объ этомъ роковомъ для него рѣшеніи уже во время своего движенія на Марну. Занятый всецѣло своими военными планами, онъ не придавалъ ему особаго значенія. Да это и неудивительно. Императоръ относился спокойно даже въ такой возможности, какъ занятіе Парижа союзниками. Онъ давно уже предвидѣлъ и вѣвѣсилъ и эту случайность. Его братъ, его министры писали ему каждый день, что взятіе Парижа повлечетъ за собою его собственное паденіе; онъ только презрительно глумился надъ ихъ наивною близорукостью. Пусть враги занимаютъ столицу Франціи, онъ все-же останется повелителемъ французскаго народа и будетъ продолжать войну. Одно лишь безпокоило императора: онъ опасался, чтобы его супруга и сынъ не попали въ руки непріятелей. Для предупрежденія этой страшной возможности онъ даетъ самыя точныя и рѣшительныя

¹⁾ Объ окончаніи шатильонскаго конгресса см. депеши Разумовскаго отъ 3-го марта ст. ст. Семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 489—490.

приказанія Іосифу. „Если непріятель“, пишетъ онъ брату, „подступитъ къ Парижу съ такими силами, что всякое сопротивленіе окажется невозможнымъ, то озаботьтесь немедленно отправить за Луару правительницу, моего сына, государственныхъ сановниковъ, министровъ, сенаторовъ, президента государственнаго совѣта и казну. Не оставляйте моего сына“¹⁾.

Жребій былъ брошенъ. Утромъ 17 марта Наполеонъ выступилъ изъ Реймса. Силы, съ которыми онъ предпринималъ свою экспедицію, были крайне незначительны, всего на-всего около 25,000 человекъ, но онъ рассчитывалъ достигнуть съ ними и съ войсками Мавдональда, около 40,000 человекъ, самыхъ колоссальныхъ результатовъ. Уже вечеромъ 17 марта императоръ достигъ Еперне. Онъ писалъ оттуда: „я выступлю отсюда завтра до свѣта, чтобы прибыть во-время въ Арсисъ на Объ. Я буду тамъ послѣ завтра въ полдень. Оттуда, смотря по обстоятельствамъ, я направлюсь на Мери или на Труа, дабы зайти въ тылъ непріятелю. Я ожидаю большихъ результатовъ отъ моего движенія. Оно произведетъ большой безпорядокъ и великое смятеніе и въ тылу непріятеля, и въ его главной квартирѣ, если только она находится еще въ Труа“²⁾. Возбужденный такими надеждами, Наполеонъ быстро двинулся впередъ. Уже 18 марта онъ прибылъ въ Феръ-Шампенаузъ. Онъ былъ уже въ непосредственной близости къ арміи Шварценберга. Его передовыя войска столкнулись уже во многихъ мѣстахъ съ казачьими разбѣздами непріятеля. Предстояли, повидимому, самыя рѣшительныя событія.

Что-же происходило, между тѣмъ, въ большой союзной арміи? Нечего и говорить, что все шло здѣсь въ прежнемъ

¹⁾ „И помните, добавляетъ Наполеонъ, что я предпочелъ-бы утопить его въ Сенъ, нежели предать въ руки враговъ Франціи. Участь Астіанакса въ плѣну у грековъ мнѣ казалась всегда самою несчастною въ исторіи“. См. *Congresspondance*, т. 27, стр. 378.

²⁾ См. письмо къ Іосифу Бонапарте отъ 17 марта а также къ Кларке, военному министру отъ того-же числа. *Congresspondance de Napoleon*, т. 27, стр. 384—385.

порядкѣ и духѣ. Князь Шварценбергъ не могъ измѣнить своей тактической системы, несмотря на всѣ послѣднія событія, побуждавшія его къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ни разоблаченія, сдѣланныя императоромъ Александромъ, ни рѣшительное письмо императора Франца къ Наполеону, ни Шомонскій договоръ, ни измѣнившійся тонъ англійскихъ дипломатовъ въ главной квартирѣ, ничто не могло повліять на стратегическіе планы и дѣйствія фельдмаршала, такъ какъ эти планы и дѣйствія вытекали всецѣло и изъ характера князя, и изъ той военной теоріи, которая присуща была не только ему лично, но и всему его штабу. Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ оставилъ въ покоѣ главную армію и двинулся вновь противъ Блюхера, Шварценбергъ не могъ, разумѣется, продолжать своего отступательнаго движенія. Волею или неволею, а приходилось идти впередъ, но продвинувшись до Труа, князь остановился какъ-бы въ недоумѣніи и, несмотря на протесты императора Александра, разбросалъ свои корпуса въ разныя стороны и никакъ не рѣшался атаковать Макдональда, стоявшаго на Сенѣ. Фельдмаршалъ заботился обо всемъ на свѣтѣ, ежеминутно дрожалъ онъ за свои сообщенія, ожидалъ съ тревогою вѣстей изъ Швейцаріи и южной Франціи, но болѣе всего хлопоталъ о продовольствіи своихъ войскъ. Казалось, что союзный главнокомандующій превратился окончательно въ интенданта, что вся его стратегическая мудрость свелась на хозяйственный вопросъ. Свою продолжительную остановку въ окрестностяхъ Труа онъ оправдывалъ тѣмъ, что войска его могутъ жить въ этой мѣстности, хотя и самъ сознавался, что по прошествіи короткаго времени все будетъ съѣдено и здѣсь, и что тогда придется умирать съ голоду.

Чтобы наполнить хотя чѣмъ-нибудь время и обнаружить хотя призракъ дѣятельности, фельдмаршалъ и его штабъ составляли каждый день длинныя и сложныя диспозиціи, затѣмъ передѣлывали ихъ иногда по нѣскольку разъ и рассылали по войскамъ всѣ различныя редакціи своихъ стратегическихъ фабрикатовъ. Такъ какъ эти различныя редак-

ціи диспозиціи предписывали нерѣдко совершенно противоположныя движенія, то легко себѣ представить какой хаосъ и бессмыслица получались въ результатѣ. Едва только известный отрядъ, получивъ приказъ двинуться впередъ, начиналъ сниматься съ бивуаковъ, какъ получалась новая диспозиція, предписывавшая идти назадъ, а часа черезъ три приходила третья, приказывавшая оставаться неподвижно на мѣстѣ ¹⁾. Нетерпѣніе и негодование овладѣвало даже самыми терпѣливыми людьми при подобныхъ порядкахъ, а характеры болѣе страстные и натуры нервныя приходили просто въ отчаяніе. Всѣ, кто только могъ, старались уйти изъ арміи. Даже Витгенштейнъ оставилъ театръ войны, ссылаясь на легкую рану, полученную имъ при Барѣ на Обѣ. Довѣріе къ князю Шварценбергу, никогда не отличавшееся особенною силою, пало окончательно при такихъ обстоятельствахъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что князь руководится при своихъ дѣйствіяхъ какими-то глубокомысленными соображеніями; всѣ пришли къ убѣжденію, что онъ намѣренъ избѣгать во что-бы то ни стало всякой серьезной встрѣчи съ непріателемъ, что онъ рѣшился свалить всю тяжесть борьбы на плечи одного Блюхера. Подобныя мнѣнія высказывались тогда громко всѣми лицами, посвященными хотя сколько нибудь въ тайны главной квартиры. Р. Ф. Толь писалъ князю Волконскому, „что союзные монархи теперь-же должны рѣшить вопросъ, что предпримутъ они въ томъ случаѣ, если Блюхеръ будетъ разбитъ Наполеономъ, отважатся-ли они дать битву съ этою арміею, или-же, согласно мнѣнію князя Шварценберга, предпочтутъ отступить за Рейнъ“. ²⁾ „Наши операціи“, писалъ въ это-же время лордъ Бургершъ, „очень странны. Все дѣло заключается въ томъ, что мы боимся драться. Я убѣжденъ, что эта армія никогда не будетъ употреблена для рѣшительнаго сраженія; а безъ таковаго я не вижу возможности сокрушить

¹⁾ Подробныя и обстоятельныя подтвержденія всего сказаннаго въ текстѣ можно найти въ изложеніи Бернгарди. См. IX главу 2 полов. 4 тома.

²⁾ См. Бернгарди, т. IV, 2 полов. стр. 225.

Наполеона. Шварценбергъ желаетъ болѣе всего очутиться далеко позади на Рейнѣ; въ настоящей своей позиціи онъ встрѣтился съ такими трудностями, изъ которыхъ можетъ вывести его только одна побѣда. Но онъ считаетъ это слишкомъ рискованнымъ средствомъ, а отступить онъ также не можетъ, опасаясь взять на себя тяжелую нравственную отвѣтственность. Онъ предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ онъ есть, не рассчитывая предпринять что-либо серьезное, за исключеніемъ того случая, когда побѣды, одержанныя другими союзными арміями, облегчатъ ему путь" ¹⁾.

Но не одни только полководцы и высокопоставленные дипломаты, а и всѣ маленькіе люди пришли въ это время къ убѣжденію, что дѣла не могутъ идти далѣе такимъ образомъ. Продолжительное бездѣйствіе, безцѣльныя движенія, вѣчное отступленіе передъ непріателемъ, подѣйствовали самымъ убійственнымъ образомъ на настроеніе арміи. Геройскій духъ, господствовавшій въ войскахъ въ началѣ этой кампаніи, испарился совершенно. Глубокое недовольство и страшная деморализація охватили всю армію. Офицеры толковали только о мирѣ и высказывали полное отвращеніе къ войнѣ. Боевая слава, блестящія награды утратили все свое обаяніе. Солдаты предавались мародерству и рыскали шайками по деревнямъ. Грабежи и неистовства всякаго рода достигли до невѣроятныхъ размѣровъ. Крестьяне, доведенные до отчаянія, бѣжали въ лѣса и брались за оружіе. Въ Труа, гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала, свѣдѣствовали страшный голодъ. Невозможно было достать хлѣба ни за какія деньги. Жители питались лошадиною падалью, валявшеюся на улицахъ ²⁾.

Это безотрадное время постыднаго и безцѣльнаго бездѣйствія было временемъ самыхъ тяжелыхъ испытаній для императора Александра. На немъ одномъ лежала вся тяжесть непрерывной борьбы съ австрійскимъ генеральнымъ

¹⁾ См. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 226.

²⁾ См. Бернгарди, т. IV, 2-я пол. стр. 228, гдѣ приведено свидѣтельство очевидца, лорда Бургерша.

штабомъ и эта тяжесть истощала по временамъ и его изумительное, можно сказать, сверхчеловѣческое терпѣніе. Императоръ пускалъ въ этой борьбѣ въ ходъ всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи. Онъ старался подѣйствовать на союзнаго генералиссимуса то силою своего собственнаго авторитета, то прибѣгалъ къ содѣйствію своего друга, короля прусскаго и англійскихъ уполномоченныхъ; но въ томъ и другомъ случаѣ князь Шварценбергъ съ ловкостью истаго придворнаго и съ анломбомъ настоящаго джентльмена умѣлъ вывернуться, оправдаться и настоялъ въ концѣ концовъ на своемъ. Система, которой слѣдовалъ при этомъ фельдмаршалъ, была въ сущности очень простая, но рассчитанная въ тоже время, какъ нельзя лучше, на характеръ противника. Хорошо понимая, что императоръ можетъ настаивать только на общихъ идеяхъ, но что, не считая себя спеціальнымъ знатокомъ военнаго дѣла, онъ не всегда рѣшится давать предписанія въ частностяхъ, Шварценбергъ никогда не оспаривалъ требованій и мнѣній Александра въ цѣломъ, онъ даже допускалъ ихъ справедливость и цѣлесообразность, воздерживался отъ всякихъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ возраженій; но всегда умѣлъ указывать на второстепенныя, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени тяжеловѣсныя обстоятельства, оправдывавшія его уклоненія отъ всякаго рѣшительнаго шага и дать въ заключеніе уклончивый, ничего незначащій отвѣтъ. Тщательно доказывалъ императору, что необходимо двинуться впередъ противъ слабыхъ корпусовъ Мандовальда и Удино, или что слѣдуетъ передвинуть главныя силы арміи болѣе въправо въ Мадритъ, чтобы быть ближе въ силезской арміи и оказать ей хотя какое-нибудь содѣйствіе въ тяжелой борьбѣ съ Наполеономъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, фельдмаршалъ соглашался съ важностью и даже необходимостью требуемыхъ мѣръ, но указывалъ въ тоже время, что прежде и необходимо всего быть осторожнымъ, что нельзя идти впередъ, не обезпечивши своего тыла, откуда грозитъ серьезная опасность со стороны Ожеро, или что нельзя обращать вниманія только на правый флангъ, а необходимо имѣть постоянно въ виду и лѣвый. Подвергнувъ терпѣніе императора

самому тяжелому испытанію на этихъ личныхъ объясненіяхъ; князь присылалъ обыкновенно на другой день длинный мемуаръ, вышедшій изъ-подъ пера Лангенау или подобныхъ ему стратеговъ, гдѣ всѣ намеки, опасенія и увертки Шварценберга являлись уже обличенными въ строго научную, систематическую форму. Понятно, что въ такихъ мемуарахъ являлось на первомъ планѣ пресловутое Лангское плато, что въ нихъ перечислялись, взвѣшивались и разбирались всевозможныя стратегическія комбинаціи, но что ни одинъ изъ нихъ не приходилъ ни къ какому практическому выводу. Чтеніе подобныхъ мемуаровъ могло только навести туманъ и сбить съ толку всякаго человѣка, неспособнаго подняться до высоты возрѣвній австрійскаго гофкригсрата ¹⁾.

Утомленный подобными объясненіями, а еще болѣе чтеніемъ подобныхъ нелѣпостей, императоръ Александръ отказывался отъ всякой надежды повліять на князя лично и поручалъ это тяжелое дѣло другимъ лицамъ, настоящимъ спеціалистамъ и знатокамъ военнаго дѣла. Непріятныя миссіи такого рода всего чаще возлагались на генерала Толя; а иногда въ помощь ему посылался и генералъ Дибичъ. Но русскіе генералы напрасно тратили въ такихъ случаяхъ все свое краснорѣчіе и силу убѣжденій. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, имъ удавалось добиться лишь одного результата: Шварценбергъ отрекался отъ составленной имъ диспозиціи и приказывалъ составить новую. Обыкновенно такая новая диспозиція сводилась къ такому-же отрицательному результату, какъ и старая. Въ каждомъ изъ этихъ произведеній проглядывала одна и таже цѣль: оставаться въ бездѣйствіи и выжиданіи, предоставить инициативу непріятелю, обезпечивать себя на всѣхъ пунктахъ отъ его предполагаемыхъ предпріятій и выжидать чѣмъ окончится борьба Наполеона съ Блюхеромъ.

Никогда еще въ теченіи всей войны, начиная съ того

¹⁾ Подробности и подтвержденія у Бернгарди въ IX главѣ IV-го тома.

грознаго момента, когда Наполеонъ перевелъ свои полчища черезъ Цѣманъ, императоръ Александръ не переживалъ такихъ тоскливыхъ, удручающихъ минутъ какъ въ эти мартовскіе дни. Его душа, вынесшая съ такою твердостью самыя страшныя удары судьбы, изнывала теперь въ неустанной борьбѣ съ мелочною интригою и тупою бездарностью. Первые императора разстроены были и безъ того всѣми предшествующими странными перипетіями этой небывалой кампаніи. Онъ еще не оправился вполнѣ отъ страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него разгромомъ силезской арміи; негодованіе кипѣло въ его груди при одномъ воспоминаніи объ открытыхъ имъ коварныхъ интригахъ вѣнскаго кабинета, а тутъ эти новыя, непонятныя маневры Шварценберга, это систематическое бездѣйствіе, это какъ-бы преднамѣренное разбрасываніе своихъ силъ, это сваливаніе всего на армію Блюхера. Въ состояніи-ли былъ выносить чело-вѣкъ, подобный Александру, всѣ эти махинаціи, не долженъ-ли онъ былъ выйти, подъ конецъ, изъ себя, утратить столь долго сохраняемое имъ равновѣсіе духа? ¹⁾

Безпокойство императора Александра, его настойчивыя требованія предпринять, наконецъ, хотя что нибудь рѣшительное, возрасли еще болѣе, когда начали приходиться одни за другими сначала неясныя и сбивчивыя, а за тѣмъ положительныя извѣстія о пораженіи Наполеона подъ Лаономъ. Теперь наступилъ, повидимому, моментъ, когда должны были прекратиться всѣ колебанія, когда главная армія союзниковъ должна была, наконецъ, выйти изъ своего бездѣйствія. И дѣйствительно, князь Шварценбергъ готовъ былъ подать сигналъ къ наступленію, когда совершенно неожиданно пришла новая вѣсть объ истребленіи корпуса Сенъ-При подъ Реймсомъ. Извѣстіе это получено было прежде всего въ главной квартирѣ императора Александра и уже одна его внезапность должна была произвести на него са-

¹⁾ Необходимо имѣть въ виду это душевное настроеніе императора, чтобы понять и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, дальнѣйшія въ высшей степени странныя событія.

мое потрясающее впечатлѣніе. Никто не ожидалъ новаго наступательнаго движенія Наполеона въ этомъ направленіи, никто не рассчитывалъ на такіе страшные удары со стороны, только что разбитаго противника. Тяжелыя опасенія, страшныя предчувствія, волновавшія всѣ эти дни душу Александра, казалось, начали осуществляться самымъ роковымъ образомъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *)

Исторія нашего университетскаго образованія представляетъ пять выдающихся моментовъ, на которые необходимо обратить вниманіе при изученіи дѣла русскаго просвѣщенія. Моменты эти слѣдующіе: 1) учрежденіе московскаго университета въ 1755 году; 2) изданіе трехъ университетскихъ уставовъ—московскаго, харьковскаго и казанскаго въ 1804 году; 3) изданіе одного общаго устава для всѣхъ русскихъ университетовъ въ 1835 году; 4) университетскій уставъ 1863 года и 5) университетскій уставъ 1884 года.

Московский университетъ, какъ и многіе другіе въ нашей жизни, былъ учрежденъ съ плеча. Онъ не только не былъ вызванъ потребностями и сознаніемъ тогдашняго русскаго общества, но и былъ учрежденъ безъ надлежащей подготовки, для него немислимо было найти среди русскихъ людей ни профессоровъ, ни студентовъ. Чтобы обезпечить этотъ университетъ слушателями по крайней мѣрѣ на будущее время, правительству пришлось одновременно съ университетомъ открыть и двѣ гимназій, которыя должны были готовить университетскихъ слушателей; профессоровъ достали у нѣмцевъ. Такъ какъ университетъ этотъ былъ вызванъ не со-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 9.

знательными потребностями русскаго народа въ высшемъ образованіи (въ то время у насъ даже не было еще среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній), а явился лишь вслѣдствіе одного желанія, чтобы и у насъ было такъ, какъ у нѣмцевъ, чтобы насъ не упрекали въ крайнемъ умственномъ невѣжествѣ, однимъ словомъ—*чтобы* и у насъ былъ университетъ, то понятно, что у насъ и рѣчи не могло быть о какомъ-либо *своемъ*, оригинальномъ, на народныхъ началахъ основанномъ университетскомъ уставѣ. Послали Шувалова посмотреть на нѣмецкіе университеты; онъ поѣхалъ, посмотрѣлъ, а по пріѣздѣ домой, устроилъ по нѣмецкому образцу и свой московскій университетъ. Въ основу университетскаго устава положена была та же самая пресловутая *свобода*, которая господствовала тогда и во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ. Университетъ поставленъ былъ въ полную независимость отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и властей, кромѣ одного сената; ему предоставлено было право имѣть свой особенный судъ, которому подлежали какъ профессора, такъ и студенты и на постановленія котораго можно было апеллировать только въ одинъ сенатъ. Эти-же начала университетской, нѣмецкой, свободы и совершенной автономии были положены и въ основу уставовъ, вновь изданныхъ (въ 1804 г.) для университетовъ—московскаго, харьковскаго и казанскаго. Университетамъ было даровано право „самимъ устроить свой бытъ“. Внутреннее устройство университетовъ, по этому уставу, имѣло форму коллегіальную, совершенно независимую и основанную на *выборномъ* началѣ. Дѣлами университета управлялъ *советъ*, состоявшій изъ заслуженныхъ и ординарныхъ профессоровъ; во главѣ университетскаго совета стоялъ ректоръ избиравшійся сначала *ежегодно*, а впоследствии—по трехлѣтіямъ. Университеты были поставлены подъ Высочайшимъ покровительствомъ въ зависимость отъ министра народнаго просвѣщенія; попечитель округа не принималъ *непосредственнаго* участія въ жизни университета и его дѣятельности. Онъ утверждалъ не всѣ постановленія университетскаго совета, не судилъ и не взыскивалъ за проступки лицъ, подвѣдомственныхъ университету, и студентовъ. До

его свѣдѣнія только доводили обо всемъ, что происходило въ университетѣ, посредствомъ полугодовыхъ и годовыхъ вѣдомостей и ежемѣсячныхъ рапортовъ и копій съ совѣтскихъ журналовъ. Совѣту были подвѣдомственны факультетскія собранія, заправлявшія учебною частію университета, и университетское правленіе, состоявшее изъ ректора и декановъ и, вѣдавшее дѣла хозяйственныя и административныя. Инспекція, ограничивала свою дѣятельность лишь стѣнами университета. За исключеніемъ казеннокоштныхъ, студенты жили на вольныхъ квартирахъ и одѣвались въ партикулярное платье. По примѣру нѣмецкихъ университетовъ, уставомъ 1804 года было даровано и нашимъ университетамъ право своего собственнаго автономнаго суда. Судъ этотъ производился письменно и не публично, при участіи избираемаго совѣтомъ изъ числа членовъ ученаго сословія особаго синдика, назначеніе котораго состояло въ приготовленіи дѣлъ и въ докладѣ ихъ правленію съ правомъ совѣщательнаго голоса. Вообще, нужно сказать, что по уставу 1804 года университеты наши пользовались весьма обширною юрисдикціею гражданскою и уголовною какъ надъ студентами, такъ и вообще надъ лицами, принадлежавшими къ университетскому вѣдомству. Въ дѣлахъ гражданскихъ университетъ разбиралъ всѣ тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ; въ уголовныхъ дѣлахъ онъ самъ производилъ слѣдствіе и посылалъ своего синдика засѣдать въ судѣ въ качествѣ депутата. Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, т. е. преступленіяхъ противъ университета, порядокъ, университетъ самъ взыскивалъ съ виновныхъ. Жалобы на университетскій судъ были приносимы прямо въ правительствующій сенатъ.

Политическія движенія въ нѣмецкихъ университетахъ, вызвавшія извѣстныя уже намъ карлсбадскія постановленія франкфуртскаго союзаго сейма отъ 20 сентября 1819 года, заставили наше правительство обратить на свои университеты болѣе серьезное вниманіе. И, дѣйствительно, уже въ 1821 году во всѣхъ нашихъ университетахъ былъ установленъ строгій надзоръ какъ за профессорами, такъ и

за студентами, а въ университетахъ с.-петербургскомъ и казанскомъ сверхъ ректора для управленія дѣлами университета былъ назначенъ еще особый директоръ. Университеты постепенно теряли свои привилегіи. Событія 1831 и 1832-го годовъ, заставившія совершенно закрыть виленьскій университетъ, этотъ притонъ польскихъ заговорщиковъ, ясно показали правительству, въ какой мѣрѣ университеты могутъ злоупотреблять предоставленною имъ свободою преподаванія и своею автономіею. Былъ изданъ новый университетскій уставъ, утвержденный императоромъ Николаемъ 26-го іюля 1835 года. Въ основу этого устава были положены опять-таки нѣмцами выработанныя карлсбадскія постановленія. Поворотъ былъ сдѣланъ очень крутой, не понравившійся ни студентамъ, ни профессорамъ, не привыкшимъ стѣснить себя вышними ограниченіями. Университетъ потерялъ всѣ свои судебныя преимущества. Всѣ дѣла объ имуществахъ подвѣдомственныхъ университету лицъ предоставлены были вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ безъ всякаго въ нихъ участія университета. Уголовныя преступленія этихъ же лицъ также были объявлены подсудными общимъ уголовнымъ судамъ. Къ слѣдствіямъ, въ которыхъ были прикосновенны студенты, былъ посылаемъ депутатъ отъ университета. Наконецъ, и дисциплинарная власть надъ учащимися была изъята изъ рукъ университета и предоставлена, помимо ректора и совѣта, особому инспектору, который былъ назначаемъ правительствомъ уже изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и былъ подчиненъ непосредственно попечителю округа. Отношенія инспектора къ студентамъ обставивались уже не на формальныхъ требованіяхъ закона, неспособнаго предусмотрѣть всѣ возможные частныя случаи студенческой жизни, а на личномъ усмотрѣніи начальства, которое подвергало учащихся взысканіямъ безъ суда, административнымъ порядкомъ, за проступки какъ въ стѣнахъ университета, такъ и внѣ его. Для облегченія надзора за студентами внѣ университета была введена форма: студенты обязаны были носить особые мундиры полувоеннаго покроя. Попечителю округа было предоставлено право вникать во всѣ подробности

сти студенческаго быта, съ другой стороны онъ несъ въ нѣкоторомъ отношеніи и отвѣтственность за все проступки учащихся, такъ какъ эти проступки въ глазахъ высшаго начальства считались признаками слабаго надзора за студентами.

Къ сожалѣнію, нѣмецкое понятіе объ университетской свободѣ слишкомъ глубоко успѣло пустить у насъ свои корни, чтобы сразу можно было пресѣчь все тѣ губельныя послѣдствія, которыя влекла за собою эта свобода. Прикорбныя событія среди университетской молодежи побудили правительство прибѣгать къ усиліямъ своего надзора или, какъ говорили тогда, „къ усиленію строгостей“. Университеты, — въ особенности кievскій и харьковскій, — забывая о своемъ прямомъ назначеніи, нерѣдко давали возможность проникать въ нихъ чуждымъ и вреднымъ элементамъ. И что особенно странно, такъ это то, что студенты русскихъ университетовъ оказывались воспримчивыми къ пропагандѣ польскаго „повстанья“. 8-го ноября 1833 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи университета въ Кіевѣ, а въ 1839 году 9 января уже пришлось временно закрывать его вслѣдствіе разившейся въ ней польской крамолы (смута Конарскаго). Но на этомъ дѣло не остановилось. Въ 1845—1846 годахъ въ Кіевѣ образовалось общество украинофиловъ во главѣ съ Костомаровымъ. Къ членамъ этого общества принадлежали Гулакъ, Бѣлозерскій, многіе профессора и студенты кievскаго и харьковскаго университетовъ. Члены этого кружка „взирали на Шевченка, какъ на небесный свѣтильникъ“. Какую цѣль преслѣдовалъ этотъ кружокъ, — трудно сказать. По словамъ Костомарова кружокъ преслѣдовалъ слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ подъ власти иноплеменниковъ; 2) организованіе ихъ въ самостоятельныя политическія общества съ удержаніемъ федеральной связи ихъ между собою; 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) употребленіе единого славянскаго языка въ общественныхъ богослуженіяхъ всехъ существующихъ церквей и 7) полная сво-

бода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова. Полиція серьезнѣе взглянула на этотъ кружокъ, признавъ въ немъ „тайное общество“, именовавшееся „братствомъ Кирилла и Меѳодія“ и стремившееся, посредствомъ возмущенія крестьянъ, въ насильственному государственному перевороту съ цѣлями національнаго сепаратизма. Такое представленіе объ этомъ обществѣ должно было составиться по крайней мѣрѣ на основаніи показаній двухъ студентовъ кіевскаго университета, которыя Костомаровъ хотя и называетъ „ложью и клеветою“, но фактическаго опроверженія имъ представлено не было. Австрія первая, говорятъ, узнала о существованіи этого кружка, который угрожалъ ей болѣе, чѣмъ Россіи, и австрійская полиція именно направила русскія власти къ преслѣдованію этихъ южно-русскихъ славянофиловъ. Члены кружка были арестованы и преданы суду; а университеты—кіевскій и харьковскій правительство рѣшило „прибрать къ рукамъ“—и въ 1846 году они были подчинены вѣдѣнію военныхъ генераль-губернаторовъ.

Западно-европейскія событія 1848 года также нашли для себя откликъ въ нашихъ университетахъ и потребовали отъ правительства новаго усиленія надзора. Особенно обратили вниманіе на полюбившуюся профессорамъ нашихъ университетовъ нѣмецкую свободу преподаванія. Высочайшимъ указомъ отъ 11-го октября 1849 года было отмѣнено право профессоровъ выбирать ректора, а повелѣно „ректоровъ въ университеты с.-петербургскій, московскій, св. Владиміра, харьковскій и казанскій избирать министру народнаго просвѣщенія изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень, на неопредѣленное время и представлять на Высочайшее утвержденіе“, а секретною инструкціею ректору и деканамъ съ 1 января 1850 года усиливался надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ. Каждый профессоръ былъ обязанъ, предъ началомъ лекцій, представить декану подробную программу своего предмета, въ которой долженъ быть точно опредѣленъ объемъ, послѣдовательность, способъ преподаванія, равно какъ указаны должны быть и всѣ сочиненія, предполагаемыя для руководства вполне или отчасти. По требованію этой ин-

струкціи, при разсмотрѣніи программъ постоянно слѣдовало имѣть въ виду, чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной Церкви, образомъ правленія и духомъ нашихъ государственныхъ учрежденій, и чтобы, напротивъ, ясно и положительно были выражаемы вездѣ, гдѣ только это правило можетъ имѣть примѣненіе, благоговѣніе къ святымъ, преданность Государю и любовь къ отечеству. Декану и ректору вмѣнялось въ обязанность какъ можно чаще посѣщать лекціи профессоровъ и слѣдить за ихъ преподаваніемъ. Не допускалось *никакого* отступленія отъ утвержденной программы. Отчету и контролю ректора, а равно и декановъ, одинаково подлежали какъ рукописныя лекціи профессоровъ, такъ и записи студентовъ. Ректоръ, ради болѣе усиленнаго надзора за деканами и университетскими профессорами, былъ даже освобожденъ отъ чтенія лекцій. Далѣе,—число студентовъ въ нашихъ университетахъ было уменьшено до трехсотъ; отправленіе молодыхъ ученыхъ за границу для приготовленія къ профессорскимъ должностямъ было совершенно прекращено. Наконецъ, былъ уничтоженъ философскій факультетъ: его 1-е отдѣленіе было переименовано въ историко-филологическій факультетъ, а 2-е—въ физико-математическій. Изъ философскихъ наукъ были оставлены только логика и опытная психологія, но чтеніе ихъ дозволено было поручать *лишь* однимъ *духовнымъ* лицамъ. Изгнаніе изъ университетовъ философіи, на которую въ высшихъ сферахъ смотрѣли какъ на орудіе распространенія ложныхъ и вредныхъ идей, было несомнѣнно величайшею и непоправимою ошибкою. „Съ тѣхъ поръ“, говоритъ историкъ университета св. Владиміра ¹⁾), „университетская молодежь лишилась руководства среди тѣхъ блужданій мысли, которыя, по неизбѣжному психическому закону, постигаютъ возрастъ юности; она или сама искала пути въ потемкахъ, не всегда находя счастливый выходъ, или отдалась подъ

¹⁾ Истор. Унив. св. Владиміра. Проф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 884, стр. 52.

руководство псевдо-мыслителей, заманивавшихъ къ себѣ плоскою ясностью своихъ возрѣній“.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра Николаевича времена измѣнились. Великій актъ освобожденія крестьянъ далъ поводъ къ проявленію либерализма во всѣхъ его видахъ и направленіяхъ. Снова вспомнили нѣмецкія рѣчи объ университетской свободѣ и независимости. Университетскій уставъ 1835 года, изданный въ предшествовавшее царствованіе, оказался слишкомъ стѣснительнымъ, затруднявшимъ свободное и самостоятельное развитіе науки. Нападки посыпались на него со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, рѣшено было создать новый однообразный уставъ для всѣхъ русскійхъ университетовъ. Работа закипѣла еще съ 1858 г. Министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ выработанъ проектъ этого устава и препровожденъ на разсмотрѣніе университетовъ—московского, харьковскаго и кіевскаго; затѣмъ его перевели на иностранные языки—нѣмецкій, французскій и англійскій и отправили за границу во многимъ ученымъ и педагогамъ съ просьбою сдѣлать на него свои замѣчанія и соотвѣтственныя указанія; мало того, отправили за границу К. Д. Кавелина съ порученіемъ лично ознакомиться съ уставами и порядками иностранныхъ университетовъ. Наконецъ, министерство просило и всѣхъ русскихъ ученыхъ свободно высказать свое мнѣніе о проектѣ новаго университетскаго устава. Вслѣдствіе этого наше министерство народнаго просвѣщенія было положительно задавлено матеріаломъ самаго разнообразнаго свойства. Письма и статьи Кавелина тотъ часъ, по полученіи изъ за границы, были печатаемы въ „журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“; но особый фуроръ произвели двѣ статьи его, помѣщенныя въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „журнала“ за 1863 годъ—„Свобода преподаванія и ученія въ Германіи“. Кромѣ того, въ министерствѣ было получено *девятнадцать отзывовъ* иностранныхъ ученыхъ и *сто одинъ отзывъ*—русскихъ ученыхъ. Были получены отзывы и замѣчанія на проектъ новаго университетскаго устава даже и отъ многихъ духовныхъ лицъ—Филарета, архіепископа черниговскаго, Макарія, бывшаго

въ то время епископомъ харьковскимъ, *Антонія*, епископа смоленскаго, архимандрита *Иосифа*, ректора литовской духовной семинаріи, архимандрита *Саввы* и профессоровъ московской духовной академіи *Делицыца*, *А. В. Горскаго*, *В. Д. Бударянцева*. Къ сожалѣнію, во вниманіе были приняты отзвы не этихъ ученыхъ, а *тѣмъиже* — *Роберта фонъ Моля*, (изъ Франкфурта на Майнѣ), *Рошера* (профессора лейпцигскаго университета), *Вехтера*, (профессора того-же университета), *Розенманца*, (профессора кенигсбергскаго университета), *Ольсаузена*, *Кеферштейна* (учителя дрезденскаго коммерческаго училища!!), *Бертольда Ауэрбаха*, *Дедерлейна*, *Д. Шмитта* и *Бурсиана*, (профессора тюбингенскаго университета). Стремленіе нашего министерства снова поставить дѣло университетскаго образованія на нѣмецкихъ началахъ свободы преподаванія и ученія, значительно стѣсненной строгими мѣрами императора Николая, привели въмцѣ въ положительный восторгъ; въ своемъ увлеченіи они доходили до того, что въ связь съ проектомъ нашего новаго университетскаго устава ставили даже „усиленіе нравственнаго кредита русскаго правительства въ глазахъ Европы“. А лезны и появля Европа для насъ была выше всего.. Раздавались, впрочемъ, голоса благоразумныхъ русскихъ людей, которые предостерегали наше министерство отъ увлеченія нѣмецкими идеями университетскаго образованія, и которые убѣждали его не принимать это вниманіе и побужденія для нашего отечества. Нѣмецкихъ соображеній, а руководствоваться лишь (однимъ) народными началами. Своими мнѣніями русскіе патріоты основывали на томъ, что мы живемъ въ другой странѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ нѣмцы, и что нѣмцы не знаютъ нашего отечества, что имъ не извѣстны ни духъ нашего народа, ни его потребности, ни мѣстныя условія различныхъ частей обширнаго русскаго государства, ни современный бытъ общества со всѣми его стремленіями, нуждами, вѣрованіями, желаніями, словомъ, — со всею безконечно-разнообразною обстановкою его умственной и матеріальной дѣятельности, что наконецъ, они поэтому не въ состояніи вывести правильнаго заключе-

нія о достоинствахъ или недостаткахъ предполагаемыхъ преобразованій. Эту благоразумную мысль министерство наше, искренно заботившееся объ „усиленіи нравственнаго кредита русскаго правительства *въ глазахъ Европы*“, признало однако-же неосновательною и не заслуживающею особаго вниманія, — при этомъ оно высказало твердое намѣреніе руководствоваться указаніями нѣмецкихъ ученыхъ и поставить свои университеты на тѣхъ-же самыхъ началахъ, на которыхъ съ 1848 года поставлены университеты нѣмецкіе. Мысль эта (о постановкѣ нашихъ университетовъ не на нѣмецкихъ, а на народныхъ началахъ), — рассуждало тогда наше министерство народнаго просвѣщенія ¹⁾, — была-бы справедлива въ томъ случаѣ, если-бы Россія жила совершенно исключительною жизнью и цивилизація ея не имѣла ничего общаго съ цивилизаціею старшихъ по развитію европейскихъ государствъ. Она была-бы вполне справедлива, если-бы мы, напримѣръ, спрашивали мнѣнія о нашихъ проектахъ у китайскихъ или мусульманскихъ педагоговъ ²⁾. Но между нашей и европейской цивилизаціей не такъ велико различіе, чтобы мнѣніе лучшихъ мыслителей западной Европы могло быть для насъ *безразлично* ³⁾. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, двѣ стороны: одна — болѣе или менѣе общая — подлежитъ общимъ-же началамъ, которыя при тождественности главныхъ условій общественнаго и государственнаго быта, имѣютъ, за малыми развѣ исключеніями, одинаковое примѣненіе въ одномъ государствѣ, какъ и въ другомъ; тогда какъ другая сторона, болѣе частная, не подлежитъ правильной оцѣнкѣ внѣ бытовыхъ условій мѣстности и народа. Мы готовы согласиться, что европейскіе педагоги мало имѣютъ данныхъ для того, чтобы правильно обсудить условія, въ которыхъ находится наше сельское народонаселеніе по отношенію къ образованію. Дѣйствительно, *тутъ* разница между нашимъ и западно-европейскимъ бытомъ

¹⁾ См. Объясн. зап. къ универ. уст. 1863 г. стр. 72—73.

²⁾ Этого только еще не доставало!

³⁾ Еще-бы! Эту мысль „Вѣстникъ Европы“ сколько лѣтъ повторяет!

огромна. Но эта разница постепенно уменьшается въ высшихъ классахъ народонаселенія ¹⁾, которые по отношенію къ образованію, и у насъ имѣютъ тѣ-же потребности и находятъ въ тѣхъ-же почти условіяхъ, что и въ западной Европѣ. Что касается спеціально нашихъ университетовъ, то мнѣніе объ нихъ иностранцевъ можетъ имѣть для насъ важное значеніе. Всѣ университеты въ *христіанскомъ мірѣ* (?) имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое устройство и существуютъ для одной и той-же цѣли—развитія и распространенія науки, которая во всѣхъ странахъ одна и та-же ²⁾. Какъ ни мало иностранцы знаютъ Россію и условія ея внутренняго быта, однако университеты наши едва-ли не лучше имъ извѣстны, чѣмъ кавія-бы то ни было другія русскія учрежденія. Между нашими высшими учебными заведеніями и иностранными постоянно существуютъ научныя сношенія; многіе иностранные ученые были профессорами въ нашихъ университетахъ; большая часть нашихъ профессоровъ учились за границей; они и теперь весьма часто посѣщаютъ иностранные университеты, входятъ въ близкія сношенія съ тамошними учеными и знакомятъ ихъ съ нашимъ университетскимъ бытомъ, съ нашими нуждами и желаніями, съ достоинствами и недостатками нашего высшаго образованія. *Вообще въ этомъ отношеніи намъ нельзя не желать возможно большаго сближенія съ западной Европой*.

Изъ сказаннаго видно, какое сильное желаніе было у нашего министерства народнаго просвѣщенія отмѣтить своей университеты. При таковыхъ-то условіяхъ и явился въ свѣтъ нашъ истинно нѣмецкій университетскій уставъ 1863 года. Въ его основу была положена опять нѣмецкая университетская свобода преподаванія и слушанія. Университетамъ была предоставлена большая самостоятельность въ дѣлахъ ихъ внутренняго управленія; контроль за преподаваніемъ профессоровъ уничтоженъ; отношеніе попечителя къ универси-

¹⁾ Прискорбное сознаніе!...

²⁾ Составитель этой записки не слыхивалъ, повидимому, какъ профессора нѣмецкихъ университетовъ читаютъ исторію Россіи!...

тету ослаблено; постановленія университетскихъ совѣтовъ, ему предоставляются уже, по этому уставу, только для пречтенія; введено выборное начало въ обширныхъ размѣрахъ; ректоръ избирается совѣтомъ на четыре года (§ 27), проректоръ избирается на три года изъ профессоровъ (§ 64); должность министерскаго инспектора отмѣнена, его обязанности возлагаются на проректора, избраннаго изъ находящихся профессоровъ. Въ студентахъ уставъ не признаетъ никакой отдѣльной корпораціи, т. е. не признаетъ ихъ учащими, но „видитъ въ нихъ только жителей университетскаго города, подчиненныхъ, на ряду съ другими, обыкновенной полиціи и имѣющихъ право (но не обязанность) посѣщать университетскія лекціи на извѣстныхъ условіяхъ“¹⁾. Только за преступленія въ зданіяхъ университета студенты подлежатъ суду университета. Но уставомъ 1863 года университетамъ дарованъ судъ престранный, нисколько не похожій на судъ дарованный университетамъ уставомъ 1804 года. Отъ правленіе суда было возложено „на сословные органы внутренняго университетскаго управленія“, при чемъ было „принято за основаніе отдѣленіе власти судебной отъ административной“²⁾. Велѣдствіе этой пародіи на государственное судопроизводство, предсѣдательство въ университетскомъ судѣ не могло быть предоставляемо ни ректору университета, ни деканамъ, ни проректору. Судъ вѣдали лишь одни „свободные“ профессора. Что же подлежало вѣдѣнію этого суда?— „Вѣдѣнію университетскаго суда подлежали передаваемыя ему изъ правленія дѣла касательно студентовъ: 1) о нарушеніи ими въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго; 2) о столкновѣніяхъ между студентами съ одной стороны и преподавателями и должностными лицами университетскими съ другой, хотя-бы они произошли и внѣ зданій и учреждений университета“ (§ 58). Такимъ образомъ, если произошло на улицѣ столкновеніе между студентомъ уни-

¹⁾ Минист. зап. къ-уст. 1863 г. стр. 117.

²⁾ Ibid. стр. 120.

верситета и сапожникомъ, то студентъ подлежалъ вѣдѣнію участковаго мирового судьи и уголовному преслѣдованію; а если на той-же самой улицѣ произошло столкновение между студентомъ и ректоромъ, деканомъ или проректоромъ, то студентъ подлежалъ вѣдѣнію суда университетскаго, и только административному взысканію! Наконецъ, уставомъ 1863 года была отмѣнена и безусловная обязательность ученія для студентовъ, которая по уставу 1835 года признавалась наилучшимъ средствомъ для побужденія студентовъ къ занятіямъ. Это также сдѣлано, конечно, изъ подражанія тѣмъ-же самымъ нѣмцамъ, на которыхъ наше министерство и вынуждено было сослаться въ свое оправданіе. „Извѣстно, говоритъ оно въ своей объяснительной запискѣ къ уставу 1863 года ¹⁾,—что при свободѣ ученія въ германскихъ университетахъ достигаются несравненно лучшіе результаты, чѣмъ при обязательности во французскихъ“. Очевидно, что наше министерство не принимало при этомъ во вниманіе того, что въ нѣмецкихъ мозгахъ есть „точка благоразумія“...

На уставъ 1863 года наше правительство возлагало большія надежды. Но не суждено было имъ сбыться. Прискорбныя событія изъ университетской жизни, совершившіяся предъ нашими глазами, ясно доказали всю непригодность тѣхъ началъ, на которыхъ этимъ уставомъ было поставлено у насъ университетское образованіе. Двадцать лѣтъ правительскаго примѣненія всѣхъ требованій этого устава оставили послѣ себя слѣды, которые не скоро могутъ быть изглажены. Сказалась нужда напомнить университетамъ о ихъ назначеніи, какъ учебныхъ заведеній. И вотъ въ 1884 году былъ изданъ новый университетскій уставъ.

Итакъ, все прошлое нашихъ университетовъ явно носитъ на себѣ черты подражательности университетамъ нѣмецкимъ. По нѣмецкому образцу былъ устроенъ нашъ первый университетъ—московскій; по нѣмецкому образцу былъ составленъ нашъ университетскій уставъ 1804 года; нѣмецкія на-

¹⁾ Стр. 124.

чала положены въ основу нашего университетскаго устава 1835 года; на нѣмецкихъ-же началахъ былъ основанъ и нашъ университетскій уставъ 1863 года. Не знали только у насъ, что дѣлать съ богословіемъ. У нѣмцевъ въ университетахъ существуетъ особый богословскій факультетъ. Намъ въ этомъ отношеніи подражать было не удобно, такъ какъ у насъ есть особыя духовныя академіи; правда, были попытки и въ этомъ отношеніи идти вслѣдъ за нѣмцами, говорили много о соединеніи духовныхъ училищъ со свѣтскими,—но, къ счастью, затѣи эти кончились ничѣмъ. Уже уставомъ 1804 года въ университетахъ была назначена особая кафедра для догматическаго и нравственнаго богословія. Но на практикѣ этому предмету особеннаго значенія не придавали, какъ не придавали важнаго значенія и религіозной сторонѣ университетскаго образованія вообще. Въ кievскомъ, напр., университетѣ нужно было увеличить число лекцій по химіи,—и профессору богословія, протоіерею Скворцову совѣтъ университета предложилъ умѣрить свою ревность, уступивъ одинъ часъ свой на урокъ химіи; къ профессору католическаго богословія совѣтъ однако-же не рѣшился предъявить такого требованія. Вообще-же русское начальство, повидимому, всѣми мѣрами старалось доказать въ университетахъ свою вѣротерпимость, не рѣдко понимая ее въ смыслѣ религіознаго индифферентизма. Такъ, въ началѣ 1836 года кievскій попечитель представилъ, а министръ согласился на учрежденіе въ зданіяхъ университета римско-католической каплицы; что-же касается православной церкви, то устройство ея въ университетскихъ зданіяхъ въ то время было найдено еще не удобнымъ ¹⁾. Въ другомъ университетѣ было нѣкогда предложено однимъ профессоромъ, въ виду тѣсноты университетскихъ помѣщеній, обратиться въ анатомическій театръ прекрасную университетскую церковь. Уставомъ 1863 года вмѣсто кафедры догматическаго и нравственнаго богословія введена,—конечно, больше изъ одного приличія,—кафедра богословія вообще (§ 18), т. е.

¹⁾ Владимірскій—Будановъ, Ист. Ун. св. Владиміра, Кіевъ, 1884 стр. 189.

„читай, дескать, что знаешь“. Не удивительно поэтому если почти всѣ университетскіе профессора богословія, начиная съ И. М. Свворцова, жалуются на то, что ихъ чтенія не посѣщаются студентами и богословіе приходится читать въ обширныхъ, но пустыхъ университетскихъ аудиторіяхъ...

Само собою понятно, что нѣмецкія сѣмена у насъ принесли и соотвѣтствующіе имъ плоды. Всѣ тѣ грустныя явленія, на которыхъ мы останавливали свое вниманіе при разсмотрѣніи жизни нѣмецкихъ университетовъ, съ буквальною точностію, если не въ увеличенныхъ размѣрахъ, повторились и у насъ. Какъ мы видѣли, нѣмецкая свобода прежде всего имѣла своимъ слѣдствіемъ распущенность, буйство и пьянство среди студенческой молодежи. То-же самое повторилось и у насъ. Чтобы не заслужить упрёка въ поспѣшныхъ выводахъ отъ частныхъ случаевъ, которые мы замѣчаемъ нынѣ, въ общему положенію,—мы не будемъ говорить ни слова о теперешнемъ студенчествѣ; оно само слишкомъ громко говоритъ о себѣ. Но вотъ какимъ представляется наше студенчество конца шестидесятыхъ годовъ исторіей кіевскаго университета Владимірскій-Будановъ. „Типъ студента того времени, говоритъ онъ ¹⁾, есть человекъ разгула, кутежа, врагъ полиціи и уличныхъ фонарей, не лишенный однако чувства корпоративной чести“. „Праздность и безшабашный разгулъ въ студенческой массѣ принимали характеръ буйствъ и грязноватыхъ нарушеній общественнаго порядка. Прибить встрѣчнаго чиновника, ни въ чемъ неповиннаго, отнять у него шапку и шляпу, разбить полицейскую будку, дать сраженіе полицейскому обходу считалось дѣломъ молодечества и удалства“ ²⁾. Пьянство, кутежи и разгулъ среди русскаго студенчества совершались въ такихъ-же размѣрахъ, какъ и среди студенчества нѣмецкаго“. По словамъ профессора Владимірскаго-Буданова, „одинъ изъ лучшихъ героевъ того времени (60-хъ, 70-хъ годовъ) поэтъ Р—фъ, оканчивавшій свой курсъ 45 лѣтъ отъ роду, такъ

¹⁾ Ист. Унив. св. Владиміра. Кіевъ 1884. стр. 621.

²⁾ Ibid.

выразилъ въ своемъ стихотвореніи „Студентская жизнь“
лучшія стороны студенческаго типа:

То съ бутылкой, то съ ланцетомъ,
То съ рапирой, то съ перомъ,
То съ улыбкой и привѣтомъ
То съ поднятымъ кулакомъ...
Лейся-жь шумно и привольно
Жизнь студентская моя
И разгульна и раздольна
Какъ Днѣпровская струя ¹⁾.

Студенты кутили, задавали гомерическіе пиры, отъ которыхъ трещали и приходили въ негодность скромные дома городскихъ обывателей. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, приводимый Владимірскимъ изъ жизни кіевскихъ студентовъ. Нѣкій штабсъ-капитанъ А. Г-скій 3-го февраля 1856 года заявилъ: „квартирующіе у меня въ домѣ гг. студенты Ф. Ив—кевичъ и Сил. Г—скій безъ вѣдома и согласія моего 2 числа сего мѣсяца, созвавши къ себѣ товарищей и разныхъ пріѣхавшихъ на контракты дворянъ до ста человекъ, открыли пиръ съ музыкой, нескромными танцами и хоромъ нестройныхъ пѣсенъ, а извошники ихъ, занявши весь дворъ и кухни, производили шумъ и пляску подъ особую музыку. Произвольное движеніе такого количества людей, съ семи до трехъ часовъ ночи, грозило разрушеніемъ или поврежденіемъ дома; загрязненъ домъ, смыты и запачканы въ комнатахъ крашеные полы, сломаны три стула и два замка, а отъ потрясенія штукатурка во многихъ мѣстахъ лопнула; я лишень былъ моей власти и никакими мѣрами удержать благочинія не могъ, тѣмъ болѣе, что никого изъ лицъ надзирающихъ не находилось, и хотя въ 11 часовъ ночи я приносилъ лично жалобу г. Г—мову (помощнику инспектора), но онъ оставилъ до утра“. Практиковались среди нашего студенчества нерѣдко и дуэли, какъ это было и среди нѣмецкихъ студентовъ. По словамъ Владимірскаго, въ студенческихъ попойкахъ часто принимало живое участіе и университетское начальство ²⁾.

¹⁾ Ibid. въ „Кіевлянинѣ“ 1870 г. № 33.

²⁾ Ист. Кіев. Унив. стр. 620.

Прискорбно, что за студенческой молодежью водились дѣла и посерьезнѣе поюекъ или дуэлей. Въ архивныхъ бумагахъ кievскаго университета „желающій найдетъ дѣла объ обольщеніи дѣвицъ и содержаніи на счетъ обольщенныхъ, дѣла о присвоеніи вѣреныхъ денегъ, о принятіи на себя чужаго имени при заказахъ платья съ цѣлю не платить за него, наконецъ, дѣла *объ обраблени и разбоѣ*“¹⁾. Объ участіи студентовъ въ политическихъ движеніяхъ мы уже упоминали, а говорить подробнѣе объ этомъ прискорбномъ явленіи—просто тяжело.

Грубо-материалистическое направленіе, всегда господствовавшее среди нашей учащейся университетской молодежи и давшее наукѣ характеръ ремесленнической рутинны,—на что въ общихъ чертахъ мы имѣли уже случай указывать, —кромѣ источника общаго съ нѣмецкими университетами,—у насъ имѣло еще и свой собственный. Поводъ дало первоначально само правительство: открывъ безъ надлежащей подготовки и существенной надобности московскій университетъ, оно начало завлекать къ нему слушателей различными приманками—пожалованіемъ студентамъ впасть, обѣщаніемъ покровительства окончившимъ курсъ при поступленіи ихъ на службу, пожалованіемъ имъ при выпускѣ ранга оберъ-офицеровъ арміи; зачетомъ времени бытности ихъ въ университетѣ въ дѣйствительную службу; содержаніемъ извѣстнаго числа студентовъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ, на жалованьи отъ казны и учрежденіемъ вазентнокоштныхъ студентовъ, проживавшихъ въ самомъ университетѣ, и т. п.²⁾ Такимъ образомъ уже съ прошлаго столѣтія у насъ стали приучать общество къ той мысли, что студентамъ университета за ихъ ученіе нужно „платить деньги“, что въ число студентовъ слѣдуетъ поступать только ради „хлѣба съ масломъ“ и „оберъ-офицерскаго ранга“. Съ этимъ возрѣніемъ наше общество освоилось скоро и настолько основательно, что уже потомъ никогда съ нимъ не разставалось. Университеты наши были

¹⁾ Ibid. стр. 622.

²⁾ Министер. зап. къ Уст. 1863 г. стр. 59.

всегда переполнены слушателями, но большинство ихъ, въ сожалѣнію, искало только „хлѣба съ масломъ“ и „оберъ-офицерскаго ранга“; наука все болѣе и болѣе теряла въ ихъ глазахъ свое значеніе. Уже съ 1835 года, по свидѣтельству нашего бывшаго министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾, „число поступающихъ въ студенты было значительно, но большинство привлекаемо было не любознательностію и желаніемъ приобрѣтенія основательныхъ познаній, но чисто матеріальными расчетами на чины, которые доставлялись дипломомъ кандидата или свидѣтельствомъ на званіе дѣйствительнаго студента. Учащіеся, за немногими исключеніями, читали мало, почти не посвящали себя трудамъ самостоятельнымъ и ограничивались заучиваньемъ наизусть профессорскихъ записокъ. Испытанія состояли только въ устныхъ отвѣтахъ по этимъ запискамъ“. До какого паденія доходила наука въ нашихъ университетахъ, желающій можетъ узнать во всѣхъ подробностяхъ изъ сочиненія В. С. Иконникова „Русскіе университеты“. Каедръ было много ²⁾, но преподавателей негдѣ было брать; когда дѣйствовалъ уставъ 1804 года, снабженный, какъ мы знаемъ, всѣми „нѣмецкими свободами“, университетскія аудиторіи въ особенности „блистали отсутствіемъ“ профессоровъ; въ харьковскомъ, напр., университетѣ вмѣсто положенныхъ по штату 29 профессоровъ въ 1833 году на лицо было на всѣ факультеты всего только 8 профессоровъ. Къ своимъ наукамъ профессора въ большинствѣ случаевъ относились только *ex officio*. Въ аудиторіяхъ изъ года въ годъ были прочитываемы однѣ и тѣ-же записочки. Но объ этомъ мы уже говорили.

Уставъ университетскій 1884 года ставитъ своею цѣлію направить дѣятельность университетовъ по ихъ прямому

¹⁾ Зап. къ Уст. 1863 г. стр. 67.

²⁾ По уставу московскаго университета 1755 года было *десять* каедръ; по университетскому уставу 1804 года въ университетахъ полагалось *двадцать девять* каедръ; по уставу 1835 года—*тридцать пять* (въ петербургскомъ университетѣ—*сорокъ четыре*); по уставу 1863 года—*пятьдесятъ три* (въ петербургскомъ университетѣ—*шестьдесятъ девъ*); по уставу 1884 года—*пятьдесятъ шесть* съ 72 профессорами (въ с.-петербургскомъ университетѣ—65 каедръ съ 81 профессоромъ).

назначенію. Онъ стремится обнаружить ложь того воззрѣнія на университеты, по которому они перестаютъ быть учебными заведеніями, а являются какимъ-то „государствомъ въ государствѣ“. Онъ устраняетъ ту пародію на государственное судопроизводство, которую представлялъ собою прежній „университетскій судъ“, устраняетъ *выборъ* ректора (§ 10), расширяетъ права попечителя и ректора, учреждаетъ должность инспектора, назначаемого министромъ народнаго просвѣщенія (§ 46), усиливаетъ надзоръ какъ за преподаваніемъ, такъ и за усвоеніемъ преподаваемого. Профессорамъ уставъ указываетъ на ихъ прямое назначеніе — разрабатывать науку и преподавать ее слушателямъ; допущеніемъ приватъ-доцентуры (§§ 108—113) уставъ несомнѣнно заставитъ профессоровъ, не желающихъ остаться безъ слушателей, слѣдить за наукою и распрощаться съ своими записочками. Здѣсь нужно опасаться только одного, чтобы приватъ-доценты, которыми могутъ быть не только члены академіи (§ 108) и профессоры другихъ высше-учебныхъ заведеній (§ 109), но также вообще лица, пріобрѣтшія извѣстность своими учеными трудами, и даже „лица, выдержавшія испытаніе на степенъ магистра, но еще не защитившія диссертациі“ (*ibid.*), привлекали къ себѣ слушателей дѣйствительно своими учеными преподавательскими трудами, а не снисходительностію къ студентамъ въ виду могущаго быть увеличеннаго гонорара, который ставится въ связь съ количествомъ слушателей. Наконецъ, въ виду поднятія науки уставъ 1884 года, повидимому, старается возбудить соревнованіе и между самими университетскими профессорами, когда каждому профессору предоставляетъ право, сверхъ преподаванія по занимаемой имъ кафедрѣ, объявлять курсы и практическія занятія со студентами также и по другимъ предметамъ (§ 68). Въ виду этихъ мѣръ, если только онѣ будутъ имѣть примѣненіе на практикѣ, штатный профессоръ, халатно относящійся къ своимъ обязанностямъ, можетъ жестоко наказывать только одного себя. Въ германскихъ университетахъ эти мѣры дѣйствительно заставляютъ работать профессоровъ. Но вѣдь то Германія!... Тамъ профессоръ, только на одинъ

семестръ оставшійся безъ слушателей, руки къ жадованью протянуть не осмѣлится..

Не мало мѣръ указываетъ университетскій уставъ 1884 года и для того, чтобы заставить работать студентовъ. Сюда относятся повѣрочныя испытанія, испытанія въ комиссіяхъ и испытанія въ факультетахъ. Для того, чтобы получить право держать экзаменъ въ комиссіи, отъ студента требуется, чтобы ему было занято десять полугодій, если онъ находится на медицинскомъ факультетѣ, и восемь полугодій по каждому изъ прочихъ факультетовъ (§ 77). А такія полугодія засчитываются студенту лишь тогда, когда онъ выслушалъ число лекцій не менѣе установленной правилами нормы, когда онъ въ теченіи полугодія подвергался установленнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ, когда онъ участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ и т. п. (§ 78). Такимъ образомъ, по университетскому уставу 1884 года, если только онъ въ точности и съ полною добросовѣстностію будетъ примѣняться къ дѣлу, устраняются всѣ существенныя недостатки предшествовавшихъ уставовъ: студентъ не имѣетъ только права, но обязанъ посѣщать лекціи и практическія занятія, иначе его не допустятъ даже къ полугодичному испытанію; онъ не можетъ уѣхать изъ университетскаго города и проживать цѣлый годъ гдѣ-либо у родныхъ или „на кондичіи“, ибо теперь онъ долженъ посѣщать лекціи и подвергаться повѣрочнымъ испытаніямъ. Вслѣдствіе всего этого должны потерять всякое значеніе и традиціонныя записочки, переходившія прежде изъ рукъ въ руки, отъ одного повелѣнія студентовъ къ другому. Теперь каждый студентъ долженъ работать самъ лично и — работать не мало. Понятно, что послѣ устава 1863 года съ его „нѣмецкими свободами“, когда можно было окончить курсъ въ университетѣ, почти ничего не дѣлая, теперешній уставъ, заставляющій работать и профессоровъ, и студентовъ, долженъ казаться тяжелымъ, строгимъ, стѣснительнымъ, особенно когда еще такъ свѣжа память о прежней волюшкѣ и бездѣльничаньи. И дѣйствительно, на „новый“ университетскій уставъ нашъ раздается ропотъ со стороны даже нѣкоторыхъ преподавателей, а со

стороны студентовъ—нѣчто и похуже. Но будемъ надѣяться, что твердость, бдительность, осторожная осмотрительность, благоразуміе и настойчивость лицъ, руководящихъ университетскимъ образованіемъ нашей молодежи, осуществятъ цѣли, предъуказанныя настоящимъ уставомъ,—и наши университеты будутъ имѣть въ виду только одно свое прямое назначеніе, будутъ лишь тѣмъ, чѣмъ они должны быть — высшимъ учебнымъ заведеніемъ для молодежи, храмомъ науки для ученыхъ, источникомъ истиннаго просвѣщенія — для общества, предметомъ славы для Россіи...

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

III.

Гимнъ въ прославленіе мученицы Евлаліи.

1. Святая дѣва Евлалія, славная происхожденіемъ, еще болѣе славная родомъ смерти, свою родную Емериту ¹⁾ украшаетъ (своими) останками, поддерживаешь (своею) любовію.

6. При самомъ солнечномъ закатѣ ²⁾ находится мѣсто, производшее эту избранную красоту; оно могущеетвенно городомъ (который здѣсь построенъ ³⁾ и обильнымъ населеніемъ, но еще болѣе могущественно кровію мученическою и гробницею дѣвы.

11. Ей было двѣнадцать лѣтъ, когда она самихъ мучителей привела въ ужасъ тѣмъ, что пребыла твердою среди страшно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 9.

¹⁾ Въ подлинникѣ: Emeritam... cujus ab ubere progenita est. Городъ Емерита (Emerita Augusta, теперь Merida) на рѣкѣ Гвадіанѣ (ср. стих. 186 и слѣд.) былъ столицею испанской провинціи Лузитаніи (слич. Perist. IV, 37: Lusitanorum caput oppidorum urbs) и однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ во всей Испаніи (Lübker: Real-Lexicon d. class. Alt. s. v. Hispania).

²⁾ Такъ выражается поэтъ потому, что по отношенію къ Тарраконской провинціи (Hispania Tarraconensis) — мѣсту его дѣятельности — городъ Емерита находился на западѣ.

³⁾ Т. е. Емеритою.

пылавшаго огня.⁴⁾ и представила, что ей наказаніе (это) даже пріятно⁵⁾.

16. (Но) уже и ранѣе она заявляла, что стремится къ престолу Отца (Небеснаго) и останется чужда супружеству: бывъ еще дѣвочкой, она не любила игрушекъ, удалялась отъ игръ.

21. Ей не доставлялъ удовольствія янтарь⁶⁾, презирала она розы, отвергала золотыя мониста; ея строгое лице, скромная поступь и необыкновенно чистые нравы дѣлали ее похожею на сѣдыхъ старицъ.

26. Когда же неистовый нечестивецъ⁷⁾ возсталъ на рабовъ Господа и въ своей свирѣпости повелѣлъ, дабы чтители Христа курили ладанъ и сжигали печень животныхъ⁸⁾ въ честь мертвыхъ боговъ,

31. (Тогда) воспламенился святой духъ Евлаліи; въ горячемъ одушевленіи она готовится вступитъ въ ужасный бой и, простымъ сердцемъ пламенѣющая къ Богу женщина, облекается въ оружіе мужей.

36. Нѣжная родительская заботливость старается удержать пылкую дѣвushку въ тиши домашней жизни, въ деревенскомъ уединеніи, вдали отъ города (изъ опасенія), дабы она, одушевленная желаніемъ умереть, не сдѣлала попытки въ дѣтскіе годы пожертвовать жизнью.

41. Но для ней была невыносима помощь некая и пребываніе въ презрѣной медленности; и вотъ она ночью тайно отвергаетъ двери (въ родительскомъ домѣ), отодвигаетъ задвижки и убѣгаетъ пустынными тропинками.

46. (Вотъ) она шествуетъ, презирая язвы на ногахъ, по мѣ-

⁴⁾ Ср. стих. 146 и слѣд.

⁵⁾ Ср. стих. 131—145.

⁶⁾ Т. е. женскія украшенія изъ янтара, каковы: кольца, браслеты и т. под.

⁷⁾ Въ подлинникѣ: *furiata lues*. Разумѣется императоръ Максиміанъ, открывшій гоненіе на христіанъ. Ср. стих. 77—81.

⁸⁾ Печень принадлежала къ числу частей животныхъ, особенно часто приносившихся въ жертву. Ср. *Perist.* XIII, 82: *salis aut micam jecur aut suis litarent*.

стѣжъ трудно проходимымъ отъ неровности почвы и отъ колючихъ кустовъ, сопровождаемая хоромъ ангеловъ; не отсутствовала для ней въ безмолвную и ужасную ночь и руководительный свѣтъ.

51. Нѣкогда у славнаго сонма отцевъ ⁹⁾ была свѣтоносный столпъ; имѣя силу пролагать (себѣ) путь среди темной ночи, онъ предстоитъ, какъ ясный свѣточъ, протоняющій мракъ ¹⁰⁾.

56. Подобнымъ образомъ и благочестивая дѣва, пустившаяся ночью въ путь, пользовалась свѣтомъ и не была объята тьмою; когда бѣжала изъ царства Канонскаго ¹¹⁾ и (когда) подготавливала себѣ путь къ небу.

61. Послѣшно съ бодрымъ духомъ проходить она многія миди прежде, чѣмъ заря освѣтила небо и рано утромъ подходитъ къ трибуналу (претора) и, ставъ среди ликторовъ,

66. Воскликаетъ: „Я желаю знать: что (у васъ) за безуміе— губить свои неистовыя души и преклоняться влчестивыми сердцами предъ каменными изображеніями и отрицать Бога— Отца всего?..“

74. „Жалкіе люди! Вы подвергаете христіанъ преслѣдованіямъ! Вотъ и я враждебно демонскимъ свѣтынямъ; ногами топчу идоловъ; а сердцемъ и устами исповѣдую Бога.“

76. „Изида, Аполлонъ, Венера ¹²⁾—ничто, и самъ Максиміанъ ¹³⁾—таже, ничто; тѣ—ничто потому, что созданы руками; сей же (ничто) потому, что чтить созданія рукъ; то и другое—суетно; то и другое—ничто.“

⁹⁾ Разумѣются праотцы народа еврейскаго, славные Потомкомъ своимъ—Христомъ. Слич. Римл. IX, 5; Евр. I, 1.

¹⁰⁾ Исх. XIII, 21. Слич. Сат. V, 59 и слѣд., гдѣ подробно воспроизводится повѣствованіе Моисея объ этомъ событіи.

¹¹⁾ Т. е. отъ мірской жизни или отъ языческаго общества. Канопъ городъ въ Египтѣ и выраженіе „Канонскій“ здѣсь равнозначуще съ словомъ „Египетскій“ (ср. Regist. X, 254—255, гдѣ слово „Канопъ“ употреблено вмѣсто „Египетъ“). Древніе же христіане нерѣдко употребляли „Египетскій“ вмѣсто „языческій“.

¹²⁾ Изида—египетское божество; но при императорахъ чествованіе ея было весьма распространено и на западѣ. Аполлонъ и Венера—грекоримскія божества.

¹³⁾ Разумѣется императоръ Максиміанъ (Геркулій), соправитель Діоклеціана.

81. „Пусть Максиміанъ, владыка міра, и, вмѣстѣ, рабъ каменной ¹⁴⁾, приноситъ и посвящаетъ своимъ божествамъ себя самого; зачѣмъ же онъ (при этомъ еще) преслѣдуетъ людей (истинно) благородныхъ? ¹⁵⁾...

86. „Добрый вождь, набранный судьей наслаждается кровію невинныхъ и страстно жезаетъ насытиться тѣлами благочестивыхъ людей, распарываетъ члены: сиязъ праведниковъ и находить удовольствіе въ томъ, чтобы мучить вѣрныхъ.

91. „Мучь же, палачь, зги, руби, тервай члены, созданные изъ брениа; то, что слабо, легко разрушается; но духъ, живущій внутри (оного слабого тѣла); не будетъ постигнуть гнетущую болью“

96. Приведенный этими словами въ обѣшенство преторъ ¹⁶⁾ говорить: „ликторы! схвати державку и подвергни мученіямъ: пусть она узнаетъ, что отечественные боги ¹⁷⁾—не ничто и что власть императора—не слаба“

101. „О какъ я желаю бы, впрочемъ, сломить твое, упрямая дѣвочка ¹⁸⁾, безразсудство прежде, чѣмъ смерть постигнетъ тебя! Подумай, (оцѣнь великія супружескія радости, которыми могла бы ты наслаждаться“

106. „За тобой и со слезами слѣдить: сокрушенная (горемъ) семья твоя; издаетъ стоны, беспокоясь о твоёмъ родѣ, благо-родное сословіе ¹⁹⁾; и боги жеребаешь въ нѣжномъ возрастѣ на самомъ порогѣ супружеской жизни, какъ въ девичьей“

¹⁴⁾ Т. е. идоловъ.

¹⁵⁾ Т. е. христіанъ.

¹⁶⁾ Судія Евлаліи былъ, можно думать, одинъ изъ числа такихъ преторовъ, которымъ въ императорское время поручаемо было управленіе провинціями, подвластными Риму.

¹⁷⁾ Отечественными богами (dii patrii) называются здѣсь, ради контраста христіанству, получившему начало на Востокѣ, боги политеизма, издревле существовавшіе въ римскомъ государствѣ.

¹⁸⁾ Изъ стих. 11—12 видно, что Евлаліи во время мученичества было двѣнадцать лѣтъ.

¹⁹⁾ Въ подлинникѣ: nobilitas. Ср. 1 ст., гдѣ говорится, что Евлалія происходила изъ знатнаго рода.

111. „Ужели не восхищаетъ тебя брачная помпа? Ужели не „трогаетъ нѣжная заботливость досточтимыхъ старцевъ, которыхъ ты сокрушаешь (своимъ) безразсудствомъ?... Смотри: орудія ужасной казни уже готовы.

116. „Ты или будешь поражена мечемъ, или растерзана звѣрjami, или разрѣшишься въ пепель и погибнешь, среди жалобныхъ воплей твоихъ (сродниковъ), на дымномъ кострѣ.

121. „И развѣ трудно, я спрашиваю (тебя), избѣжать (тебѣ) „этого?... Вѣдь если ты, дѣвушка, возымѣешь доброе желаніе „(только) коснуться концами пальцевъ крупинки соли ²⁰⁾ и „частички ладана, то тяжкое наказаніе не постигнетъ тебя“.

126. Воспламеняется гнѣвомъ мученица при этихъ словахъ и, вмѣсто отвѣта, плюетъ въ лице тирана ²¹⁾; потомъ повергаетъ ницъ изображенія (боговъ) и попираетъ ногами (жертвенный) хлѣбецъ ²²⁾, положенный у кадилалицы.

131. Тотчасъ двое палачей начинаютъ желѣзными когтями терзать юную грудь и ребра дѣвы, проникая до самыхъ костей; а Евлалія считаетъ наносимые знаки (мукъ).

136. „Вотъ Ты, Господи, написуешься (теперь) у меня. О сколь „пріятно читать эти письма ²³⁾, означающія Твои, Христа, „трофеи; о (Твоемъ) святомъ имени говорить и самый пурпуръ „пролитой крови“.

141. Эти слова безъ слезъ и стоновъ произнесла она, радостная и безбоязненная; далека была отъ духа (ея) лютая скорбь, хотя горячая кровь струилась, какъ потокъ, по ея членамъ.

146. Затѣмъ послѣднее мученіе съ яростію устремляется на тѣло мученицы, — не проникающее до костей изъязвленіе, не

²⁰⁾ Ср. Perist. XIII, 62.

²¹⁾ Т. е. претора.

²²⁾ Посыпанный солью хлѣбецъ (mola salsa) былъ самою обыкновенною и употребительною жертвою грекоримскаго политеизма. „Позднѣйшіе Греки и Римляне никакихъ жертвоприношеній не совершали безъ mola salsa“ (Ареваль).

²³⁾ Выраженіемъ „письмена“ (arises) мученица обозначаетъ нанесенныя ей раны.

терзаніе когтями ²⁴), но пламя огней, окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ.

151. И какъ только благоуханные волосы ²⁵) разсыпались по плечамъ и шеѣ (мученицы), дабы прикрыты были (этимъ) покровомъ головы скромная стыдливость и дѣвическая честь (ея),

156. Пламя съ трескомъ поднимается къ лицу и, получивъ пищу въ волосахъ, охватываетъ голову и возносится выше ея: дѣва же, желая скорой кончины, съ жадностію вбираетъ въ себя (устами) пламя.

161. Тогда неожиданно появляется (изъ костра) голубь, бѣлѣйшій снѣга, слетѣвшій, казалось, съ устъ мученицы, и поднимается къ небу: то была душа Евлаліи чистая, быстротечная, невинная.

166. По удаленіи души, шея (мученицы) селоняется долу; потухаетъ и огонь костра (охватившій мученицу); дается миръ бездыханнымъ членамъ; торжествуетъ душа, несясь въ воздухѣ, и быстро воспаряетъ въ горній чертогъ.

171. Видѣлъ и самъ мучитель ²⁶), что съ устъ дѣвы видимо слетѣла птица; изумленный и недоумѣвающий онъ вскакиваетъ и бѣжитъ отъ своихъ дѣяній; убѣгаютъ въ страхѣ и ликторы.

176. Вотъ ледяная зима приноситъ снѣгъ и покрываетъ имъ весь форумъ ²⁷); покрываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и останки Евлаліи, и они остаются подъ снѣжнымъ покровомъ, какъ бы подъ полотнянымъ плащомъ.

181. Не проявлялась (надъ тобой) любовь людей, проливающихъ слезы; не совершенъ былъ надъ тобою послѣдній долгъ, не бы-

²⁴) Объ этихъ мученіяхъ сказано было въ стих. 131 и слѣд.

²⁵) Волосы Евлаліи названы здѣсь благоуханными не въ подражаніе языческимъ поэтамъ, усвоившимъ это качество богинямъ (ср. Virgilii: Aen. 1,403 (о Венерѣ): *ambrosiaequae somae divinum vertice odorem spiravere*), но потому, что, дѣйствительно, при стараніи издавали не смрадъ, но благовоніе. Подобное произошло, по описанію Пруденція, при страданіи мученика Лаврентія (Perist. II, 385 и слѣд.).

²⁶) Т. е. преторъ, названный въ ст. 127 тиранномъ.

²⁷) Ср. 64 ст., гдѣ говорится, что Евлалія явилась предъ трибуналь (претора).

до печальной церемоніи; погребаютъ тебя, дѣва, по повелѣнію Божию, сами стихіи.

186. Славно нынѣ гробницею мѣстечко Емерита, колонія Веттонская ²⁸⁾, которой прекрасныя стѣны омываетъ (своею) быстро-текущею влагою достопамятная рѣчка Гвадіана.

191. Здѣсь досточтимая земля въ лонѣ (своемъ) сохраняетъ останки и священный прахъ (мученицы Евлаліи); надъ ними возвышается питательный ²⁹⁾ алтарь изъ мрамора, сіяющій и собственнымъ и отраженнымъ свѣтомъ ³⁰⁾.

196. Блистающій потолокъ сверкаетъ позолотою, а куски мрамора пестрятъ полъ до такой степени, что его можно было бы принять за лугъ, алѣющій разнообразными цвѣтами.

201. Собирайте пурпурныя фіалки, рвите багряные кроки ³¹⁾; радостная зима не лишена ихъ; ледъ, растаявъ, освободилъ землю, дабы могли быть наполнены цвѣтами корзины ³²⁾.

206. Несите, и дѣвушки, и отроки, такіе дары изъ распустившейся листвы; а я, находясь среди хора, буду складывать дактилическимъ размѣромъ гирлянды малоцѣнныя и не пышныя но соотвѣтствующія празднику. †

211. О пусть такимъ образомъ чествуются останки (мученицы) и воздвигнутый надъ ними алтарь; а она ³³⁾, находясь предъ престоломъ Божиимъ, призреть на это (чествованіе) и, умило-стивленная пѣснію, сохранить народъ свой.

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

²⁸⁾ Веттонія—часть Испаніи между рѣками Дуэро и Гвадіаной.

²⁹⁾ Въ подлинникѣ: *atria alba*. Ср. Рег. XI, 171.

³⁰⁾ Ср. ст. 196—197; 211—212.

³¹⁾ Ср. примѣч. 22 къ пятому повседневному гимну.

³²⁾ Пруденцій говоритъ такъ, имѣя въ виду мягкость климата въ Емеритѣ и обиліе, а также раннее появленіе въ ней цвѣтовъ, которыми почти еще зимою могла быть украшаема гробница Евлаліи. Ср. Аревалы: *ad v.* 203.

³³⁾ Т. е. мученица Евлалія.

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

VIII.

Физиологическое ученіе о субъективности ощущеній.

42. Значеніе чувствъ, какъ основы опыта.—43. Субъективный языкъ объективистовъ.—44. Физиологическія условія воспріятій.—45. Изъ нихъ слѣдуетъ, что мы ощущаемъ состоянія мозга, а не внѣшніе предметы.—46. Тотъ-же выводъ изъ различія воспріятій чувствами одного и того-же раздражителя.—47. Обзоръ и выводъ.

42. „Задача органовъ чувствъ заключается въ томъ“, говоритъ Ландуа, „чтобы передавать психической сферѣ впечатлѣнія отъ разнообразныхъ явленій внѣшняго міра: они служатъ, слѣдовательно, посредниками чувственныхъ воспріятій“¹⁾. „Въ животномъ царствѣ“, говоритъ Бернштейнъ, „замѣчается родъ органовъ, при посредствѣ которыхъ каждый животный организмъ узнаетъ о явленіяхъ, происходящихъ во внѣшнемъ мірѣ. Органы эти извѣстны подъ именемъ *органовъ чувствъ*. Самой высокой степени совершенства они достигаютъ въ человѣкѣ, душевная дѣятельность котораго въ такой-же мѣрѣ превосходитъ всѣхъ другихъ животныхъ“²⁾. „Выраженіе:

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 10.

¹⁾ Ландуа, Учебникъ фізіол. челов. стр. 935.

²⁾ Бернштейнъ, Физиологія органовъ чувствъ, перев. съ нѣмецк. С.-П.-Б. 1876 стр. 1. Едвали однако можно согласиться, что дѣятельность органовъ

Nihil est in intellectu quod ante non fuerit in sensu—является безусловно вѣрнымъ“, утверждаетъ профессоръ Ковалевскій ¹⁾. По словамъ Преьера: „простое соображеніе показываетъ, что безъ посредства чувствъ человѣкъ не можетъ ни познать природы, ни имѣть представленій о качествахъ собственного тѣла. Представимъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ здороваго ребенка, но совершенно слѣплого и глухого отъ рожденія; въ такомъ случаѣ онъ будетъ окруженъ вѣчной ночью и вѣчной тишиной. Предположимъ далѣе, что этотъ ребенокъ съ самаго рожденія лишенъ чувствъ вкуса, обонянія и осязанія. Только при сильномъ напряженіи фантазіи можно представить себѣ подобное безчувственное человѣческое тѣло, которое, очевидно, не можетъ ничего ни познавать, ни чувствовать. Ему неизвѣстна ни членораздѣльная рѣчь, ни какой-либо языкъ знаковъ, оно не знаетъ и ни коимъ образомъ не можетъ узнать, что кромѣ него существуетъ еще что-либо; ему ничего неизвѣстно, потому что такое существо не видитъ, не слышитъ и не чувствуетъ ничего, даже членовъ своего собственного тѣла. Если-бы такое безчувственное тѣло обладало разумомъ, волею, душею, то эти послѣднія не могли-бы обнаружить своего присутствія. Хотя такой случай и не былъ наблюдаемъ, однако никто не будетъ оспаривать, что чувства составляютъ *необходимое условіе опыта*. Предположимъ далѣе, что такому ребенку, посредствомъ искусной операціи, возвращено одно изъ этихъ чувствъ. Картина тотчасъ-же измѣняется: теперь онъ способенъ къ ощущенію, онъ можетъ познавать кое-что. Итакъ, если бы человѣкъ обладалъ только однимъ чувствомъ, то его одного достаточно было-бы для приобрѣтенія познаній для того, чтобы дѣлаться разумнымъ. Оно служило-бы какъ бы входомъ для впечатлѣній, производимыхъ на насъ внѣшнимъ міромъ, и выходомъ для мыслей обусловливаемыхъ ими. Подобный случай только однажды и былъ наблюдаемъ“. Авторъ разумѣетъ извѣстную глухонѣмую Луару Бриджманъ, у кото-

чувствъ у человѣка выше, чѣмъ у животныхъ. Зрѣніе орла, обоняніе собаки, слухъ обезьяны галаго гораздо выше, чѣмъ у какого-нибудь современнаго намъ генія.

¹⁾ Основы механ. душевн. дѣят. стр. 88.

рой не повреждено было только одно осязаніе. „Этотъ въ высшей степени своеобразный примѣръ человѣческаго существа“, заключаетъ Преьеръ, „которое почти съ самаго рожденія владѣло только однимъ изъ пяти чувствъ, показываетъ, какъ мало нужно органовъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ опытъ и стать разумнымъ: достаточно одного чувства“¹⁾. Итакъ, мы видимъ, что чувства, по сознанию фізіологовъ, суть посредники воспріятій объективнаго міра, что они суть условія опыта. Это очень важно, потому что объективный методъ фізіологической психологіи, какъ методъ опытный, въ основѣ своей имѣетъ, очевидно, воспріятіе посредствомъ чувствъ. Сами фізіологи поэтому должны признать въ чувствахъ основу своего собственнаго метода. Не даромъ же проф. Сѣченовъ, какъ мы видѣли выше, упрекалъ метафізиковъ за то, что они при познаніи дѣйствительнаго міра руководствуются только однимъ разумомъ, насильственно отрывая его отъ чувствъ. „Міръ дѣйствительно существуетъ помимо человѣка и живетъ самобытною жизнью“, говорилъ онъ въ заключеніе, „но познаніе его человѣкомъ помимо органовъ чувствъ невозможно, потому что продукты дѣятельности органовъ чувствъ суть источники *всей* психической жизни“²⁾. Любопытно поэтому посмотрѣть, что это за продукты съ точки зрѣнія самой фізіологіи.

43. Прежде чѣмъ говорить объ общихъ фізіологическихъ условіяхъ этихъ продуктовъ, не безынтересно замѣтить, что въ описаніи этихъ условій фізіологи рѣшительно не могутъ обойтись безъ терминовъ, заимствованныхъ изъ субъективной психологіи, потому что они совсѣмъ не въ состояніи выразить описываемыхъ процессовъ въ терминахъ, употребляемыхъ для описанія процессовъ физическихъ или матеріальныхъ. Если-бы они попытались изгнать изъ своего лексикона такіа слова, какъ: ощущеніе, воспріятіе, представленіе, проектированіе, образъ, умозаключеніе, сужденіе, сопоставленіе, вниманіе, сознаніе, и замѣнили эти выраженія соотвѣтствующими словами, которыя обозначали-бы фізіологическіе процессы, доступ-

¹⁾ Преьеръ, Пять чувствъ человѣка, Москва, 1873, стр. 8—9, 11.

²⁾ Психол. этюды, стр. 204.

ные объективному наблюденію, то они тотчасъ увидали-бы, что это невозможно. Пусть вмѣсто: воспріятія, ощущенія, объективированія ощущеній, представленій поставятъ такой-то: молекулярный процессъ въ субкортикальныхъ узлахъ, такой-то процессъ въ кортикальныхъ, такое-то проведеніе между такимъ-то и такимъ-то центромъ,—и выйдетъ безсмыслица. Это показываетъ, что психическіе факты фізіологами постоянно вносятся въ самые фізіологическіе процессы. Именно факты. Если бы дѣло было только въ словахъ, то есть въ различномъ обозначеніи однихъ и тѣхъ-же фактовъ, тогда была-бы полная возможность вмѣсто одного слова или названія факта поставить другое: самый фактъ остался-бы понятнымъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда разныя слова обозначаютъ разные факты: тогда, если я одинъ фактъ въ рѣчи назову именемъ другого, то выйдетъ безсмыслица. Вотъ почему фізіологи, претендующіе изучать душевныя явленія фізіологическимъ методомъ, всегда употребляютъ выраженія, заимствованныя изъ самонаблюденія, которому они не довѣряютъ. Неизбѣжная судьба! Подтвержденіе этого читатель можетъ найти сейчасъ же въ нижеслѣдующемъ описаніи условій воспріятія посредствомъ органовъ чувствъ, если только дастъ себѣ трудъ вникнуть въ терминологію. Это описаніе мы заимствуемъ у Ландуа, при чемъ каждый пунктъ будемъ дополнять выписками изъ другихъ фізіологовъ, или же словами самого Ландуа.

44. „Для того, чтобы послѣднія (т. е. воспріятія) имѣли мѣсто, говоритъ Ландуа, необходимы слѣдующія условія: *Во-первыхъ*: „органъ чувства съ его специфическими концевыми аппаратами долженъ быть цѣль и невредимъ во всѣхъ своихъ анатомическихъ составныхъ частяхъ и способенъ къ фізіологическому отправленію“ ¹⁾. Фізіологическое отправленіе какого-нибудь органа чувствъ называется раздраженіемъ. „Молекулярное и химическое измѣненіе въ протоплазмѣ клѣтокъ периферіи даннаго органа подъ вліяніемъ извѣстнаго раздраженія воздѣйствующаго предмета составляетъ процессъ *воспріятія* раздраженія (въ органѣ). Разъ совершилось это измѣ-

¹⁾ Ландуа, Учебн. фізіол., стр. 933.

неніе въ существѣ протоплазмы, разъ произошелъ процессъ воспріятія раздраженія, то результатомъ его обязательно будетъ слѣдъ, или отпечатокъ, или то, что мы называемъ впечатлѣніемъ“¹⁾. *Во-вторыхъ*: „долженъ существовать „специфическій“ раздражитель, который производилъ-бы нормальное раздраженіе концевго аппарата (органа)“. „Раздраженія, дѣйствующія на концевой аппаратъ органовъ чувствъ, дѣлятся на: 1) *однородныя* (адекватныя) или *гомологичныя*, т. е. такія, къ которымъ спеціально принаровлено устройство даннаго органа, какъ, напримѣръ, строеніе палочекъ и колбочекъ сѣтчатки (глаза)—къ колебаніямъ свѣтового ээира. Каждому периферическому окончанію чувствующаго нерва присуще такимъ образомъ специфическое возбужденіе (законъ специфической энергіи Іоганна Мюллера²⁾; и 2) *гетерологичныя* раздраженія (по Вундту общія)³⁾, которыя также оказываются дѣйствительными (механическія, термическія, химическія, электрическія, внутреннія соматическія)⁴⁾, какъ, напримѣръ, появленіе искръ отъ удара въ глазъ, шумъ въ ухахъ при приливахъ въ головѣ. Раздражители этой послѣдней категоріи дѣйствуютъ на нервный аппаратъ чувствующаго органа на всемъ протяженіи его волоконъ отъ концевго аппарата до мозговой коры, тогда какъ гомологичныя раздражители дѣйствительны лишь по отношенію къ концевому аппарату: такъ, свѣтъ, падая на обнаженный зрительный нервъ, не оказываетъ на него рѣшительно никакого дѣйствія“⁵⁾. „Всѣ эти внѣшніе процессы, дѣйствующіе какъ раздраженія на наши органы чувствъ и вызывающіе ощущенія, суть *движенія*“, говоритъ Вундтъ⁶⁾. „Гомологичныя раздражители дѣйствуютъ на органы чувствъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ колебанія ихъ силы. Очень слабыя раздраженія совершенно недѣйствительны. Та наименьшая сила раздраженія, при которой появляется первый слѣдъ ощуще-

¹⁾ П. И. Ковалевскій, Основы механ. душевн. дѣят. стр. 82.

²⁾ Сравни замѣчанія на этотъ законъ Вундта: Основы физиолог. психол., стран. 321.

³⁾ Ibid. 320.

⁴⁾ Иначе: физиологическія.

⁵⁾ Ландуа, Ibid 933—934.

⁶⁾ Основ. физ. псих. стр. 320.

нія, извѣстна подъ именемъ *порога* ощущенія или *показателя* его (Schwellenwerth, Фехнеръ). Съ увеличеніемъ силы раздраженія возрастаютъ и ощущенія; при этомъ ощущеніе возрастаетъ на одинаковую величину, если величина раздраженія увеличивается на *относительно* одинаковую величину; такъ, на примѣръ, „мы получимъ одинаковый плюсъ (увеличеніе) свѣтового ощущенія, возьмемъ-ли мы вмѣсто 10 свѣчей 11-ть или вмѣсто 100—110 свѣчей (въ обоихъ случаяхъ сила свѣта увеличится на $\frac{1}{10}$ прежней величины). Такъ какъ логарифмы чиселъ возрастаютъ на одинаковую величину, если самыя числа увеличиваются на *относительно* одинаковую величину, то указанный законъ можетъ быть выраженъ еще слѣдующими словами: ощущенія растутъ не какъ абсолютныя величины раздраженій, но приблизительно какъ логарифмы послѣднихъ ¹⁾. Однако, вѣрность этого, такъ называемаго „психофизическаго закона Фехнера“, оспаривается въ новѣйшее время Э. Герингомъ и другими.—Слишкомъ интенсивныя психическія (*sic!*) раздраженія вызываютъ своеобразныя болѣзненные ощущенія, на примѣръ, чувство ослѣпленія, оглушенія уха и т. д. Далѣе органы чувствъ реагируютъ на однородныя (гомологичныя) раздраженія лишь въ опредѣленныхъ границахъ: ухо, на примѣръ, — на колебанія звучащихъ тѣлъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ числа колебаній (ни слишкомъ низкихъ, ни слишкомъ высокихъ тоновъ); сѣтчатка — лишь на колебанія свѣтового эфира между краснымъ и фіолетовымъ (цвѣтомъ), но отнюдь не на тепловыя колебанія его, ни на химически дѣйствующіе лучи (за-фіолетовые)“ ²⁾. Въ *третьихъ*: „проводимость отъ периферическаго органа чувства чрезъ волокна даннаго чувствующаго нерва къ большому мозгу не должна быть нарушена“ ³⁾. „Всѣ нервы чувствъ имѣютъ задачей лишь проведеніе возбужденія, которое при этомъ переходитъ съ периферическихъ концовъ нервовъ, заключенныхъ въ органахъ чувствъ, на ихъ центральныя концы,

¹⁾ Короче: ощущеніе пропорціонально логарифму раздраженія. Подробности у Вундта, *ibid.* стр. 350, 348 и слѣд.

²⁾ Ландуа, *ibid.* 934.

³⁾ Ландуа, *ibid.* 933.

находящіеся въ головномъ мозгу, т. е. центры чувствъ. Это передаваемое состояніе нервнаго возбужденія не имѣетъ ничего сходнаго съ первоначальнымъ раздражителемъ. Оно не есть ни свѣтъ, ни звукъ, ни давленіе или теплота, ни движеніе жидкости, имѣющей извѣстный вкусъ, ни токъ газа съ извѣстнымъ запахомъ. Это состояніе возбужденія есть процессъ совершенно особаго рода, и принимаютъ, что процессъ этотъ во всѣхъ нервахъ *одинаковъ*, такъ какъ онъ повсюду, и въ нервахъ мышцъ, и въ чувствительныхъ нервахъ, обнаруживается одними и тѣми-же явленіями и подчиненъ однимъ и тѣмъ-же законамъ" ¹⁾. Въ *четвертыхъ*: „Во время дѣйствія раздражителя психическая дѣятельность (вниманіе) должна быть направлена на процессъ возбужденія: этимъ путемъ возникаетъ, черезъ посредство органовъ чувствъ, ощущеніе, напримѣръ, свѣта или звука" ²⁾. „Полагаютъ, что вниманіе есть примитивное проявленіе сознанія“, говоритъ профессоръ Ковалевскій. „Вниманіе не можетъ существовать безъ сознанія, — это есть концентрація нашего сознанія на томъ или другомъ предметѣ или явленіи. Собственно говоря“, продолжаетъ профессоръ, „эти звуки очень много говорятъ нашему слуху, но очень немного нашему уму" ³⁾. „Вниманіе состоитъ въ реакціи клѣтокъ, въ активномъ участіи нервныхъ клѣтокъ по отношенію къ тѣмъ раздраженіямъ, которыя получаютъ отъ окружающихъ предметовъ" ⁴⁾. Такъ какъ ощущеніе совершается въ субкортикальныхъ центрахъ, то вниманіемъ будетъ участіе клѣтокъ этихъ центровъ. Но такое объясненіе едва ли удовлетворительно; ибо въ немъ вниманіе смѣшивается съ ощущеніемъ, котораго однако оно составляетъ условіе ⁵⁾. Гораздо удовлетворительнѣе, повидимому, объясненіе Вундта. По его словамъ: „мы должны представлять себѣ процессъ возбужденія вниманія слѣдующимъ обра-

¹⁾ Бернштейнъ, Физиолог. органовъ чувствъ, стр. 5.

²⁾ Ландуа, *ibid.* 933.

³⁾ П. И. Ковалевскій, Основы механ. душев. дѣят. стр. 84.

⁴⁾ *Ibid* стр. 85.

⁵⁾ Безъ вниманія нѣтъ ощущенія. Если вниманіе есть реакція клѣтокъ, то вѣдь и ощущеніе есть эта самая реакція.

зомъ. Первый толчекъ всегда дается или внѣшнимъ физиологическимъ раздраженіемъ, или раздраженіемъ внутреннимъ, психическимъ. Слѣдствіемъ раздраженія является представленіе или въ формѣ воспріятія, или въ формѣ образа фантазіи, но сначала это представленіе находится внѣ фиксаціонной точки сознанія (т. е. внѣ яснаго сознанія). Въ то же время всякое чувствительное раздраженіе переносится на центральныя области двигательной иннерваціи, откуда оно можетъ итти далѣе двоякимъ путемъ: во-первыхъ обратно къ чувственнымъ областямъ, усиливая при этомъ представленіе, вторыхъ къ центрамъ произвольныхъ мышцъ, обуславливая тѣ мышечныя напряженія, которыя служатъ вспомогательными средствами при возбужденіи чувства вниманія и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаютъ эти чувства, въ силу правила, что ассоціированныя чувства взаимно усиливаются“¹⁾. „Произвольнымъ устремленіемъ вниманія, какъ замѣтилъ Гельмгольцъ, возможно фиксировать вниманіе даже на косвенно видимыхъ частяхъ объекта, при чемъ части, видимыя прямо, затемняются“²⁾. Но это-то и доказываетъ, что вниманіе не есть послѣдствіе ощущенія, ибо оно даже можетъ вытѣснять ясныя ощущенія, а есть условіе ощущенія, ибо оно заставляетъ ощущать то, что прежде не ощущалось. Не слѣдуетъ опускать изъ вида и того, что мы можемъ наблюдать даже отсутствіе ощущенія, т. е. отсутствіе извѣстнаго физиологическаго процесса“³⁾. *Въ-пятыхъ*: „Если, наконецъ, ощущеніе приводится въ связь при помощи психическаго акта со внѣшней причиною, то возникаетъ сознательное чувственное воспріятіе. Часто, однако, связь эта устанавливается путемъ *безсознательнаго умозаключенія* основаннаго исключительно на прежнемъ опытѣ“⁴⁾. Это приведеніе

¹⁾ Вундтъ, Основ. физиол. психол. стр. 753.

²⁾ Ibid. стр. 749.

³⁾ Ландуа, Учеб. физ. стр. 990: „Если на сѣтчатку вовсе не дѣйствуетъ колебаніе свѣтового зенра, то отсутствуетъ всякое свѣтовое, либо цвѣтное (vis.) ощущеніе, чего не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ чернымъ цвѣтомъ. Здѣсь именно наблюдается *отсутствіе* ощущенія, какъ это бываетъ, напр., въ томъ случаѣ, когда свѣтъ падаетъ на кожу спины: послѣдняя не ощущаетъ вѣдь чернаго цвѣта, и вовсе не получаетъ никакого свѣтоощущенія“. Самое любопытное тутъ то, что мы именно знаемъ это отсутствіе ощущенія.

⁴⁾ Ibid. стр. 933.

въ связь ощущенія съ внѣшней причиной, превращающее его въ сознательное воспріятіе и состоящее въ умозаключеніи, „по всей вѣроятности“ есть процессъ корковыхъ нервныхъ клѣтокъ, ибо сознательныя представленія и „по всей вѣроятности“ умозаключенія, по остроумному выраженію профессора Ковалевскаго, „занимаютъ квартиры“ въ кортикальныхъ клѣткахъ¹⁾. Относительно самаго умозаключенія или вообще связи ощущенія съ внѣшней причиной мы скажемъ особо ниже, а теперь достаточно указать только на то, что этотъ процессъ, съ точки зрѣнія физиологовъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ именно *мозговымъ* процессомъ, совершающимся *въ коркѣ*, въ „психосенсорныхъ центрахъ“²⁾. Таковы физиологическія условія воспріятій, лежащихъ въ основѣ всякаго наблюденія и опыта.

45. Описаніе этихъ условій показываетъ намъ два весьма важныхъ факта: во-первыхъ, — тотъ, что физиологическое отправление органовъ чувствъ состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ моментовъ: раздраженія, проэкціоннаго проведенія, реакціи центральныхъ клѣтокъ субкортикальныхъ узловъ; опять проэкціоннаго проведенія и реакціи корковыхъ клѣтокъ и, наконецъ, ассоціаціоннаго проведенія; во-вторыхъ, тотъ фактъ, что ощущеніе и воспріятіе происходятъ только въ мозговыхъ центрахъ и больше нигдѣ. Если мы обратимъ вниманіе на первый фактъ, на рядъ процессовъ въ отравленіяхъ органовъ чувствъ, то увидимъ, что всѣ эти процессы су-

¹⁾ Основы механ. душевн. дѣят. стр. 54 и 49.

²⁾ Ср. *Ландуа*, Учебн. физиол. человека стр. 906—909: „Исслѣдованія Феррьера и Мунка показали, что на опредѣленныхъ мѣстахъ поверхности коры полушарій существуютъ области, въ которыхъ совершается актъ сознательнаго чувственнаго воспріятія“. Стр. 906. *Гольцъ* толкуетъ наблюдаемые здѣсь факты иначе, т. е. отрицаетъ локализацию. *Ibid.* стр. 908. *Фостеръ*, Учебникъ физиологій, перев. проф. Тарханова, С. П. Б. П., стр. 322—326: „Разрушеніемъ какогонибудь опредѣленнаго, ограниченнаго мѣста корки полушарій нельзя бываетъ уничтожить какогонибудь опредѣленнаго чувства, или вызвать какойнибудь параличъ опредѣленной группы мышцъ тѣла. Даже тѣ жизненныя проявленія, которыя мы относимъ къ сферѣ разума, естественнымъ склонностямъ, страстямъ и т. д., не бываютъ связаны съ какиминибудь функціонально-обособленными отдѣлами корковаго вещества полушарій“. Добавленіе переводчика. *Ibid.* стр. 323—324.

щественно различаются между собою: раздраженіе органа, какъ дѣйствиe раздражителя, напр., свѣта на сѣтчатку, совсѣмъ не то, что проведеніе; точно также, какъ мы не находимъ въ (проводящей) дѣятельности нерва, ничего общаго съ подѣйствовавшимъ на нервъ раздражителемъ, мы не видимъ въ этой дѣятельности ничего сходнаго и съ самымъ процессомъ ощущенія ¹⁾; наконецъ, и воспріятіе, какъ ощущеніе сознательное и обьективированное, отличается отъ простого ощущенія тѣмъ, что въ воспріятіи ассоціированы всегда многія ощущенія. Отсюда неминуемо вытекаетъ слѣдующій выводъ, что ощущеніе и основанное на немъ воспріятіе *совсѣмъ не то*, что внѣшній обьективный процессъ, ихъ вызвавшій, а тѣмъ менѣе какой-нибудь внѣшній предметъ. Если мы теперь обратимъ вниманіе на второй фактъ, т. е. что ощущенія и воспріятія собственно совершаются въ мозговыхъ центрахъ, то должны будемъ признать, что процессы раздраженія и проведенія суть только поводы для самостоятельной дѣятельности центровъ, которые иногда способны проявлять свою дѣятельность и безъ внѣшнихъ возбужденій. „Процессъ ощущенія“, говоритъ Бернштейнъ, происходитъ только въ центрахъ и нигдѣ болѣе. Состояніе возбужденія нервного центра извѣстнаго чувства есть тотъ матеріальный процессъ, который лежитъ въ основѣ соотвѣтственнаго ощущенія; при этомъ даже вовсе не необходимо, чтобы возбужденіе было вызываемо черезъ посредство соотвѣтствующаго нерва. Такъ, во снѣ мы испытываемъ явственныя ощущенія, и эти ощущенія возникаютъ вслѣдствіе того только, что центры чувствъ приводятся въ возбужденіе внутренними раздражителями; специфическіе-же раздражители при этомъ вовсе не дѣйствуютъ на нервы. Необычные болѣзненные раздражители, являющіеся, напр., при заболѣваніяхъ головного мозга, ненормальныя качества крови при лихорадочныхъ болѣзняхъ, вызываютъ также субъективныя ощущенія, которыя извѣстны подъ именемъ фантазій и галлюцинацій“ ²⁾. Отсюда опять получается тотъ выводъ, что дѣятель-

¹⁾ Бернштейнъ, Физиологія орган. чувствъ, стр. 5.

²⁾ Ibid. стр. 5—6.

ность центровъ, т. е. ощущенія и воспріятія, *совствѣ не то*, что процессы, ихъ вызывающіе, или возбуждающая ихъ причина. А если такъ, то, очевидно, ощущенія и воспріятія неспособны выражать собою внѣшнія причины, ихъ вызывающія. „Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ“, по словамъ Бернштейна, „что мы ощущаемъ собственно не явленія внѣшняго міра, а всегда лишь тѣ измѣненія, которыя совершаются въ центрахъ чувствъ“¹⁾. Итакъ, ощущенія свѣта, звука и другихъ ощущаемыхъ качествъ, это только процессы въ темномъ и беззвучномъ мозгу, и превращеніе ощущенія въ воспріятіе— это процессъ въ коркѣ мозга, которая „сама нечувствительна“²⁾. Во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ этихъ процессовъ и мы даже не можемъ знать есть-ли еще внѣшній міръ. Этотъ результатъ есть, такимъ образомъ, совершенно неизбежное слѣдствіе физиологическихъ условій ощущенія. Онъ—выводъ изъ физиологіи органовъ чувствъ.

46. Къ тому-же результату обыкновенно приходятъ и съ другой стороны, именно, если обращаютъ вниманіе на различіе реакціи различныхъ органовъ чувствъ на одно и то же раздраженіе. Выразимъ относящіяся сюда соображенія словами доктора Шольца. „При извѣстныхъ условіяхъ“, говоритъ онъ, „раздраженія могутъ быть восприняты не только однимъ, но одновременно нѣсколькими чувствами, при чемъ каждое чувство отвѣтитъ на него особеннымъ, ему одному свойственнымъ, образомъ. Уяснимъ себѣ это нѣсколькими примѣрами. Приложивъ, напримѣръ, оба полюса гальванической батареи въ обѣимъ сторонамъ головы, нѣсколько ниже висковъ, мы испытываемъ три явленія: мы видимъ искры, ощущаемъ покалываніе кожи и соленый металлическій вкусъ во рту. Слѣдовательно, однимъ и тѣмъ-же внѣшнимъ раздраженіемъ возбуждаются одновременно зрѣніе, осязаніе и вкусъ, но каждый изъ нихъ отвѣчаетъ только ему одному свойственнымъ образомъ. Проведя смычкомъ по натянутой струнѣ, мы не только слышимъ про-

¹⁾ Ibid. стр. 6.

²⁾ По словамъ *Лон. Мюллера*: „мѣсто мозга, гдѣ ощущенія преобразуются въ представленія и сохраняются, чтобы явиться, какъ-бы тѣнью ощущенія; само нечувствительно“. Ссылка у *Ланге*: Истор. матер. II, стр. 304.

изведенный этимъ звукъ, но видимъ колебаніе струны и можемъ осязать ихъ, приложивъ руку. Слѣдовательно, и здѣсь три чувства: слухъ, зрѣніе и осязаніе одновременно возбуждены однимъ и тѣмъ-же раздраженіемъ. Было-бы неправильно сказать, что въ данномъ случаѣ одна причина имѣла три различныхъ слѣдствія, потому что одна причина можетъ вызвать всегда только одно ближайшее слѣдствіе. Дѣло въ томъ, что одно слѣдствіе проявляется троякимъ образомъ, потому что оно было передано намъ тремя различными чувствами, какъ текстъ, написанный на трехъ языкахъ, все-же имѣетъ одно содержаніе. Изъ этого слѣдуетъ великое ученіе, которое составляетъ главное содержаніе, или, правильнѣе, основу новѣйшей философіи со временъ Канта ¹⁾,—что мы представляемъ себѣ все существующее только соотвѣтственно степени организаціи нашихъ органовъ чувствъ. Качества, которыя мы прилагаемъ представляемымъ предметамъ, въ сущности представляются нашими собственными чувствами. Говоря, что струна имѣетъ качество звучать, когда по ней проводятъ смычкомъ, мы въ сущности дѣлаемъ условную подставку словъ, потому что въ дѣйствительности струна не звучитъ, она только колеблется и колебанія эти возбуждаютъ нашъ органъ слуха, такъ что мы ошибочно приписываемъ какъ качество струнѣ представленіе возникающее только въ насъ. Когда мы говоримъ: свѣча свѣтитъ, мы не должны опускать изъ виду, что подразумеваемъ явленіе, происходящее въ насъ самихъ. Представленіе о горящей свѣчѣ слѣдпорожденнаго, который прикладываетъ къ ней руку, будетъ значительно инымъ, а именно, не какъ о чемъ-то свѣтящемся, а какъ о производящемъ боль. Слѣдовательно, наши чувственные воспріятія въ сущности ни что иное, какъ объективно объясняемая субъективныя ощущенія. Всѣ предметы существуютъ для человѣка лишь настолько, насколько присутствіе ихъ доносится ему его чувствами: весь міръ для него только *мозговое явленіе* ²⁾.

¹⁾ А профессоръ Сѣченовъ увѣрялъ, что вина философіи и притомъ главная въ томъ, что она отрываетъ разумъ отъ чувствъ! Оказывается, что вся новѣйшая философія именно есть выводъ изъ физиологіи органовъ чувствъ.

²⁾ Шольцъ, директоръ лечебницы для душевно-больныхъ въ Бременѣ. Діететика

47. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, который трудно согласить съ ролью органовъ чувствъ, признаваемою за ними самими фізіологами. Это обнаружится для насъ тотчасъ-же, если мы теперь резюмируемъ все выше сказанное. Мы получаемъ въ выводѣ слѣдующія положенія: 1) органы чувствъ суть посредники между внѣшнимъ міромъ и мозгомъ, въ которомъ этотъ міръ при помощи ихъ такъ или иначе проэктируется; 2) фізіологическія условія этой проэкции обыкновенно описываются не столько въ терминахъ объективнаго фізіологическаго наблюденія, сколько въ терминахъ субъективнаго психологическаго самонаблюденія; 3) во всякомъ случаѣ условія эти состоятъ изъ ряда процессовъ возбужденія нервной системы и главнымъ образомъ дѣятельности нервныхъ центровъ; 4) однако ни одинъ послѣдующій моментъ этого ряда не походитъ на предыдущій и дѣятельность нервныхъ центровъ, рождающая ощущеніе, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ внутреннимъ самостоятельнымъ процессомъ, который во внѣшнихъ раздраженіяхъ имѣетъ только поводъ для своего обнаруженія; 5) такъ что какъ на разныя возбужденія эта самостоятельная нервная дѣятельность можетъ отвѣчать одинаково, такъ и на одинаковыя—различно (электрическій токъ ощущается: и какъ свѣтъ, и какъ осязательное ощущеніе, и какъ вкусовое). Такимъ образомъ чувства являются не столько посредниками между внѣшнимъ міромъ и мозгомъ, сколько служатъ къ тому, что мозгъ создаетъ при помощи ихъ свой собственный міръ, можетъ быть нисколько на внѣшній міръ не похожій. Міръ для насъ есть только „мозговое явленіе“. Ниже мы увидимъ, что нѣтъ никакихъ основаній допускать, что есть еще какой-то иной міръ, кромѣ этого „мозговаго“ явленія.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

Отношеніе религіозно-философскихъ воззрѣній Огюста Конта къ католичеству.

(Окончаніе *).

IV.

Не довольствуясь общественнымъ культомъ, Контъ установилъ еще частный или домашній культъ. Онъ подражалъ въ этомъ отношеніи католической церкви, въ которой вмѣстѣ съ общественнымъ богослуженіемъ существуетъ и частное или домашнее ¹⁾. Контъ установилъ частный позитивный культъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 9.

¹⁾ Впрочемъ самъ Контъ различаетъ въ своей позитивной религіи три культа: внутренній (*intime*), домашній (*domestique*) и общественный (*public*). Къ внутреннему культу онъ относитъ собственно почитаніе женщинъ. Домашній-же культъ состоитъ изъ совершенія девяти позитивныхъ таинствъ. Эти таинства суть: 1) *La presentation* (представленіе, или введеніе), нѣчто въ родѣ христіанскаго крещенія, установленное Контомъ съ цѣлю поддержать родительскія и отеческія отношенія къ новорожденному, и для сообщенія дитяти двухъ именъ, одного въ честь теоретическаго патрона и другаго—въ честь патрона практическаго; третье-же имя долженъ былъ позже избрать себѣ уже самъ новорожденный въ честь патрона артистическаго. Таинство это, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, должно быть совершаемо позитивнымъ священникомъ. 2) *L'initiation* (первоначальное принятіе), нѣчто въ родѣ перваго католическаго приобщенія. Оно должно было совершаться на 14 году отъ рожденія младенца. 3) *L'admission* (допущеніе) совершалось на 21 году жизни, когда юноша былъ допускаемъ къ такому или иному служенію человечеству. 4) *Destination* (назначеніе) совершалось на 28 году, когда юноша, послѣ различныхъ пригото-

подъ конецъ своей жизни, послѣ того, какъ познакомился съ Клотильдою де Во, женщиною несчастною по своей жизни, но отличавшеюся замѣчательными совершенствами души и тѣла. Клотильда де Во осталась молодою вдовою послѣ мужа осужденнаго на позорную казнь, содержала себя литературою, такъ какъ обладала замѣчательнымъ литературнымъ и поэтическимъ талантомъ. Въ „Позитивной политикѣ“ Контъ помѣстилъ ея стихотвореніе подъ названіемъ: *Les Pensées d'une fleur* (мысли цвѣтка).

Конттовскій культъ женщинъ былъ страннымъ, хотя и логическимъ результатомъ всей его позитивной философіи. Несчастливая Клотильда де Во, вскорѣ скончавшаяся послѣ знакомства съ Конттомъ, произвела сильное впечатлѣніе на своего друга-философа. Контъ обѣщаль ей безсмертіе въ потомствѣ, и въ честь ея установилъ позитивный культъ женщины. „Благодаря ей, говоритъ Гардіа, Контъ воображалъ себя влюбленнымъ, склоннымъ къ любви и нѣжности. Можно подуматъ,

лений и испытаній, былъ опредѣляемъ къ такой или иной профессіи. 5) *Mariage* (бракъ). Юноши могли вступать въ бракъ только на 27 году жизни, а дѣвѣцы на 21. Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, другой долженъ былъ навсегда остаться безбрачнымъ. 6) *Maturité* (зрѣлость), таинство это должно было совершаться на 42 году, когда, по мнѣнію Конта, „завершается развитіе головного мозга“. 7) *Retrait* (успокоеніе) долженствующее происходить на 63 году жизни, когда надобно избрать себѣ преемника для регулированія человѣческихъ дѣлъ и для сохраненія порядка и прогресса. 8) *Transformation* (преобразование), замѣняющее католическое елеосвященіе и совершающееся при концѣ жизни. „Оно должно замѣнить, говоритъ Контъ, тотъ страшный (католическій) обрядъ, при которомъ католичество, неудержимо отдавшись антисоціальному характеру, лишаетъ умирающаго всѣхъ человѣческихъ связей, чтобы его одинокаго перенести къ небесному престолу. Въ нашемъ-же таинствѣ *преобразования*, священникъ, присоединяя сѣтованіе общества къ слезамъ семейства, достойною оцѣниваетъ всю совокупность прекращающейся жизни. Преподавши больному возможную медицинскую помощь (надобно замѣтить, что позитивный священникъ непременно долженъ быть медикомъ), священникъ чаще всего преподаетъ умирающему надежду на *субъективное воплощеніе* (т. е. на жизнь въ потомствѣ), не произнося однако-же окончательнаго сужденія, которое еще не можетъ быть пока зрѣлымъ.“ 9) *Incorporation* (воплощеніе). Слустя семь дѣтъ послѣ смерти покойника, надъ нимъ, по примѣру древнихъ египтянъ, долженъ быть совершенъ торжественный судъ. Если этотъ судъ будетъ благопріятенъ для него, то смертные останки покойника надобно перенести въ священную рошу, и надъ могилою его надобно поставить бюстъ или статую, смотря по степени его достоинства. Если-же по-

что эта несчастная и болѣзненная особа возбудила въ немъ шестое чувство и невѣдомыя ощущенія. Можетъ быть это была иллюзія фантазіи, или самолюбія. Во всякомъ случаѣ трудно не признать искренности его чувства, сначала очень смутнаго, но потомъ быстро развившагося и оставшагося вѣрнымъ и упорнымъ послѣ смерти любимой женщины. Эта подруга сердца была предметомъ постоянной заботливости Конта въ послѣдніе годы ея жизни. Онъ сдѣлалъ изъ нея святую, и для нея онъ создалъ внутренній культъ, которому не измѣнилъ до самой своей смерти. Мысленно онъ жилъ съ нею и ею. Нравственно она была его женою, хотя она съ рѣдкою твердостью (несмотря на настоятельныя просьбы) отказывалась отъ союза, который не могъ считаться законнымъ, потому что развода тогда еще не было во Франціи. Контъ самъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Клотильдѣ де Во: „Я не могу лучше характеризовать ангелоподобной власти ея надо мною (*l'angélique ascendant*), какъ примѣнивши къ ней стихи, относящіеся къ Беатриче и Лаурѣ:

койникъ подпадетъ осужденію, то трупъ его надобно перенести въ пустынное мѣсто, гдѣ обыкновенно будутъ хоронить людей недостойныхъ, преступниковъ, убійцъ и дуэлистовъ.—Что же касается культа въ собственномъ смыслѣ *общественнаго*, то онъ, какъ мы замѣтили уже, долженъ состоять изъ прославленія человѣчества, воспоминанія послѣдовательныхъ ступеней прогресса и освященія различныхъ союзовъ между людьми. Сообразно съ этимъ культъ этотъ долженъ раздѣляться на *абстрактный*, когда будутъ прославлять не какое-либо индивидуальное лицо, а извѣстный фактъ *соціальной жизни людей*, напримѣръ, будутъ прославлять родительскую власть, священство, патриціатъ, рабочую жизнь, пролетаріатъ и пр.; и на культъ *индивидуальный*, когда будутъ прославляемы великіе носители человѣческаго прогресса, напримѣръ, Моисей, Аристотель, Гутенбергъ, Шекспиръ, Ньютонъ и пр. Общественный культъ непрежѣнно долженъ быть совершаемъ въ храмѣ, въ которомъ „Grand Etre“ или человѣчество, при посредствѣ живописи или скульптуры, будетъ символически изображено въ образѣ тридцатилѣтней женщины, держащей на рукахъ своихъ младенца. „Преимущественное религіозное значеніе пола любящаго“ должно быть выражено такою эмблемою, которая давала-бы каждому понять, что „поль дѣятельный“ долженъ находиться подъ святою охраною женщинъ“. Позитивный храмъ будетъ украшенъ изображеніями великихъ людей, ихъ статуями, а также хоругвями съ слѣдующими позитивными надписями: „надобно жить для другихъ,“ „любовь—начало, порядокъ,—основаніе и прогрессъ—цѣль и пр.“. Самый культъ будетъ сопровождаться молитвами, обрядовыми дѣйствіями и разнаго рода процессіями.

Quella che'm paradiza la mia mente
Ogni basso pensier dal cor m'avulse.

(Она напоила душу мою небесными радостями и исторгла изъ моего сердца всякую низкую мысль).

Контъ требовалъ поклоненія женщинѣ и требовалъ его ради того цивилизующаго вліянія, которое поклоненіе это можетъ оказывать на каждаго человѣка въ частности; съ другой стороны, онъ думалъ, что и общественный культъ, осуществленный имъ въ почитаніи „Grand Etre“, не можетъ быть совершеннымъ, если не будетъ дополненъ этимъ частнымъ культомъ, если символически не будетъ выраженъ въ видѣ обожаемой женщины. „Главная обязанность женщинѣ, говорить Контъ, состоитъ въ нравственномъ усовершенствованіи людей, а потому столько-же абсурдно, какъ и несправедливо признавать кого-либо добрымъ гражданиномъ, когда онъ относится непочтительно къ своей матери, женѣ и пр., которымъ обязанъ своимъ усовершенствованіемъ“. Контъ часто говоритъ „о благотворномъ вліяніи женщинѣ“, „объ удивительномъ женскомъ инстинктѣ“ и пр., и рѣзко порицаетъ „грубую природу“ мужчинѣ, по которой они, подъ вліяніемъ „плотскихъ влеченій“, не всегда бываютъ способны относиться съ должнымъ благородствомъ къ женщинамъ и признать ихъ высшую нравственную природу ¹⁾. Ближайшими лицами позитивнаго поклоненія женщинамъ должны быть: мать, жена и дочь, обнимающія собою наше прошедшее, настоящее и будущее и возбуждающія въ насъ три высокія соціальныя чувства: доброту, привязанность и дѣтское почтеніе (Kindness). Вотъ что говоритъ Гардіа о культѣ самого Конта: „Подобно всѣмъ мистикамъ по призванію и характеру, у Конта былъ тайный и спеціальнѣйшій культъ женщины. Его любимыми святыми были три женщины, которыя были дороги ему по разнымъ основаніямъ. Первая, мать Конта Розалія Бюеръ, личность съ большимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, потомъ Софія Блю, усыновленная имъ служанка, которую онъ не иначе назы-

¹⁾ „La France mystique“ par Alexandre Erdan. 1854. T. 11 p. 754.

валъ, какъ „превосходною пролетаріаткой“ (*l'émminente prolétaire*) и наконецъ Клотильда де Во, мистическая супруга его сердца, которая была его Лаурой и Беатриче. Эти три женщины были, по собственному выраженію Конта, его ангелами хранителями и оказывали на него высокое цивилизующее вліяніе (*une angélique influence*). Онъ олицетворяли собою тройственную любовь: сыновнюю, братскую и супружескую. Эти три женщины побудили его жить жизнью чувства, послѣ его долгой мозговой жизни.“ Для возбужденія живости представленій, Контъ заказалъ извѣстному художнику, Антоану Этексу, картину, на которой изображена была группа изъ четырехъ личностей: по срединѣ изображенъ былъ самъ Контъ, а по обѣимъ сторонамъ его размѣщены были „три ангела хранителя“, какъ онъ обыкновенно выражался, изъ коихъ два ангела жили уже жизнью *субъективною*, т. е. въ воспоминаніи Конта: это мать его и Клотильда де Во; а третій ангелъ, Софія Блю, еще существовала въ *объективной*, т. е. въ дѣйствительной жизни.—Что-же касается самихъ женщинъ, то онѣ непременно должны обожать своихъ матерей, но могутъ также обожать своихъ мужей и сыновей ¹⁾).

Въ чемъ-же состоялъ культъ женщинъ самого Конта? „Послѣ смерти Клотильды де Во, говоритъ Гардіа, осталась очень дѣятельная переписка, въ которой замѣчается, съ одной стороны, т. е. со стороны Клотильды де Во, много природнаго изящества и тонкой элегантности, соединенной почти съ дѣтскою довѣрчивостью и стыдливостью; съ другой стороны, т. е. со стороны Конта, полуэротическія и полумистическія изліянія чувствъ, сопровождаемыя совѣтами, замѣчаніями и мыслями достойными такого оригинальнаго и сильнаго ума, какой былъ у Конта. За этой любопытной перспективой слѣдуетъ рядъ воспоминаній, размышленій и молитвъ, въ формѣ растянутой, томной, но всегда опредѣленной и правильной; иногда даже какъ будто-бы чувствуется біеніе сердца, чуткаго къ поэзіи воспоминаній. Цитаты, взятые изъ произведеній испанскихъ поэтовъ, христіанскихъ мистиковъ, но чаще всего изъ

¹⁾ „Erdan“ *ibid.* p. 755.

произведеній двухъ влюбленныхъ итальянскихъ поэтовъ Данте и Петрарки, обнаруживаютъ у Конта душевное благоговѣніе къ избранному имъ божеству. Они исполнены усердныхъ молитвъ, злоупотребляющихъ хваленіемъ, но монотонны какъ католическія литаніи. Каждая годовщина такъ называемой св. Клотильды обязательно вызвала размышленія и изліянія. Поклоненіе было установлено затѣмъ по мѣсяцамъ и недѣлямъ; Контъ еженедѣльно отправлялся на *святую* могилу Клотильды де Во и здѣсь возносилъ ей свои молитвы; а когда поклоненіе сдѣлалось ежедневнымъ, то было раздѣлено на часы и минуты; это было уже не временное поклоненіе, а цѣлое служеніе. Подобная регулярность тайныхъ проявленій души, обнаруживала у Конта натуру столь методическую, что можно было думать, что онъ считалъ біенія своего сердца и могъ заставить его биться по опредѣленному размѣру. Эти размѣренныя движенія сердца, обыкновенно не поддающіяся никакому методическому управленію, напоминаютъ у Конта метрономъ и сфигмографъ. Гардіа говоритъ еще: „Эту строгую регулярность и этотъ нѣкоторый родъ монастырскаго устава, которому Контъ слѣдовалъ всю свою жизнь, онъ точно выполнялъ даже среди обычныхъ своихъ занятій, среди созерцаній и молитвъ. Читая эти странные монологи, не похоже на монологи св. Августина, невольно воспоминаешь „Умственные упражненія“ основателя Общества Іисуса. Эта мелочная обрядность, въ которой точно опредѣлены: положеніе тѣла, продолжительность созерцанія, формула молитвъ, мѣсто для чтенія, заучиваніе наизусть, размышленія выбранныя изъ лучшихъ книгъ; однимъ словомъ, подобный образъ жизни требовалъ употребленія хорошаго хронометра, терпѣнія ангела, призванія отшельника, волю выработанную привычкой, механическую пунктуальность и полнѣйшее отреченіе отъ остальнаго міра. Такая обрядность не легка для выполненія“. Замѣчательно, что Контъ требовалъ подобнаго-же отношенія къ женщинамъ и отъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей. Онъ предписывалъ имъ, чтобы каждый изъ нихъ ежедневно посвящалъ два часа на служеніе женщинамъ, и эти часы раздѣлилъ на три части. Самая продолжительная часть должна

быть утренняя; она должна быть совершаема съ колѣнопри-
 клоненіемъ; самая короткая—полдневная; что-же касается ве-
 черней, то съ нею надобно засыпать и подъ вліяніемъ ея от-
 даваться соннымъ грезамъ. „Если-бы, замѣчаетъ при этомъ
 Гардіа, вѣрные послѣдователи Конта, жившіе въ домѣ № 10
 улицы *Monsieur le Prince*, могли выполнить этотъ монастыр-
 скій уставъ, то имъ не оставалось ни въ чемъ завидовать ка-
 кому-бы то ни было религіозному (католическому) ордену. Со-
 сосредоточенность на этой обрядности, доведенная до мани въ
 послѣдніе годы жизни Конта, доказываетъ, что онъ былъ глу-
 боко убѣжденъ въ своемъ призваніи великаго первосвящен-
 ника человѣчества. И такъ какъ нѣтъ религіи безъ любви, то
 онъ сначала старался увѣрить себя, а потомъ дѣйствительно
 убѣдился, что его сердце, хотя немного сухое и истощенное,
 заключало въ себѣ неисчерпаемый источникъ любви. Если, по
 природѣ своей, онъ и не былъ любящимъ; то по крайней мѣ-
 рѣ, онъ желалъ имъ быть, и настолько сильно, что въ сво-
 ихъ философскихъ мысляхъ ставилъ чувство выше разума“.

Что-же надобно сказать объ этомъ культѣ вообще? Съ
 строго христіанской точки зрѣнія онъ предосудителенъ. Жен-
 щина по красотѣ, по прелести душевной и тѣлесной имѣетъ
 большія преимущества; на этомъ воззрѣніи христіанинъ мо-
 жетъ сойтись съ любымъ позитивистомъ; но отсюда для хри-
 стіанина нѣтъ перехода къ обожанію ея, къ установленію въ
 честь ея религіознаго культа. „Нравится тебѣ лице женщины,
 говоритъ бл. Августинъ, помысли о Томъ, Кто есть самосу-
 щая красота; плѣняетъ тебя женская душа, подумай о со-
 вершенствахъ Того, Кто обладаетъ полнотою всѣхъ совер-
 шенствъ“. Желаніе стать богиней именно и погубило нашу
 прародительницу; а вмѣстѣ съ нею и весь родъ человѣчскій.
 Культъ этотъ предосудителенъ и съ нашей строго національ-
 ной точки зрѣнія. Контъ установилъ его ради того высокаго
 цивилизующаго вліянія, которое женщина оказываетъ на че-
 ловѣческое общество; онъ вводитъ его ради социальнаго про-
 гресса. Но говоря словами одного нашего писателя, „про-
 мышленность, трудъ, политическія права, государственныя дѣ-
 ла—все это вещи прекрасныя; но есть нѣчто, что стоитъ и

должно стоять выше всего этого. Мы, русскіе, всегда это понимали, никогда не ставили красоту и достоинство человѣческой жизни въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ они вполне заключаться не могутъ. Идеаль жизни для насъ всегда стоялъ выше¹⁾. Въ чемъ-же состоитъ этотъ нашъ идеаль? Въ отношеніи къ женщинѣ, онъ состоитъ въ чистотѣ дѣвъ, въ любви женѣ, въ чувствахъ матери; именно этотъ идеаль, какъ утверждаетъ тотъ-же писатель, русскіе готовы охранять часто гораздо ревностнѣе, чѣмъ всякую власть, всякій законъ и всякій социальный прогрессъ. Правда Контъ былъ далекъ отъ установленія такъ называемой *реабилитации плоти*, отъ ученія о свободѣ связей между мужчинами и женщинами. Онъ не смотрѣлъ также на женщину, подобно Прудону, съ чисто социалистической точки зрѣнія, т. е. какъ на рабочую силу или какъ на мало достойную подругу мужчины. Его взглядъ на женщину несомнѣнно идеальный. Даже существованію цѣлю брака онъ поставлялъ не продолженіе человѣческаго рода, а взаимное усовершенствованіе двухъ половъ; а потому допускалъ совмѣстное сожительство мужчинъ и женщинъ внѣ всякихъ супружескихъ отношеній, какъ это было въ обычаяхъ у нѣкоторыхъ древнихъ аскетовъ²⁾. Но его идеализированный эротизмъ, примѣръ котораго онъ представилъ намъ въ своихъ отношеніяхъ къ Клотильдѣ де Во, не есть-ли косвенное посягательство на разрушеніе того идеала женщины, при сохраненіи котораго только и возможна истинная человѣческая цивилизація? Серьезный мыслитель равно долженъ избѣгать какъ грубыхъ социалистическихъ воззрѣній, такъ и идеализированнаго эротизма въ отношеніи къ женщинамъ. Справедливо поэтому говоритъ Гардіа: „хотя мистическая любовь Конта, обнаруживавшаяся въ столь разнообразныхъ видахъ, представляетъ много любопытнаго; но не смотря на все это, она неестественна и монотонна. Какъ-бы эротизмъ ни старался очистить себя, но онъ все-таки имѣетъ не чистый источникъ“. А мутный источникъ непременно долженъ оставить въ

1) „Борьба съ Западомъ“ Н. Н. Страховъ. С.-П.-Б. 1882, стр. 194.

2) Erdan, *ibid.* p. 759.

своемъ теченіи много грязныхъ осадковъ... Мистическая любовь къ женщинамъ, какъ это видно изъ примѣра нѣкоторыхъ германскихъ, англійскихъ и американскихъ мистическихъ сектъ, можетъ принять даже антисоціальный характеръ...

Но есть одно замѣчаніе у Гардіа, которое для насъ имѣетъ особенный интересъ въ этомъ отношеніи. „Весьма возможно, говоритъ онъ, что математическій умъ Конта, развитый глубокими изслѣдованіями, и его вкусъ къ абстракціи изощренный долгимъ упражненіемъ, уничтожили въ немъ зародыши жизни чувства; и что этотъ живописецъ сѣрыхъ красокъ никогда не находилъ ни одной яркой черты и ни одного изъ тѣхъ жгучихъ словъ, которыми выражаются дѣйствительныя чувства. Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ же, поклоненіе Конта женщинамъ, въ основаніи чисто механическое, очень напоминаетъ „Умственныя Упражненія“ (*Exercices spirituelles*) того жестокаго человѣка, который не любилъ никого, и который всю жизнь преслѣдовалъ очень позитивный идеаль, приведенный имъ въ страшную и могущественную дѣйствительность“. Этотъ жестокій человѣкъ есть Игнатій Лойола, эти умственныя созерцанія суть іезуитскія созерцанія Мадонны, а положительный идеаль, такъ сильно одушевлявшій іезуитовъ—абсолютизмъ римской церкви. Нечестиво приравнивать „Честнѣйшую Херувимъ и Серафимъ“ къ обыкновеннымъ женщинамъ; но, конечно, еще болѣе нечестиво воздавать ей почти божеское поклоненіе. А между тѣмъ это преувеличенное и ложное воззрѣніе на женскія совершенства, соединенныя съ личностію Мадонны, обычны въ католическомъ мірѣ. Сами католическіе писатели говорятъ, что „Пресвятая Дѣва тремя отношеніями: Дочери, Матери и Супруги Бога возвышена до нѣкотораго равенства съ Отцемъ,—до извѣстнаго превосходства надъ Сыномъ,—до извѣстной близости къ Духу Святому“ ¹⁾. Контъ унаслѣдовалъ эти-же преувеличенныя воззрѣнія на женскія совершенства, соединенныя съ личностію Мадонны, отъ отцевъ іезуитовъ, но разумѣется, безъ ихъ теологической подкладки. Впрочемъ одни-ли іезуиты виновны въ этихъ пре-

¹⁾ L'Immaculée Conc. par Malou, ev. de Bruges. 1857, т. II, стр. 178.

увеличеніяхъ? И одна-ли Мадонна была предметомъ преувеличенныхъ похвалъ? Конечно, нѣтъ! Для убѣжденія въ этомъ достаточно вспомнить весь многовѣковый періодъ рыцарства, когда рыцари клялись Богомъ и „дамою сердца“ и когда поклоненіе „дамѣ сердца“ было обязательно для cadaго благороднаго челоуѣка. Самъ Контъ признаетъ сильное вліяніе католичества на „великое учрежденіе рыцарства“, какъ выражается онъ. „Благотворное вліяніе католицизма, по словамъ его,—явное и тайное, ясно видно въ этихъ благородныхъ ассоціаціяхъ: простое средство военнаго воспитанія католицизмъ стремится превратить въ могучее орудіе *соціального прогресса*“. Не въ этомъ-ли даже состояла католическая *disciplina arcana*, (тайная церковная дисциплина), о которой говорятъ намъ древніе латинскіе писатели и о которой перестаютъ говорить съ развитіемъ рыцарства?... Какъ-бы то ни было, Контъ не былъ новаторомъ въ католическомъ мірѣ, когда устанавливалъ свой культъ женщины. Онъ шелъ по пути, уже давно проложенному западными богословами. Поэтому и Гардіа замѣчаетъ, что послѣ тщательнаго изученія душевнаго состоянія Конта, приходишь къ тому вѣрному заключенію, что несмотря на усилія воли, управлявшей даже проявленіями чувства его любви, онъ не могъ достигнуть равновѣсія душевныхъ силъ. Этотъ челоуѣкъ съ могучимъ мозгомъ жилъ гораздо больше головой, нежели сердцемъ. Напрасно онъ напрягалъ силы своей любви, ему недоставало искренности, и его привязанность, не бывъ притворной, не имѣла естественности и не шла отъ чистаго сердца. Такъ смотритъ латинскій писатель Гардіа на Контосвій культъ женщины. Онъ упрекаетъ основателя позитивизма не въ нелѣпости самаго культа, а лишь въ недостаткѣ естественности и искренности. Подобнаго-же взгляда на этотъ культъ, или вообще на отношеніе къ женщинамъ держится и Милль, хотя и не доводитъ своихъ возрѣній на этотъ предметъ до крайностей Контизма. Отсюда мы должны заключить, что только православіе, только истинное христіанство можетъ предохранить насъ отъ подобныхъ философскихъ иллюзій и абсурдовъ. Поклоняясь Высочайшему Духу, Котораго Контъ не зналъ, поклоняясь въ духѣ и истинѣ,—православный хри-

стіанинъ не можетъ впадать ни въ пантеистическую антрополатрію (поклоненіе людямъ), ни въ позитивную гениколатрію (поклоненіе женщинамъ).

V.

Можно согласиться съ Миллемъ, что Контъ имѣлъ право, съ своей позитивной точки зрѣнія, развивать философію въ религію; но рѣшительно ложно то, будто онъ выполнилъ существенныя условія религіи, судя по тѣмъ нравственнымъ воззрѣніямъ и практическимъ результатамъ, къ которымъ онъ пришелъ въ своей соціологіи. Контъ не былъ доволенъ католическою нравственностію ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи. Онъ требовалъ преобразованія этой нравственности; онъ хотѣлъ научно обосновать, развить и усовершенствовать ее. Какимъ-же образомъ? Посредствомъ сліянія психологіи съ біологіею, біологіи съ фізіологіею и кривіологіею, и затѣмъ посредствомъ атрофированія эгоистическихъ чувствъ въ пользу симпатическихъ. Онъ признавалъ отдѣльное бытіе души иллюзіею, смотрѣлъ на психологію какъ на отдѣлъ изъ біологіи, фізіологіи и кривіологіи, и думалъ, что человѣческія существа, съ ихъ природой, склонностями и расположеніями, не суть абстрактныя или всеобщія субстанціи или сущности, а органическія и историческія существа, становящіяся такими или иными подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды, и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ человѣческаго общества. Онъ былъ убѣжденъ, что съ развитіемъ человѣческаго сознанія все яснѣе и яснѣе становится то, что нравственная и вообще соціальная жизнь людей есть выраженіе не какихъ то всеобщихъ и неизмѣнныхъ способностей ихъ природы, а есть необходимый результатъ вліянія предшествовавшихъ поколѣній на послѣдующія. Итакъ надобно видоизмѣнить вліяніе среды, и вмѣстѣ съ этимъ само собою совершится видоизмѣненіе нравственной природы человѣка; другими словами, надобно вліять на видоизмѣненіе среды, и нравственная природа человечества само собою переродится, возсоздается и усовершится. Какимъ-же чудомъ совершится это нравственное возрожденіе и всего человечества, и каждого че-

ловѣка въ частности? Посредствомъ развитія альтруизма. Контъ отвергалъ, какъ метафизическое измышленіе, отдѣльное бытіе человѣческой души; но онъ столько-же отвергалъ и всѣ эти матеріалистическія или натуралистическія „нервные жидкости“, „нервные теченія“ и „нервные вибраціи“, которыми натуралисты и матеріалисты хотѣли-бы объяснить явленія психической жизни. Подобно Галлю онъ искалъ начала аффективной жизни (*vie affective*) въ фізіологическихъ свойствахъ головного мозга, и притомъ такъ, что каждая часть этого мозга соответствуетъ главнымъ функціямъ психической жизни. Въ затылкѣ, напримѣръ, помѣщены части мозга, связанныя съ личными или эгоистическими стремленіями человѣка; напротивъ того, въ передней части головы помѣщены высшія и благороднѣйшія стремленія наши—соціалистическія или альтруистическія. Основываясь затѣмъ на томъ несомнѣнномъ біологическомъ законѣ, что упражненіе развиваетъ наши органы, а бездѣйствіе атрофируетъ ихъ, Контъ требовалъ непрерывнаго укрѣпленія альтруистическихъ органовъ мозга и подавленія или ограниченія органовъ эгоистическихъ. Такимъ образомъ альтруизмъ, жизнь для другихъ, жизнь для человѣческаго общества (*socium*) есть высшая благороднѣйшая и человѣчнѣйшая жизнь; всякія-же личные или эгоистическія стремленія должны быть ограничиваемы или, по крайней мѣрѣ, признаваемы низшими и потому задерживаемы въ своемъ развитіи. Только такимъ образомъ совершается опредѣленный или позитивный нравственный прогрессъ. Конечно эгоизмъ, основывающійся на чувствѣ самосохраненія, тоже былъ необходимъ для развитія индивидуума. Онъ полезенъ и при нынѣшнемъ состояніи человѣческихъ обществъ. Онъ возбуждаетъ альтруизмъ, какъ это ясно открывается изъ многихъ промышленныхъ предпріятій, требующихъ кооперативнаго труда. Тѣмъ не менѣе раньше или позже эгоизмъ долженъ разрѣшиться въ альтруизмѣ.

Контъ не довольствуется католическимъ или вообще христіанскимъ ученіемъ о томъ, что ближняго надобно любить, какъ самого себя; ему кажется, что подобная любовь все еще отзывается личнымъ или эгоистическимъ расчетомъ; ему ка-

жется, что надобно вовсе не любить себя, надобно жертвовать всѣмъ для ближнихъ и даже не сопротивляться ихъ злу, какъ объ этомъ учитъ графъ Л. Н. Толстой. Вообще Конттовскій „альтруизмъ“, на нашъ взглядъ, тождественъ съ учениемъ нашего графа о „непротивленіи злу“, какъ теоретическое учение графа-же о „Сынѣ Человѣческомъ“ тождественно съ учениемъ о „Grand Etre“ позитивиста Конта; надобно только переимѣнить названія. Надобно на мѣсто Grand Etre поставить Сына Человѣческаго, а на мѣсто „непротивленія злу“ — готовность жертвовать всѣми личными правами. Въ своемъ позитивномъ „Катихизисѣ“ Контъ требуетъ даже полного отреченія отъ всѣхъ индивидуальныхъ правъ для достиженія высшаго идеала альтруизма. „У насъ нѣтъ другаго права, говоритъ онъ, кромѣ права всегдашняго исполненія своихъ обязанностей. Понятіе права должно исчезнуть въ области политической, какъ понятіе причины въ области философской. Соціальная точка зрѣнія позитивизма не можетъ терпѣть никакого понятія права, всегда основывающагося на индивидуальности“ ¹⁾. Отсюда открывается, что и нашъ графъ подъ покровомъ евангельскихъ повѣствованій предлагаетъ намъ альтруистическое содержаніе; онъ освобождаетъ евангеліе отъ сверхъестественнаго характера и проповѣдуетъ намъ полный альтруизмъ. Въ сущности-же этотъ альтруизмъ есть позитивное выраженіе слѣдующей формулы Θомы Кемпійскаго, обращенной у него къ Богу, а у позитивистовъ къ Человѣчеству: *Amen te plus quam me, nec me nisi propter te* (люблю тебя болѣе, чѣмъ себя, да и себя люблю только ради тебя). Само собою разумѣется, что подобный „альтруизмъ“, по взгляду Конта, недостижимъ для насъ при нынѣшнихъ условіяхъ жизни; мы должны лишь стремиться къ возможному для насъ реализованію его, въ надеждѣ, что раньше или позже онъ будетъ осуществленъ нашими будущими, отдаленными потомками.

Какъ надобно смотрѣть на Конттовскій „альтруизмъ“ въ отношеніи къ католической нравственности? Не былъ-ли этотъ „альтруизмъ“ измѣною католической морали? Милль именно

¹⁾ Erdan, *ibid.* p. 768.

утверждаетъ это и говорить: „Контъ, вѣроятно, безсознательно (такъ какъ сознательно онъ ни за что-бы не могъ сдѣлать подобную вещь), вырвалъ въ настоящемъ случаѣ листъ изъ книги презрѣннаго протестантизма“. Милль старается объяснить эту измѣну католицизму, или этотъ вырванный изъ протестантской моральной системы и внесенный въ позитивизмъ листъ, вліяніемъ кальвинистическихъ идей, не допускавшихъ дѣленія нравственной жизни на высшую и низшую и требовавшихъ отъ всѣхъ людей равной святости. Намъ-же кажется, что нѣтъ надобности прибѣгать къ подобнымъ объясненіямъ, трудно допустимымъ въ отношеніи къ Контю, въ силу не только позитивной, но и чисто католической ненависти его къ протестантизму; дѣло можетъ быть объяснено гораздо проще. Протестанты укоряютъ католиковъ въ признаніи двухъ идеаловъ нравственности, низшей—общедоступной, и высшей—обязательной лишь для избранныхъ; осуществленіе перваго идеала условливаетъ собою *спасеніе*, а осуществленіе второго ведетъ къ *святости*. Но эти протестантскіе упреки несправедливы въ отношеніи къ католикамъ. Католики связываютъ осуществленіе идеала святости не съ кальвинистическимъ нравственнымъ аристократизмомъ, или какимъ-либо божественнымъ предопредѣленіемъ, а съ добровольною рѣшимостію каждаго стремиться или къ идеалу спасенія, или къ идеалу святости. Но не то же ли самое мы видимъ и въ Контской системѣ нравственности?

Контъ предлагаетъ обществу свой идеаль нравственности, старается научно обосновать и доказать его; но самъ-же онъ видитъ невозможность осуществленія этого идеала всѣми людьми даже и въ позитивномъ обществѣ. Училь-же, на примѣръ, Контъ, что по истеченіи семи лѣтъ послѣ смерти каждаго гражданина—позитивиста должно совершаться надъ его могилою послѣднее позитивное таинство; именно позитивные священники должны произнести публичный судъ о памяти умершаго. Если этотъ судъ окажется благопріятнымъ для покойника, то его торжественно надобно сопричислить къ *Grand Etre*, и самое тѣло его надобно перенести изъ гражданскаго кладбища на религіозное, „въ ту священную рошу, которая должна окружать каждый храмъ челоуѣчества“. Если-же нѣтъ,

если покойникъ не достигъ позитивной святости, то его надобно оставлять на общемъ или гражданскомъ кладбищѣ. А это показываетъ, что самъ Контъ допускалъ различныя степени при осуществленіи позитивнаго нравственнаго идеала, хотя и требовалъ отъ всѣхъ единой позитивной святости. Съ другой стороны, мысль о пожертвованіи личными интересами ради общества, о безкорыстной любви простирающейся до полного самоотрицанія и вѣтистическаго отверженія всѣхъ личныхъ, хотя-бы то и общедобрыхъ расположеній, есть мысль Фенелонская, или точнѣе—французскихъ вѣтистовъ. Контъ только развилъ или примѣнилъ ее въ отношеніи къ своему позитивному „Высочайшему Существу“.

Иной вопросъ, дѣйствительно-ли Контъ идеаль нравственности выше католическаго? Мы этого не думаемъ. Контъ отвергъ христіанскую любовь къ самому себѣ какъ эгоистическую; потому что всякая любовь къ самому себѣ соединена съ „calculs personnels“ (съ личными расчетами). Съ другой стороны, Контъ отвергъ и любовь къ теологическому или метафизическому Высочайшему Существу, какъ совершенно неизвѣстному. Онъ ограничиваетъ свои нравственныя требованія одною любовію къ ближнимъ, одною любовію къ челоуѣчеству; и въ этомъ отношеніи идетъ такъ далеко, что требуетъ пожертвованія для общества всякимъ личнымъ интересомъ, личнымъ благомъ и личнымъ счастьемъ. Соответственно съ этимъ онъ видоизмѣняетъ и обычныя понятія о природѣ. Природа, за исключеніемъ Grand Etre, вотъ единственная помощница наша въ дѣлѣ достиженія всякаго прогресса; вотъ единственный фетишъ, достойный нашей благодарности, разумаго отношенія и даже ухаживанія. Контъ самъ заключаетъ, что языческій фетишизмъ представляетъ гораздо больше сходства съ позитивизмомъ, чѣмъ всякая другая форма теологіи. Конечно, въ настоящее время нельзя еще доказать, чтобы природа и всѣ ея тѣла одарены были чувствомъ, произвольною дѣятельностію или разумомъ; но быть можетъ это будетъ доказано въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ очень важно, чтобы мы воспитывались въ убѣжденіи, что вся природа одарена живнію и не лишена своего рода сознательной дѣятельности. Таковы

основныя положенія альтруизма. Но когда для осуществленія соціальнаго идеала нравственности лишаютъ себя единственно вѣрнаго критерія этой нравственности, предлагаемаго намъ истинною любовію къ самому себѣ, а эту послѣднюю не утверждаютъ на любви къ Богу; тогда единый, цѣльный и живой организмъ любви разсѣкаютъ на мертвыя части и въ безжизненной или оторванной отъ общей жизни части создаютъ не идеальное цѣлое, а нѣчто уродливое и абсурдное; тогда самую жертву собою, своими интересами и своимъ счастьемъ ради общества лишаютъ нравственнаго, т. е. свободно разумнаго характера, ниводятъ на степень инстинктовъ, присущихъ и нѣкоторымъ животнымъ и легко превращаютъ въ угодливость чужимъ страстямъ и увлеченіямъ, особенно если эти страсти и увлеченія принимаютъ въ нѣкоторомъ родѣ повальный характеръ; тогда героизмъ самоотверженія дѣлаютъ героизмомъ порока и преступленія. И какъ часто въ наше позитивное время, по замѣчанію, напримѣръ, Мартензена, люди, увлекаясь героизмомъ порока, приводятся къ самымъ тяжелымъ преступленіямъ, къ ложному геніальничанью въ нравственной жизни, къ антиномизму, признанію своихъ прямыхъ обязанностей ничтожными, мелочными, филистерскими, какъ выражаются они, — вмѣсто того, чтобы оставаться вѣрными своему прямому долгу и своему призванію!... Съ другой стороны, только любящій Бога можетъ истинно любить природу, созерцая въ ней отраженіе славы Божіей, Его вѣчной красоты и безпредѣльной премудрости, устроившей все мѣрою, числомъ и вѣсомъ; только онъ одинъ можетъ истинно любить и людей, созерцая въ нихъ наивысшій земной образъ этой славы, красоты и премудрости. Но въ природѣ и людяхъ человекъ любить не какіе-то самостоятельныя и равночтимыя съ Богомъ предметы любви, а любить въ нихъ лишь божественныя дары и отраженіе свойствъ и совершенствъ Единаго и Вѣчнаго предмета своей любви. Въ природѣ онъ видитъ богосозданную и подчиненную человекѣ силу, а потому призывается съ любовію культивировать ее; онъ видитъ въ ней отраженіе совершенствъ Божіихъ; потому что *небеса повѣдаютъ славу Божію, творенія-же руку Его возвѣщаютъ твердь*; въ людяхъ онъ тоже видитъ отраженіе

этихъ-же совершенствъ; потому что всѣ люди созданы по образу и подобію Божію, и нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ высшихъ степеней богоуподобленія. И вотъ именно потому что онъ любитъ Бога, единственнаго раздаятеля благъ и полноту высочайшихъ совершенствъ, онъ не можетъ не любить и отраженіе этихъ-же совершенствъ въ Бога, въ природѣ и людяхъ. Само собою разумѣется, что эта *единая любовь*, какъ живое и органическое чувство, у вѣрующаго христіанина неодинаково и неравномѣрно распредѣляется въ отношеніи къ Богу, людямъ и природѣ, что зависитъ уже отъ созерцанія въ нихъ неодинаковой степени и силы высочайшихъ совершенствъ.

VI.

Наше изложеніе религіозно-философскихъ воззрѣній Конта было-бы неполно, если-бы мы не коснулись его-же социологическаго ученія объ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Впрочемъ мы коснемся этого предмета лишь настолько, насколько онъ находится въ связи съ католическими идеалами или мечтаніями. Контъ хочетъ открыть основные законы, подъ вліяніемъ которыхъ должна развиваться социально-политическая жизнь человѣческихъ обществъ. Онъ даже усиливается указать нормальныя формы этой жизни, хотя и не усвоаетъ имъ какого-то абсолютнаго значенія; онъ лишь пытается подыскать для нихъ болѣе или менѣе научныя основанія. Контъ былъ убѣжденъ, что нормальная жизнь человѣческихъ обществъ возможна при двухъ условіяхъ: статикѣ и динамикѣ, т. е. порядкѣ и прогрессѣ, строгомъ единствѣ и послѣдовательной систематизаціи. Человѣческое общество, полагаетъ онъ, достигнетъ возможнаго совершенства лишь тогда, когда установитъ такія іерархическія формы, внутри которыхъ будетъ совершаться непрерывный внутренній прогрессъ, т. е. когда статическое и динамическое состояніе общества не будутъ мѣшать другъ другу. Статическое состояніе католичества превосходно; оно вѣрно опредѣлило намъ законы сосуществованія; но не такова его динамика, занимающаяся законами послѣдовательности, т. е. законами послѣдовательнаго прогресса. Контъ опре-

дѣлилъ уже какъ статику, такъ и динамику позитивной религіи; теперь онъ хочетъ тоже самое сдѣлать и для социальнаго устройства человѣческихъ обществъ. Другими словами, онъ пытается слить идеализированныя іерархическія формы католичества съ позитивнымъ устройствомъ человѣческихъ обществъ; онъ стремится въ идеально-мыслимыя католическія формы влить позитивное содержаніе социологіи. Только такимъ образомъ, полагаетъ онъ, статическое и динамическое состояніе общества прійдетъ въ нормальное равновѣсіе. Вотъ основная или руководящая мысль всей Контовой социологіи. Какой-же социальный идеалъ Контъ предлагаетъ намъ? Гардіа характеризуетъ этотъ идеалъ слѣдующими немногими, но вѣрными словами: „Въ своей социологіи, говоритъ онъ, Контъ воздвигъ трехъ-этажное зданіе: внизу пролетаріи, въ срединѣ промышленники, а на верху ученые, исполняющіе обязанности священниковъ“. Пояснимъ эту общую мысль нѣкоторыми частнѣйшими положеніями.

Легко понять, какъ долженъ былъ смотрѣть Контъ съ указанной нами общей точки зрѣнія какъ на европейскихъ консерваторовъ, примыкавшихъ къ теократическому строю католической церкви, такъ и на европейскихъ прогрессистовъ, увлекавшихся метафизическою перестройкою человѣческихъ обществъ. Контъ отвергъ католическій теократизмъ, потому что позитивная мысль не знаетъ Бога и призываетъ всякое вмѣшательство сверхъестественнаго начала въ естественный порядокъ человѣческихъ дѣлъ или вымысломъ, или заблужденіемъ. Но это не значить, чтобы Контъ отвергъ самыя формы, въ которыхъ выразился или выражается европейскій теократизмъ. Никто, по справедливому замѣчанію Льюиса, не настаивалъ сильнѣе Конта на необходимости религіознаго основанія во всякой общественной организаціи. Дѣло только въ томъ, что это религіозное основаніе должно быть не теологическаго, а позитивнаго характера. Съ другой стороны, никто сильнѣе Конта не былъ убѣжденъ въ несостоятельности метафизическихъ основъ общественной организаціи, какъ они были выражены въ революціонной философіи прошедшаго столѣтія и какъ они же выражаются въ социалистическихъ мечтаніяхъ новыхъ вре-

мень. Онъ былъ убѣжденъ, что ни свобода, ни равенство, ни братство, о которыхъ говорили и говорятъ намъ метафизическіе мыслители, не могутъ служить позитивными основами человѣческихъ обществъ. Свобода во всѣхъ своихъ формахъ, какъ свобода изслѣдованія, печати, совѣсти, воспитанія, жизни и пр., ставши абсолютнымъ правомъ для всѣхъ, разрушаетъ органическій общественный строй и въ концѣ-концовъ ведетъ къ анархіи. Равенство, второй политическій догматъ метафизическаго періода человѣчества, разлагаетъ общественную классификацію и есть чистѣйшая иллюзія, столько-же недостижимая въ соціальной жизни, какъ и во всякой другой, въ умственной, нравственной, матеріальной и т. п. Наконецъ братство народовъ, въ смыслѣ солидарности интересовъ, имущественнаго владѣнія и державности народа, для своего правильного выраженія, нуждается въ строгомъ подчиненіи всѣхъ людей позитивному единству и позитивной систематизаціи. Надобно стремиться прежде всего къ уничтоженію эгоистическихъ инстинктовъ или, по крайней мѣрѣ, къ іерархическому распредѣленію ихъ въ позитивномъ единствѣ и систематизаціи; только тогда можно уже будетъ говорить о всеобщемъ братствѣ народовъ. Что-же касается соціалистическихъ теорій о равномерномъ распредѣленіи богатствъ, то это такого рода утопія, которая нисколько не оправдывается политической экономіею, наукою впрочемъ чисто эгоистическою, противорѣчитъ историческимъ законамъ соціальной жизни и ведетъ къ разрушенію самой разумной общественной организаціи; всегда будутъ богатые и бѣдные, хозяева и слуги, предприниматели и рабочіе; а потому надобно стремиться не къ равномерному распредѣленію богатствъ, а къ достаточному обезпеченію неимущихъ. Контъ даже мечтаетъ объ образованіи рыцарскаго ордена, составленнаго изъ людей богатыхъ, великодушныхъ и полныхъ самоотверженія, которые, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, посвящали-бы себя заступничеству за слабыхъ и угнетенныхъ и помогали-бы бѣднымъ и несчастнымъ. Наконецъ въ революціонномъ ученіи о верховенствѣ народа Контъ видѣлъ величайшее препятствіе для осуществленія всякаго правильного порядка вещей; онъ видѣлъ въ этомъ подчиненіе высшихъ

произволу низшихъ „по какому то непонятному перенесенію божественныхъ правъ съ королей на народы“. Справедливо, что авторитетъ, власти основывается на всеобщемъ согласіи. Но это только половина дѣла. Въ то же время авторитетъ этотъ долженъ подтверждаться интеллектуальными и этическими совершенствами правителей, — совершенствами мало или не вполне доступными для остальной толпы народа, — а потому долженъ являться регуляторомъ, а не выразителемъ недоразвитой воли народа. Съ этой-же точки зрѣнія Контъ строго осуждаетъ и современный ему конституціонный строй европейскихъ государствъ. Вообще, по взгляду Конта, идеи равенства, братства и свободы суть тѣ термины, которые подтачиваютъ или уже подточили зданія европейскихъ государствъ; но сами по себѣ они создать ничего прочнаго не могутъ. Ихъ значеніе среди европейскихъ народовъ запечатлѣно характеромъ временнымъ, отрицательнымъ, революціоннымъ. Только въ позитивномъ единствѣ и въ позитивной систематизаціи надобно находить прочныя, краеугольныя камни новаго европейскаго строя жизни. Очевидно, Контъ относится безусловно отрицательно ко всему, такъ называемому, прогрессивному движенію западной Европы въ социальномъ отношеніи. Но отъ этихъ отрицательныхъ социологическихъ воззрѣній переходимъ къ положительному ученію Конта.

Когда говорятъ о единствѣ и систематизаціи общественной жизни, тогда, очевидно, допускаютъ гипотезу тождественнаго развитія всѣхъ народовъ, послѣдовательно подпадающихъ однимъ и тѣмъ-же общественнымъ измѣненіямъ, какъ это случилось съ тѣмъ или другимъ народомъ въ частности. Контъ не побоялся допустить эту гипотезу, и онъ смѣло чертитъ предъ нами однообразную картину позитивной жизни всѣхъ племенъ и народовъ, разумѣется, съ субъективной точки зрѣнія, не принимая во вниманіе племенныхъ и историческихъ особенностей каждаго народа. У Конта все подогнано подъ католическую идею единства и систематизаціи. Выразителемъ общечеловѣческаго единства долженъ служить позитивный первосвященникъ съ остальнымъ своимъ духовенствомъ, исключительно ему подчиненнымъ. Это, какъ мы видѣли уже, одна и

та-же идея папской всемірной власти, которая одушевляла средневѣковое европейское общество и которая у Конта является въ позитивной драпировкѣ. Самъ папа Гильдебрантъ не могъ-бы развить и украсить ее лучше. Ради этой идеи Контъ жертвуетъ всемірною властью императорскою, о которой мечталъ уже Карлъ Великій и которую постоянно стараются осуществить на Западѣ. Для предупрежденія злоупотребленій свѣтскою властію, Контъ требуетъ, чтобы территорія каждаго государства была отнюдь не болѣе нынѣшней Бельгіи или Португаліи. Самая Франція должна быть раздѣлена на семнадцать республикъ по числу важнѣйшихъ городовъ, не говоря уже объ отдѣленіи отъ нея Корсики и Алжиріи. Притомъ же, и это особенно важно, всѣ небольшія государства должны управляться не князьями, герцогами или королями, а тріумвирами-банкирами, такъ чтобы одинъ изъ нихъ завѣдывалъ дѣлами иностранными, другой—внутренними, а третій—финансами. Власть ихъ должна быть не наследственная, а преемственная; они сами должны назначать себѣ преемниковъ, совершенно также какъ дѣлаютъ это католическіе епископы; папа только утверждаетъ или не утверждаетъ избранныхъ ими преемниковъ. Вообще духовная власть должна находиться въ рукахъ мыслителей, философовъ, а свѣтская—въ рукахъ капиталистовъ и промышленныхъ классовъ. Объемъ власти лицъ послѣдняго класса, ихъ правительственный авторитетъ и степень достоинства должны стоять въ строгомъ соотвѣтствіи съ обширностію ихъ операций и со степенью умственного и нравственного развитія. Самый высшій слой свѣтскаго общества будетъ состоять изъ аристократовъ-капиталистовъ наиболѣе совершенныхъ; за ними будутъ слѣдовать банкиры, купцы, фабриканты и наконецъ агрономы-земледѣльцы. Что-же касается массы рабочаго народа, то вся поземельная собственность его будетъ состоять изъ жилищъ, почему-то однообразно устроенныхъ для всѣхъ рабочихъ семействъ; а все движимое имущество—изъ двойной платы за трудъ: *помѣсячной*, въ определенномъ количествѣ, и *понедельной*, пропорціонально съ произведеніемъ труда того или другого работника.

Контъ позаботился также опредѣлить границы духовной и

свѣтской власти для предупрежденія между ними антагонизма. Позитивное духовенство будетъ отличаться отъ римско-католическаго слѣдующими особенностями: бракъ для членовъ его будетъ обязательнымъ; оно будетъ чуждаться всякой мірской власти, но сохранить полное нравственное вліяніе въ народѣ; оно навсегда откажется отъ пріобрѣтенія какихъ-бы то ни было богатствъ. Такъ верховный первосвященникъ, который постоянно долженъ жить въ Парижѣ, къ какой-бы націи онъ ни принадлежалъ, ежегодно будетъ получать на свои надобности только по 60,000 франковъ, не включая впрочемъ въ эту сумму огромныхъ расходовъ собственно по должности первосвященника. Каждый-же изъ четырехъ ближайшихъ его помощниковъ по числу четырехъ позитивныхъ націй: итальянской, испанской, германской и британской, будетъ получать по 30,000 франковъ; позитивный священникъ—по 12,000; его викарій—по 6,000; а кандидатъ во священство—по 3,000 франковъ. Впрочемъ и это жалованье позитивное духовенство должно получать только тогда, когда позитивизмъ сдѣлается общераспространенною религіею, а до этого времени оно должно довольствоваться одними добровольными пожертвованіями прихожанъ ¹⁾. Вообще, позитивное духовенство должно обладать властію законодательною и судебною; между тѣмъ какъ свѣтское правительство должно довольствоваться властію исполнительною и, такъ сказать, административно-полицейскою. Въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія общества, будетъ-ли это воспитаніе касаться подростающихъ поколѣній или уже взрослыхъ, отдѣльныхъ лицъ, или цѣлыхъ сословій, голосъ духовенства есть рѣшительный, и только совѣщательный въ отношеніи къ правительственному дѣйствию, частному или общественному. Духовенство напередъ устанавливаетъ правила этого воспитанія и слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ ихъ свѣтскими властями. Напротивъ того, свѣтская власть обладаетъ рѣшительнымъ или окончательнымъ голосомъ при такомъ или иномъ примѣненіи этихъ правилъ въ жизни, и только совѣщательнымъ при установленіи или пересмотрѣ ихъ. Правда,

¹⁾ Erdan, *ibid.* p. 765 и дажѣ.

свѣтская власть тоже независима въ сферѣ своихъ полномочій и иногда можетъ отступать отъ правилъ и совѣтовъ духовенства; но въ такомъ случаѣ она несетъ на себѣ всю отвѣтственность, подпадаетъ суду общественнаго мнѣнія, свободно выражаемаго и устно и печатно, а въ крайнихъ случаяхъ подвергается духовному отлученію. Контъ впрочемъ надѣется, что подобныя ненормальныя отношенія двухъ властей, бывшія почти обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка, станутъ почти невозможными при позитивномъ воспитаніи человечества. Наконецъ надобно замѣтить, что Контъ, съуживая или ограничивая существенныя функціи свѣтской власти, въ тоже время до крайности расширяетъ объемъ и предѣлы этой власти. Онъ не признаетъ существующаго дѣленія обязанностей на общественныя и частныя; онъ былъ убѣжденъ, что каждая частная дѣятельность можетъ быть столько-же, или даже болѣе важною въ общей экономіи жизни, какъ и любая признаваемая нынѣ общественною; а потому должна находиться подъ контролемъ и воздѣйствіемъ не только духовной, но и свѣтской власти.

Таковы характеристическія черты позитивнаго единства и позитивной систематизаціи, которыя должны прекратить современный беспорядочный и анархическій строй европейскихъ обществъ. Намъ кажется, что даже изъ нашего бѣглаго очерка всего этого легко опредѣлить существенную природу Конттова ученія объ обществѣ и отношеніе этого ученія къ католичествому. Контъ по духу своего ученія былъ западникомъ чистѣйшей крови. Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ, только съ позитивнымъ направленіемъ, той церкви, которая, говоря словами одного нашего писателя, увлеченная горделивой идеей всемірнаго матеріальнаго господства, расширила свои требованія къ народамъ до совершеннаго отрицанія національности, начиная съ языка и кончая политическимъ устройствомъ,—и до уничтоженія всѣхъ національныхъ особенностей во всемірномъ единствѣ и всемірной систематизаціи. Эта церковь не довольствуется уравниемъ всѣхъ народовъ предъ высшимъ нравственнымъ закономъ, но стремится еще сдѣлать изъ нихъ тождество въ матеріальномъ смыслѣ, старается стереть ихъ этнографическія и культурныя различія и заявляетъ притязаніе

распредѣлить всѣхъ въ абсолютномъ единствѣ и абсолютной системѣ ¹⁾: Контъ идетъ по стопамъ своей церкви; онъ до мозга костей проникнутъ католическими идеями единства и систематизаціи. Съ этой точки зрѣнія уже легко опредѣлить подлинное значеніе всей Контской социологіи.

Конта упрекають въ социализмъ и въ доказательство этого указываютъ на его юношескую связь съ сенъ-симонистами. Но эти упреки несправедливы въ отношеніи къ нему. Если социализмъ состоитъ въ *соразмѣрномъ вознагражденіи* таланта и труда, — вознагражденіи основанномъ столько-же на юридическомъ, какъ и нравственномъ правилѣ *summi sine*; тогда, конечно, Контъ социалистъ; но въ такомъ случаѣ и католическая церковь, въ которой талантомъ и трудомъ достигаютъ высшихъ іерархическихъ степеней, должна подвергнуться упрекамъ въ социализмъ; въ такомъ случаѣ и каждое государство, стремящееся къ осуществленію этихъ-же цѣлей, должно быть обвиняемо въ социализмъ. Но если социализмъ состоитъ въ *равномѣрномъ распредѣленіи* имуществъ, въ уравниеніи бѣдныхъ съ богатыми; тогда никто, какъ мы видѣли, не былъ болѣе Конта далекъ отъ подобныхъ утопическихъ теорій. Онъ даже отвергъ идею вознагражденія или платы за трудъ, признавши ее эгоистическою; онъ смотрѣлъ на трудъ какъ на обязанность, а потому идею вознагражденія или платы превратилъ въ идею *пособія* со стороны общества для сообщенія каждому возможности продолжать свой трудъ и свое производство. Нельзя назвать социалистическимъ ученіе Конта и о капиталѣ. Контъ былъ убѣжденъ, что капиталъ, пріобрѣтенный предпринимателемъ, составляетъ *неотъемлемую* собственность владѣльца и долженъ въ цѣлости поступать къ одному лицу, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда раздробленіе капитала усиливало бы собою производство. Владѣлецъ можетъ передать свой капиталъ одному или нѣсколькимъ своимъ сыновьямъ; но можетъ передать его и стороннимъ лицамъ, соображаясь въ данномъ случаѣ съ дѣйствительными выгодами общества и самаго производства. Такимъ образомъ точка зрѣнія Конта на капиталъ

¹⁾ „Правосл. Обзорніе“. Февраль 1888 г. Статя о. Воздвиженскаго, стр. 224.

и производство не социалистическая, а этическая. Она сближается съ западно-европейскимъ ученіемъ о маіоратномъ правѣ; но только соображена не съ родоюю наслѣдственностію, а съ общественною пользою. Правда Контъ въ юности принадлежалъ къ обществу сенъ-симонистовъ; онъ самъ говоритъ объ этомъ неоднократно. Но онъ самъ говоритъ также, что его дружба съ сенъ-симонистами была положительно вредною для него, и что ихъ теоріи не имѣли никакого вліянія на его философію. Въ самомъ дѣлѣ, сенъ-симонизмъ былъ основанъ на пантеизмѣ, на уничтоженіи различія между духомъ и матеріею, что въ окончательныхъ выводахъ привело сенъ-симоническую теорію къ признанію требованій плоти равносильными съ требованіями духа ¹⁾; ученіе-же Конта было чисто позитивнаго характера. Сенъ-симонисты были коммунисты, они не признавали правъ собственности, за исключеніемъ права пользованія общественнымъ имуществомъ ²⁾; Контъ-же признавалъ это право, и только ограничивалъ его чисто нравственными соображеніями. Владелецъ капитала не долженъ считать себя неограниченнымъ собственникомъ, не долженъ тратить доходы съ капитала исключительно на свои нужды, тѣмъ болѣе не долженъ расточать ихъ и пр.; онъ обязанъ смотрѣть на себя какъ на *распорядителя* общественнаго сбереженія, и его задача состоитъ въ благоразумномъ приумноженіи и пользованіи ввѣренными ему талантами. Такимъ образомъ точка зрѣнія Конта на право собственности не только этическая, но и чисто католическая. Контъ не ограничивается христіанскимъ ученіемъ о милосердіи, о вспомоществованіи бѣднымъ и пр.; но и стремился еще къ осуществленію католическихъ мечтаній, стремится регулировать имущественныя права, если не всегда путемъ легальныхъ постановленій, то посредствомъ духовнаго руководства или требованія, воспитанія въ обширномъ смыслѣ и общественнаго мнѣнія. Онъ предъявляетъ къ имущимъ классамъ тѣ же требованія, какими

¹⁾ „Kirchengeschichte des neunzehnten Jahrhunderts“ von Dr. F. C. Baur. Tübingen. 1862. S. 534 und ff.

²⁾ „Historia Kommunismu“. Alfreda Sudre. 1858. Wilno, p. 354.

церковь католическая проникнута была уже давно ¹⁾. Онъ стремится къ тому-же, о чемъ церковь эта мечтаетъ и въ наши дни. „Соціальный вопросъ, говоритъ напримѣръ аббатъ Винтереръ, внутренне связанъ съ вопросомъ религіознымъ. Церковь не можетъ игнорировать этого вопроса. Чтобы ей игнорировать этотъ вопросъ, нужно вычеркнуть изъ Евангелія сіи неизгладимыя слова: „Misereor super turbam“. „Доселѣ міръ управляется династіями, говоритъ также одинъ современный намъ католическій архіепископъ, — отселѣ святой престолъ заключить союзъ съ народомъ; для этого онъ имѣетъ епископовъ въ ихъ отношеніяхъ къ народу справедливыхъ, постоянныхъ и личныхъ. Чѣмъ яснѣе и полнѣе будутъ эти отношенія, тѣмъ сильнѣе будетъ укрѣпляться авторитетъ духовной власти святого престола“ ²⁾.

Конта упрекаютъ еще въ коммунизмъ. Но и эти упреки совершенно несправедливы въ отношеніи къ нему. Въ подтвержденіе нашей мысли достаточно вспомнить, что Контъ былъ врагомъ чисто коммунистической теоріи севъ-симонистовъ общеніи женъ, выраженной впрочемъ у нихъ въ болѣе мягкой формѣ, въ формѣ женской эмансипаціи и общественномъ воспитаніи дѣтей. Не только теоретическимъ ученьемъ, но и всю жизнь свою Контъ протестуетъ противъ подобнаго рода коммунизма. Для него семейная жизнь есть первоначальная, основная, и даже идеальная форма того единства и той систематизаціи, которыя должны лечь въ основу позитивнаго строя человѣческихъ обществъ. И замѣчательно, это говоритъ тотъ философъ, который былъ крайне несчастливъ въ своей семейной жизни. Приведемъ нѣкоторые примѣры изъ его супружеской жизни. На двадцать седьмомъ году своего возраста (въ 1825 г.) Контъ женился, но бракъ его былъ вполнѣ несчастнымъ. Между супругами, какъ утверждаетъ Гардіа, существовало несходство въ характерахъ, въ образѣ жизни и во вку-

¹⁾ „Der socialismus und die Internationale nach ihren hervorragenden Erscheinungen in Literatur und Leben“. Lipzig, 1875. S. 9.

²⁾ „Прав. Обзорѣніе“. 1888, февраль. Статя о. М. Воздвиженскаго. „Нѣсколько словъ по поводу юбилея папы“, стр. 225.

сахъ. Ученый кабинетъ Конта и легкомысленный салонъ его жены не имѣли ничего общаго. Невѣрная подруга философа была виновата предъ Контомъ и тѣмъ болѣе виновата, что мужъ бывалъ много разъ терпѣливымъ и снисходительнымъ въ ней до слабости. Но несмотря на позднее церковное благословеніе брака, несмотря на семнадцатилѣтнюю совмѣстную жизнь, несмотря на то, что бѣдный философъ смотрѣлъ на свой несчастный бракъ, какъ на самую важную ошибку въ своей жизни: онъ признавалъ его нерасторжимымъ для себя. Контъ не могъ забыть вѣроломной жены, даже долго спустя послѣ разлуки, случившейся (въ 1842 г.) безъ юридическаго вмѣшательства: и хотя онъ бранилъ и клеймилъ ее при всякомъ случаѣ, тѣмъ не менѣе обвинялъ также и себя самого, вспоминая съ содроганіемъ о своей непоправимой ошибкѣ; онъ мучился мыслию, что былъ связанъ съ нею неразрывными узами. Разумѣется, какъ свободомыслящій философъ, какъ властелинъ своихъ мыслей и чувствъ, Контъ считалъ себя вправѣ развестись съ своею женою и заключить союзъ съ женщиною своихъ мыслей, которой отдался вполнѣ подъ конецъ своей жизни. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ достичь этого законнымъ путемъ. Да и поздняя любовь его къ этой другой женщинѣ, по замѣчанію Гардіа, была лишь протестомъ противъ любви его молодости и какъ-бы отмщеніемъ за его женитьбу. Въ этомъ стремленіи ко второму браку значительною долею было желаніе отмщенія. Разочарованный, повинутый жевою, пораженный отвращеніемъ ея, Контъ желалъ отмстить тѣмъ-же, и въ этомъ случаѣ побуждался скорѣе страстію къ мщенію, нежели разсудкомъ. Но достаточно было одного письма Литтрѣ, искренняго и откровеннаго, чтобы привести Конта если не къ исполненію долга, то по крайней мѣрѣ къ признанію своего положенія. Съ большою скромностію и уваженіемъ ученикъ пишетъ письмо къ своему учителю, приводитъ свой собственный примѣръ, встати упоминаетъ о смерти своей матери и о томъ страшномъ страданіи, которое эта смерть причинила ему, и наконецъ утверждаетъ, что систематическое забвеніе есть лучшее средство противъ страданій прошедшаго. А въ концѣ концовъ говорить: „какое-же изъ этого письма можно вывести заключеніе? То,

что оно есть воззваніе къ чувствамъ мира и спокойствія, и усиліе къ отстраненію чувствъ ненависти и вражды. Никто лучше васъ самихъ не указалъ, что первыя изъ этихъ чувствъ должны быть развиваемы, тогда какъ послѣднія обуздываемы. Для меня лично было-бы большимъ счастьемъ, если-бы я могъ, хотя немного, способствовать успокоенію вашего ума, которое прежде всего должно обнаружиться молчаніемъ". Контъ послушался дружественнаго совѣта. Отвѣтъ Конта представляетъ полную картину его супружескихъ несчастій и заключаетъ въ себѣ рядъ жалобъ на его невѣрную супругу.

Намъ кажется, что однихъ этихъ фактовъ изъ жизни Конта совершенно достаточно, чтобы снять съ него позорное клеймо коммунизма, которымъ хотятъ запятнать его люди противоположныхъ съ нимъ убѣжденій. Упреки въ коммунизмъ не касаются его; онъ съ презрѣніемъ вспоминаетъ о своей юношеской связи съ сенъ-симонистами. Согласимся однако-же съ Льюисомъ, будто Контъ признавалъ коммунизмъ цѣлью, къ которой человѣчество обязано стремиться, а не путемъ, какимъ эта цѣль можетъ быть достигнута. Но и тогда его коммунизмъ, по характеру своему, чисто католическій; онъ касается соціальной, а не семейной жизни человѣческихъ обществъ. Современные намъ соціологи говорятъ, что въ западной культурной борьбѣ, продолжающейся непрерывно, ясно обрисовываются два идеала, изъ которыхъ одинъ долженъ быть названъ государственно-соціальнымъ, а другой коммунистически-теократическимъ. И тотъ и другой идеаль хотятъ быть выразителями христіанскихъ идей, но по своему направленію отличаются совершенно противоположнымъ характеромъ. „Какъ согласить, спрашиваютъ эти соціологи, два столь могущественныя и столь противоположныя направленія? Крайній идеаль однихъ, это государственно-соціальная имперія Перуанскихъ Инковъ; идеаль другихъ, это коммунистическая миссія іезуитовъ въ Парагваѣ“¹⁾. Если это справедливо, если дѣйствительно таковы соціальныя идеалы современной намъ Западной Европы; то нѣтъ сомнѣнія, что Контъ примыкаетъ къ теоре-

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“. 1886 г. № 5. „Корреспонденція изъ Берлина“.

тическому строю католической церкви, къ коммунистической миссиі іезуитовъ въ Парагваѣ. Онъ тоже говоритъ намъ о кооперативномъ трудѣ. Но дѣло въ томъ, что его теократическій коммунизмъ не заключаетъ въ себѣ ничего революціоннаго, безнравственнаго и деспотическаго; Контъ отвергаетъ кооперативную дѣятельность, вытекающую изъ эгоистическихъ стремленій, или даже изъ чисто инстинктивныхъ расположеній органической природы, какъ это ведется на примѣръ въ пчелиномъ ульѣ; его кооперативный трудъ есть болѣе или менѣе удачная копія съ католическихъ коммунистическихъ идеаловъ, разумѣется, на позитивныхъ основахъ. Скажемъ даже больше. „Если, какъ утверждаетъ о. М. Воздвиженскій, папство и всѣ его приспѣшники проникнуты искреннимъ соболѣзнованіемъ о скорбяхъ народа, желаніемъ poradъть о немъ, стремленіемъ уврачевать тѣ язвы, которыя называются соціальными, то такія чувства можно назвать добрыми и внушаемыми ими дѣйствія могутъ привести къ благамъ послѣдствіямъ. Если-же за всѣми разглагольствіями о нуждахъ и страданіяхъ народа скрывается эгоистическая и властолюбивая цѣль, т. е. не желаніе накормить, укротить и приручить звѣря, а желаніе посадить его на цѣпь, держать голоднымъ и пользоваться имъ для устрашенія недруговъ, то трудно ожидать, чтобы такія сѣмена могли принести добрые плоды“¹⁾... Нѣтъ сомнѣнія, что коммунистическія воззрѣнія Конта были свободны отъ всякихъ эгоистическихъ и властолюбивыхъ стремленій. Они были неосуществимы, утопичны, но они были благожелательны.

VII.

Мы изложили основныя начала религіозныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ воззрѣній Конта, насколько это необходимо для правильнаго сужденія объ отношеніи ихъ къ специфически-позитивной философіи. Какъ надобно смотрѣть на это отношеніе? Имѣлъ-ли право Контъ, во имя позитивныхъ началъ устанавливать ту религіозную и соціально-нравственную философію, которой былъ творцемъ? Большинство современныхъ

¹⁾ „Правосл. Обзорѣніе“. 1888. Февраль. Тамъ-же, стр. 227.

позитивистовъ признають эту философію, какъ мы замѣчали уже, только флюгеромъ на позитивномъ храмѣ, очень мало прикрѣпленнымъ къ зданію, хотя самъ Контъ усвоялъ ей очень важное значеніе, какъ символу позитивнаго единства. Большинство современныхъ позитивистовъ говоритъ, что „подъ позитивизмомъ надобно разумѣть не *сводъ ученія* (corps de doctrine), а *методъ*“¹⁾. Современные позитивисты упрекають Конта въ томъ, что онъ составилъ сводъ ученія не съ объективной или научной точки зрѣнія, а съ субъективной или общечеловѣческой; что его синтезъ всѣхъ наукъ, выраженный въ религиозной философіи, основанъ на отношеніи къ человѣческимъ нуждамъ и интересамъ, на полезности для общечеловѣческой жизни, а не на дѣйствительно научной послѣдовательности и связности. Заслуживаетъ-ли однако Контъ упрековъ въ этомъ отношеніи? Что было-бы съ нашими знаніями, если-бы мы не старались свести ихъ къ возможному для насъ единству и соглашенію? Что было-бы съ самою человѣческою жизнію, если-бы она не регулировалась объединеннымъ и примиреннымъ знаніемъ, каково-бы ни было его внутреннее достоинство? Контъ былъ послѣдовательный мыслитель; онъ не хотѣлъ быть позитивистомъ по своимъ убѣжденіямъ и въ то же время теологомъ или метафизикомъ по своей жизни. Онъ былъ убѣжденъ, что при современномъ состояніи наукъ для насъ возможенъ только субъективный синтезъ, — единственно доступный и единственно благотворный для насъ. Мечта Декарта, Лейбница и всѣхъ древнихъ и новыхъ мыслителей найти объективный синтезъ есть иллюзія совершенно неосуществимая. Онъ былъ убѣжденъ, что „позитивное знаніе, какого мы можемъ достигнуть о законахъ вселенной, въ высшей степени отрывочно и не можетъ быть приведено къ дѣйствительному единству; потому что законы реального міра слишкомъ многочисленны и способъ ихъ воздѣйствія другъ на друга слишкомъ запутанъ, чтобы нашъ разумъ въ силахъ былъ вѣрно очертить и представить ихъ, какъ общее правило“.

¹⁾ „Русская Мысль“. 1888. Февраль. „Что такое научная философія?“ В. В. Лесевича, стр. 6.

Ужели это несправедливо?—Не говорятъ-ли, на примѣръ, и современные астрономы, что все то, что мы научно можемъ узнать на землѣ, все это навсегда останется для насъ „совершенно недостаточною частію безграничной реальности, распространенной во всѣхъ безчисленныхъ твореніяхъ безконечнаго?“ Никакое человѣческое воображеніе не въ силахъ исчерпать всѣхъ формъ безграничной реальности, разлитой во всей вселенной, и земная жизнь никогда не можетъ быть признана типомъ всемірной жизни; потому что земля не есть центръ вселенной, а предполагаемое нами сочетаніе естественныхъ законовъ, какъ это открывається изъ современнаго намъ астрономическаго признанія планетныхъ системъ, освѣщаемыхъ двойными, тройными и болѣе многочисленными солнцами (на примѣръ въ созвѣздіи Центавра, Южнаго Креста и проч.), перетасовываетъ и смѣшиваетъ всѣ позитивные законы послѣдовательности и сосуществованія. Мы можемъ предполагать въ различныхъ звѣздныхъ системахъ различныя величины, сочетанія, плотности, освѣщенія, напряженія электричества, движенія, устройство физическое и химическое и пр., словомъ, можемъ предполагать различнымъ образомъ соединяемые позитивные законы послѣдовательности и сосуществованія; но научно, или достовѣрно знать этого не можемъ.

Современные позитивисты утверждаютъ, будто наука въ наше время достигла такихъ достовѣрныхъ и взаимно согласованныхъ истинъ, что онѣ стоятъ превыше всякаго сомнѣнія или скептицизма, „такъ что если какое нибудь явленіе оказывается не согласующимся съ установленными истинами, то мы должны приписать несогласіе это не несостоятельности научныхъ теорій, а недостаточности даннаго наблюденія, пропуску какого нибудь производящаго пертурбацію элемента. Всякое-же новое достождожно введенное наблюденіе непременно должно дать въ результатъ открытіе, вполне сливающееся съ установленною научною системой; оно и санкцируетъ ее, и санкцируется ею, въ одно и тоже время“ ¹⁾. И однакоже, гдѣ-же эта научная система, безспорная, возвышающаяся надъ

¹⁾ „Русская Мысль“. Тамъ-же, стр. 4—5.

всякимъ сомнѣніемъ и скептицизмомъ, о которой такъ самоувѣренно говорятъ намъ современные позитивисты и которая непререкаемо объединяла-бы и всѣ науки, и всѣ формы человѣческой жизни? Она существуетъ только въ мечтахъ позитивистовъ. Гдѣ даже тѣ первичныя аксіомы позитивизма, которыя могли-бы составить изъ себя прочный фундаментъ для общечеловѣческой социальной жизни? Ихъ намъ не указываютъ. Не говорить-ли, напримѣръ, позитивистъ-Эйкенъ, что даже основной позитивный законъ о трехъ состояніяхъ—теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ скорѣе походитъ на діалектическую мысль Гегеля, нежели на позитивную истину? Итакъ позитивисты или должны отказаться отъ постройки цѣльнаго и законченнаго зданія позитивнаго міросозерцанія, или должны ограничиться лишь непрерывнымъ собираніемъ матеріала для этого зданія, безъ всякаго архитектурнаго плана и безъ всякой надежды употребить когда либо свой матеріалъ въ дѣло. Поэтому Конта нельзя упрекать въ томъ, что онъ стремился къ объединенію или „своду“ своихъ знаній; онъ не былъ ограниченнымъ педантомъ, онъ былъ отзывчивымъ къ глубочайшимъ вопросамъ человѣческой мысли и человѣческой жизни. Правда онъ рѣшалъ эти вопросы односторонне, узко, грубо, а потому неправильно. Отдѣливъ опредѣленными границами непознаваемое отъ познаваемаго, признавъ извѣстные вопросы возвышающимися надъ нашимъ знаніемъ, онъ въ сущности переступаетъ эти границы, такъ какъ воображаетъ себя достаточно знающимъ, то, что самъ же призналъ непознаваемымъ. Да и это непознаваемое онъ понималъ въ формахъ грубыхъ, ограниченныхъ и даже уродливыхъ. Но для того, чтобы признать что либо непознаваемымъ, надобно не только въ точности знать, что оно дѣйствительно непознаваемо, но и не должно смѣшивать его съ познаваемымъ. Гдѣ-же та пограничная черта, которая отдѣляетъ дѣйствительно познаваемое отъ непознаваемаго? На чемъ основывается современная намъ позитивная увѣренность въ правильности этого отдѣленія? Подобная увѣренность, конечно, не освѣщала еще ни одно позитивное сознаніе и еслибы она освѣтила позитивиста нашихъ дней, то это было-бы или но-

вымъ откровеніемъ, или даже всевѣдѣніемъ. Контъ началъ „сводъ“ наукъ позитивной философіей, въ которой сосредоточиваетъ свое вниманіе на относительномъ и исключаетъ все абсолютное, потомъ переходитъ къ позитивной политикѣ, которую можно назвать утопіей или метафизическимъ измышленіемъ и наконецъ кончилъ мнимо теологическимъ понятіемъ о религіи человѣчества, плодомъ одного лишь воображенія. Ограниченное или одностороннее начало должно было привести и дѣйствительно привело его къ ограниченнымъ или одностороннимъ слѣдствіямъ. Между тѣмъ какъ всѣ три момента: теологическій, метафизическій и позитивный, имѣютъ одинаковое право на вниманіе философа, и должны находить одинаково справедливое рѣшеніе во всякой истинной или правильной философіи. Тѣмъ не менѣ субъективный синтезъ Конта составляетъ какъ-бы соединительную черту между позитивнымъ и абстрактнымъ и есть необходимое или логическое доцолненіе всей его философіи. Контъ самъ сознается, что его намѣреніемъ было преобразовать науку въ философію, а философію въ религію, и онъ откровенно заявляетъ, что установленіе закона трехъ состояній побудило его къ перестройкѣ всей культурной жизни человѣчества. Очевидно, послѣдовательный позитивистъ, не желающій стать ограниченнымъ педагогомъ, непременно долженъ идти путемъ Конта; другой альтернативы нѣтъ.

Современные позитивисты признаютъ субъективную философію Конта умственнымъ кризисомъ его, явленіемъ болѣзненнымъ, патологическимъ. На какомъ-же основаніи? Единственно на томъ, что онъ три раза въ своей жизни, въ 1826, 1838 и 1845 году, впадалъ въ нервное раздраженіе, сопровождавшееся тяжкими болѣзненными припадками. Но эти болѣзненные припадки условливались случайными причинами и не имѣли никакого вліянія на его философію. Причины эти извѣстны. Дѣло въ томъ, что невѣрная подруга философа была виновна предъ нимъ, и самая главная вина ея, какъ утверждаетъ Гардіа, заключалась въ томъ, что она во-время не оцѣнила умственного превосходства своего мужа, хотя и сама отличалась не дюжимъ умомъ и образованіемъ. Несмотря на явное превосход-

ство мужа, онъ казался ей ниже тѣхъ академиковъ, вниманіе которыхъ она старалась приобрести, и даже считала его ниже модныхъ журналистовъ, глубоко презираемыхъ Контомъ. Подобное предпочтеніе было весьма оскорбительно для столь великаго гордеца, какъ Контъ, который живо сознавалъ собственное достоинство, и который на самомъ дѣлѣ могъ найти себѣ равнаго только въ историческихъ личностяхъ. По своему характеру Контъ былъ гордымъ, раздражительнымъ и самолюбивымъ. А характеръ, по справедливому замѣчанію Гардіа, есть такой факторъ, которымъ нельзя пренебрегать, изучая семейную жизнь философовъ. Ксантида была криклива, и сварлива, но за то она никогда не покидала добраго Сократа, хотя домъ его былъ малъ и бѣденъ. Притомъ же, кажется, что до женитьбы Контъ обязался предъ женою сдѣлаться академикомъ, но такъ какъ онъ потомъ не выполнилъ обязательства, то супружескій договоръ его былъ нарушенъ. Это обстоятельство, не будучи единственнымъ, возбудило отвращеніе Конта къ академіи. Раздражительный Контъ не щадилъ академиковъ и глубоко оскорбилъ, надпримѣръ, знаменитаго Араго. Отъ этихъ-то, чисто случайныхъ причинъ, Контъ впалъ въ нервное раздраженіе, сопровождавшееся болѣзненными припадками. Особенно глубоко огорчился Контъ поведеніемъ своей жены. Онъ никогда не могъ простить этой женщины, которая все-же выказала ему преданность во время его мозгового кризиса, заставившаго его провести полгода въ домѣ умалишенныхъ; и которая, спустя долго послѣ ихъ добровольнаго развода, когда показались первые лучи философской славы Конта, открыто выражала свою гордость тѣмъ обстоятельствомъ, что носила его имя. На это повинуемый мужъ сказалъ, что жена его, для того, чтобы по-истинѣ опѣнить его, ожидала того возраста, когда *М-те* Ментенонъ сдѣлалась ханжею. Впрочемъ для нѣкотораго оправданія Конта упомянемъ о слѣдующемъ обстоятельстве: когда взаимная ненависть академіи довела его до такой нищеты, что онъ существовалъ при помощи субсидій выдаваемыхъ ему его великодушными учениками и нѣкоторыми приверженцами его доктрины, Контъ не переставалъ выдавать своей, по его выра-

женію, *недостойной женой* пенсію на содержаніе, за которой онъ призналъ, при заключеніи брака, часть фиктивного капитала въ 20 тысячъ франковъ съ правомъ на совмѣстное владѣніе имуществомъ, настоящимъ и будущимъ. Это во всякомъ случаѣ, можетъ служить доказательствомъ его безкорыстія и вѣрности данному обѣщанію.

Другою причиною болѣзненныхъ припадковъ Конта было раннее умственное развитіе его. Въ шестнадцать лѣтъ Контъ говорилъ, поступалъ и мыслилъ съ зрѣлостію совсѣмъ сформированнаго человѣка. Въ двадцать лѣтъ онъ удивлялъ своихъ учителей глубиною своего разума и обширностію своихъ познаній. Въ двадцать четыре года Контъ усвоилъ тѣ общіе законы, которые потомъ научно изложилъ въ своей системѣ позитивной философіи. Такимъ-то умственнымъ напряженіемъ въ раннемъ возрастѣ, которое у другихъ менѣе одаренныхъ людей могло-бы произвести полнѣйшее измѣненіе строенія мозга, не трудно объяснить безумный бракъ Конта и потомъ послѣдовавшее общее изступленіе, приведшее его нѣскольکو мѣсяцевъ спустя послѣ брака къ Эскиролю, доктору умалишенныхъ. Контъ вышелъ отъ него не вполне выздоровѣвшимъ, съ нервной раздражительностію, доведшей его до желанія самоубійства. Известно, что онъ пытался утопиться, и эта неудавшаяся попытка была вѣнцемъ его болѣзненнаго кризиса. Но ни одинъ изъ поступковъ послѣдующей жизни Конта не показываетъ, какъ утверждаетъ Гардіа, чтобы умъ его снова подвергался подобной болѣзни, хотя по окончаніи каждой изъ своихъ большихъ работъ Контъ испытывалъ глубокія потрясенія всего организма. Прогрессивное истощеніе нервной системы подрывало его крѣпкое отъ природы сложеніе, но сильно поколебленное въ годы юности, противуестественнымъ образомъ жизни и безумной діететикой. Изъ этихъ нервныхъ разстройствъ, по замѣчанію Гардіа, нельзя еще вывести заключенія унижительнаго для умственнаго достоинства человѣка, который занялъ среди современниковъ выдающееся мѣсто. Другіе умы столько-же могучіе, какъ и умъ Конта, тоже подвергались временнымъ затмѣніямъ, но вслѣдствіе этого не были осуждены на признаніе ихъ безумными. Достаточно

вспомнить галлюцинаціи Сократа, aberrации Паскаля, мистическія мечтанія Ньютона и пр. Анализъ подобнаго рода фактовъ долженъ прежде всего опираться на вызвавшія ихъ причины, на этиологію болѣзни, на социальное вліяніе; и висколько не даетъ права обвинять великихъ мыслителей въ сумашествіи. При томъ-же, нельзя отвергать своего рода возвышенности и даже нравственнаго характера въ нѣкоторыхъ видахъ безумія, начиная съ безумія страстной любви, преданности и энтузіазма и кончая помеленіями духа людей гениальныхъ, стремящихся къ новымъ открытіямъ. Самая мысль о самоубійствѣ не должна представляться странною для позитивиста. Когда убѣдятъ себя, что невѣдомый Богъ не имѣетъ никакого отношенія къ намъ, что жизнь человѣческая непонятна, цѣли человѣка недостижимы, страданія постоянны или неизбѣжны; тогда самоубійство не есть-ли лучшій выходъ изъ этой непрерывной цѣпи разочарованій и страданій? Восемнадцатилѣтній Милль, волнуемый подобными мыслями, пришелъ-же въ убѣжденію, что уничтоженіе есть высшее счастье. „Я спрашивалъ себя, говоритъ онъ, для чего я долженъ жить, если жизнь должна идти такимъ образомъ и обыкновенно отвѣчалъ, что я и года не могу перенести подобной жизни!“ Милль предохранилъ себя отъ самоубійства посредствомъ перевоспитыванія подъ руководствомъ христіанскихъ мыслителей ¹⁾. Таже самая исторія, до точности повторилась и съ нашимъ гениальнымъ графомъ Д. Н. Толстымъ въ минуты его тяжелыхъ сомнѣній. Намъ представляется все это очень естественнымъ для позитивиста. Если отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то отъ гениальности до безумія часто существуетъ еще меньшій переходъ. Гардіа говоритъ еще о Контѣ, что преждевременная мозговая работа, постоянная и изрѣзѣнная, въ высшей степени развила нервныя центры, и ослабила остальной организмъ его. Лезвіе было прекрасное, и оно скоро износило ножны. Удивительно даже какъ Контъ могъ прожить почти до шестидесяти лѣтъ, окруженный завистниками и врагами, не имѣвшими ни совѣ-

¹⁾ „Позитивизмъ и христіанство“. Священ. П. Городцова. С.П.Б. 1881, стр. 5 и далѣе.

сти, ни великодушія, которые задумали довести его до голода тѣмъ присущимъ нашему вѣку способомъ, который можетъ назваться заговоромъ молчанія.

Гардіа замѣчаетъ даже, что если бы Контю досталась лучшая жеза и онъ прожилъ свой вѣкъ среди иныхъ обстоятельствъ, то можетъ быть его жизнь была бы счастливѣе, подразумѣвая подъ этимъ жизнь матеріальную и свѣтскую, но не умственную и нравственную; потому что эта сильная и непоколебимая натура, рожденная для выдающихся дѣяній, и пущенная какъ ядро, повинующееся механическимъ законамъ;—слѣдовала, ни на минуту не уклоняясь отъ своего пути, и достигла назначенной цѣли съ геометрическою точностію. Если въ комъ, то именно въ Контѣ его призваніе логически осуществлялось по дедуктивному методу, какъ непрерывный рядъ теоремъ. Къ своимъ ученымъ работамъ Контъ точно могъ примѣнить слѣдующую мысль, высказанную Альфредомъ де Виньи, что хорошо выполненная жизнь есть идея, зарожденная въ юности и осуществленная въ зрѣломъ возрастѣ.

Согласимся однакоже, что философія Конта въ тѣхъ случаяхъ, когда вдается въ абстрактныя построенія на основаніи наукъ, и субъективна, и носитъ на себѣ характеристическіе признаки умственного кризиса. Тѣмъ не менѣе это та философія, которая особенно пришла въ душѣ западному обществу, и Контъ есть тотъ философъ, который кончилъ тѣмъ, что глубоко поколебалъ миръ идей на Западѣ. „Хотя Контъ, по словамъ Гардіа, совсѣмъ не искалъ популярности, хотя отъ природы онъ не имѣлъ такихъ дарованій, которыя приобрѣтаютъ всеобщее одобреніе мыслящихъ умовъ, но онъ все-таки сдѣлался популярнымъ. Никогда Западъ не имѣлъ философа болѣе общеизвѣстнаго, хотя всеобщая извѣстность его явилась поздно“. Да и современные намъ позитивисты говорятъ, что „хотя Контовская вѣтвь позитивизма зачахла и высохла, зато громадный разросъ болѣе широкаго (и будто бы) глубокаго позитивизма, не приурочивающагося ни къ какому отдѣльному имени и развивающагося рука объ руку съ успѣхами научнаго движенія, оказался очень жизнеспособнымъ“; и что эта позитивная вѣтвь въ новѣйшее время получила такое значеніе, о

которомъ Конту и его ближайшимъ послѣдователямъ не возможно было не мечтать¹⁾. Чѣмъ же можно объяснить и эту популярность Конта, и это огромное вліяніе его на своихъ послѣдователей?

Гардіа думаетъ объяснить все это тѣмъ исканіемъ истины (а это есть лучшее опредѣленіе философіи), которымъ всецѣло проникнуть бытъ Контъ и которое имѣетъ непреодолимую прелесть въ глазахъ мыслящаго общества. Конечно, еслибы Контъ и его послѣдователи повѣдали намъ несомнѣнную философскую истину, или, по крайней мѣрѣ, еслибы они стояли на пути къ ней, тогда съ этимъ надобно было бы согласиться. Но въ сожалѣнію этого нѣтъ. Ихъ философскій путь пройденъ Контомъ до конца, и оказался крайне несостоятельнымъ. Или цѣльный и законченный контизмъ, или самоограниченіе и непослѣдовательность—вотъ единственная альтернатива; другого выхода нѣтъ для позитивиста. Не вѣрнѣ ли будетъ поэтому находить объясненіе Контовой популярности и его вліянія въ той общественной подготовленности къ принятію позитивныхъ идей, которую Контъ встрѣтилъ, хотя и поздно, во многихъ мѣстахъ Европы и преимущественно во Франціи? По крайней мѣрѣ самъ Гардіа говоритъ, что „этотъ учитель (т. е. Контъ), имѣвшій мало привлекательнаго, повелительный до деспотизма, не терпѣвшій споровъ, нашель при жизни послушныхъ и преданныхъ учениковъ, оставшихся вѣрными его памяти; и ни одинъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, открыто, не пытался вытѣснить своего учителя. Даже тѣ, которые оставили Конта, когда онъ довелъ до крайности выводы своей системы, продолжаютъ слѣдовать позитивной философіи“. Чѣмъ же можно объяснить это пристрастіе къ позитивизму среди непослѣдовательныхъ учениковъ Конта, когда и для нихъ самыхъ ясны тѣ нелѣпости, къ которымъ приводитъ излюбленная ими доктрина? Почему они остаются вѣрны ей, жертвуя ради нея самую послѣдовательность? Намъ кажется, что объясненія этого очевиднаго пристрастія надобно искать уже въ сильной предрас-

¹⁾ Г. В. В. Лесевичъ. См. его философск. статью въ „Русск. Мысли“. 1888. Январь, стр. 12.

положенности къ позитивизму среди европейскихъ обществъ. И каковы ни были причины возникновенія этой предрасположенности, мы думаемъ, что только ею можно объяснить предрасположенность позитивизму среди непослѣдовательныхъ позитивистовъ. На нашъ взглядъ, эти непослѣдовательные позитивисты представляютъ собою явленіе даже болѣе поразительное, чѣмъ тѣ ученики Конта, которые съ слѣпымъ самоотверженіемъ объявляютъ себя строгими приверженцами политики и вѣрованій своего вождя, и которые, какъ выражается Милль, поддерживаютъ вѣрность гроба своего учителя организаторскую дѣятельность для распространенія возрѣвнѣй, могущихъ, по ихъ мнѣнію, возродить человѣчество.

Контъ ограничиваетъ свое знаніе относительнымъ, отрывается отъ изслѣдованія жизни духа, признавая подобное изслѣдованіе или метафизикой или теологіей, и полагаетъ задачи человѣческой жизни въ однихъ только условіяхъ земнаго бытія. Конечно это кризисъ философской мысли. Но этотъ кризисъ, проникнутый очевиднымъ разочарованіемъ, сомнѣніемъ и скептицизмомъ, долженъ быть призванъ столько-же Конттовскимъ, какъ и западно-европейскимъ вообще. Западно-европейская мысль отразилась въ философіи Конта, какъ въ своемъ фокусѣ, и нашла въ ней самое яркое выраженіе. Кризисъ этотъ состоитъ не только въ отрицаніи современной европейской культуры и послѣдовательнаго развитія духовной жизни Запада, но и въ желаніи слить отрицаніе съ идеализированнымъ католическимъ строемъ жизни: въ стремленіи наполнить католическую форму новымъ и лучшимъ содержаніемъ. Отъ всей психологической жизни Запада, подъ анатомическимъ ножомъ Конта, осталась только католическая форма, безъ оживотворявшаго ее духа. Гдѣ-же надобно искать ближайшихъ причинъ этого явленія? Какъ могло случиться то, спрашиваетъ Гардіа, что Контъ, который такъ умѣлъ владѣть собою и всѣми движеніями своей души, отнесся столь строго и недоумчиво къ обнаруженіямъ духа, къ психологіи, опредѣливъ этой наукѣ незначительное мѣсто, и наконецъ включивъ ее, и то противъ желанія, въ біологію? Кажется онъ то именно, который былъ сосредоточенъ на внутренней жизни болѣе,

чѣмъ это либо, долженъ былъ, приобрѣсть, право и привычку быть чуткимъ къ движеніямъ духа, и относиться безпристрастно къ внутреннему изслѣдованію. Но объясненія всего этого надобно искать уже въ общемъ направленіи, западной культуры. Это разъясняется уже матеріалистическимъ характеромъ этой культуры; замѣною духовной жизни, психофизическою; замѣщеніемъ души, нервами; понижкою понятъ духъ какъ органическій продуктъ. Признавши, душу лишь метафизическою, т. е. вымышленною сущностію, заподозривши свидѣтельство самосознанія, Контъ понялъ духовный міръ какъ органическій, и подвелъ его подъ свою іерархическую классификацію. Поэтому онъ былъ глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ нервной системы предъ прочими органами тѣла. Онъ то и сказалъ, опираясь на принципъ іерархическаго превосходства и іерархической гегемоніи, что жизнь человѣческая, средняя продолжительность которой такъ незначительна, могла бы быть удвоенна и утроена, если бы другіе органы человѣческаго тѣла были также устойчивы, какъ нервный аппаратъ, за которымъ Контъ признавалъ превосходство какъ по веществу, такъ и по строенію и отиравленію. Такимъ взглядомъ на нервную систему Контъ показалъ себя, какъ выражается Гардіа, утѣрированнымъ спиритуалистомъ, разумѣется, съ позитивной точки зрѣнія. Но именно этотъ странный взглядъ доказываетъ, что ложная теорія можетъ повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія. Крайняя односторонность, сильная наклонность къ іерархической классификаціи, понятой, признаніе одной, только психофизической жизни, однимъ словомъ, непреодолимая логика его природы, и окружающей его среды, довела Конта до самыхъ дурныхъ послѣдствій. Контъ былъ носителемъ и выразителемъ послѣдовательнаго развитія католической культуры, отъ которой не могъ отдѣлиться при всемъ своемъ позитивизмѣ и не могъ отдѣлиться, потому что на Западѣ въ сущности нѣтъ другаго культурнаго начала, кромѣ католическаго. А это въ свою очередь привело его, какъ мы видѣли, къ созданію теорій странныхъ, мечтательныхъ, утопическихъ, отъ которыхъ съ негодованіемъ отрелись его многіе послѣдователи и ученики.

Это же имѣло пагубное "вліяніе" и на его личную жизнь. Именно подъ вліяніемъ своихъ ложныхъ теорій Контъ злоупотреблялъ своей необыкновенно крѣпкой нервной системой. Онъ жилъ противно законамъ физиологии и гигиены, подобно католическимъ отшельникамъ, существованіе которыхъ было всегдашнимъ противодѣйствіемъ потребностямъ природы. Полнѣйшее пренебреженіе къ этикѣ, къ какому-бы то ни было правильному образу жизни, противодѣйствіе совѣтамъ благоразумія и опыта, совершенное отсутствіе заботливости о потребностяхъ организма, надломленнаго чрезмѣрной работой, убили его здоровье. Контъ никогда не могъ укрощать себя въ трудной работѣ мысли, и совсѣмъ не вознаграждалъ расходъ нервной силы соответствующимъ питаніемъ. Другими словами, онъ нисколько не желалъ принуждать себя слѣдовать тому образу жизни, который могъ-бы подкрѣпить и возстановить его нервную силу, какъ будто-бы онъ не зналъ о солидарности между питаніемъ и нервами. Справедливость требуетъ впрочемъ замѣтить, какъ говоритъ Гардіа, что въ послѣдніе годы скудость средствъ къ жизни, уменьшенныхъ еще многочисленными нуждами, поневолѣ заставляла Конта быть до крайности умѣреннымъ. Контъ не только потерялъ мѣсто въ политехническомъ институтѣ, но и лишенъ былъ скудной институтской пенсіи въ 2,000 франковъ, и жилъ на добровольныя пожертвованія англійскихъ и американскихъ почитателей своихъ, благодаря великодушному воззванію Литтрѣ. Ежегодное пожертвованіе его друзей простиралось отъ четырехъ до пяти тысячъ франковъ. Это обстоятельство значительно увеличиваетъ преступное поведеніе его низкихъ враговъ, которые содѣйствовали лишенію его средствъ жизни. Но принимая даже во вниманіе гнусное мщеніе враговъ, нельзя не сознаться, что Контъ заплатилъ жизнью за тотъ образъ жизни, который согласовался съ его ложной теоріей патологии, и погибъ отъ истощенія силъ. Онъ довелъ до крайности идеи Бруссе и сдѣлался жертвою духа системы столько-же изъ упрямства, сколько и изъ предразсудка. Онъ померъ въ 1857 году.

Завлечимъ наши сужденія о Контѣ и его философіи слѣдующими вѣрными замѣчаніями Гардіа. Контъ былъ, говоритъ

онъ, латиняниномъ по своему рожденію и по своему духу; онъ былъ приверженцемъ порядка и власти, уважалъ іерархію, стремился въ атеистической теократіи, былъ католикомъ по воспитанію и преданію, почитателемъ католической церкви, католическаго единства и католическаго режима; былъ врагомъ ереси, раскола, протестантства и революціи; мечталъ о мірѣ, которымъ-бы управляли ученые священники, который-бы кормили промышленники, и которому-бы служили пролетаріи, гдѣ была-бы одна вѣра—доказательная, одинъ культъ—позитивный, и одинъ общій языкъ—итальянскій.

Ж. Истоминъ.

О П Е Ч А Т К А.

Въ первой майской книжкѣ въ статьѣ о Конгѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ напечатано *Гордіа*, надобно читать *Гардіа*.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № II. 1888 года.

Содержаніе: Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, I, II и III классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1887/88 учебный годъ. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Некрологъ. — Объявленія

СПИСОКЪ

воспитанницъ приготовительнаго, I, II и III классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1887/88 учебный годъ.

Мая, 23 дня 1888 года.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОГО КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ I классъ.

1. Березовская Марія, Бугуцкая Анна, Бѣлоусова Канисфенія, Власова Клавдія, 5. Гревизирская Анна, Григоренкова Екатерина, Дахпѣвская Анна, Дейнеховская Марія, Дмитриева Дарія, 10. Добрецкая Анна, Доброницкая Агриппина, Докова Елена, Жуковская Александра, Измайлова Аполлиарія, 15. Исиченкова Варвара — награжд. похв. листомъ, Ковалева Александра, Кривжановская Елена, Линицкая Елисавета, Мирводина Дарія — награжд. похв. листомъ, 20. Навродская Елена, Назаревская Валентина, Найдовская Неонила, Одинцова Екатерина, Петрова Любовь — награжд. похвальн. листомъ, 25. Подольская Дарія, Полтавцева Клеопатра, Пономарева Евдокія, Приходькова Софія — награжд. похв. листомъ, Реутская 2-я Софія, 30. Рубинская Анастасія, Рудинская Наталія, Сокальская Вѣра, Сѣкирская Лариса, Твердохлѣбова Александра, 35. Торанская 1-я Марія, Торанская 2-я Екатерина — награжд. похв. листомъ, Труфанова Любовь, Чернявская Валентина, Шишлова Анна — награжд. похв. листомъ, 40. Юшкова Антонина — награжд. похв. листомъ, Яновская Евфросинія.

Б. Будутъ переведены въ I классъ, если передержать удовлетвори-
тельно экзаменъ послѣ каникулъ.

По ариѳметикѣ: Понировская Валентина, Ѳедорова Марія, Васи-
левская Антонина, 45. Грекова Тульянія, Реутская 1-я Марія,
Троянова Александра. По русскому языку: Полницкая Елисавета и
Торанская 3-я Дарія.

В. Оставляются въ приготовительномъ классѣ на повторительный
курсъ — по малоуспѣшности и малоразвитости.

50. Ведринская Софія и Ковалевская Антонина.

I КЛАССА.

А. Удостоены перевода во II классъ.

1. Баженова Софія, Базилевичъ Антонина, Богославская Маріо-
нилла, Бѣликова Антонина, 5. Виноградская Мавра, Владыкова
Клавдія, Вышемирская Анастасія, Дюкова Анна, Ермолаева Алек-
сандра, 10. Ерофалова Надежда, Жукова Целая, Капустянская 1-я
Анна, Капустянская 2-я Анастасія, Климентова Марія, 15. Красно-
вутская Антонина, Насѣдкина 1-я Надежда, Насѣдкина 2-я Евге-
нія, Оглоблина Анна — награжд. похв. листомъ, Павлова Марія,
20. Пономарева 1-я Анна (Полик.), Пономарева 2-я Анна (Иван.),
Попова 1-я Евгенія, Попова 3-я Евдокія, Проскурникова Елиса-
вета, 25. Рокитянская Домнина, Сапухина Александра, Сергіевская
Марія, Северинова Софія — награжд. похв. листомъ, Татаринова
Елена, 30. Толмачева Наталія, Торанская 1-я Варвара, Ястремская
Серафима, Ѳедорова 1-я Вѣра (Васил.) — награжд. похв. листомъ,
Ѳедоровская Марія, 35. Ѳедоровская Екатерина, Ѳеденко Евфро-
синія — награжд. похв. листомъ.

Б. Будутъ переведены во II классъ, если передержать удовлетво-
рительно экзаменъ послѣ каникулъ.

По ариѳметикѣ: Григоровичъ Антонина, Заводовская Екатерина,
Измайлова Марія, 40. Ѳедорова 2-я Вѣра (Георг.), Кузнецова Елена,
Пуковская Анастасія, Стефановская Варвара, Титова Евдокія, 45. По
русскому языку: Любичская Марія и Олтовцева Любовь.

В. Быковцевой Мелетинъ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ
предметамъ — по болѣзни, предоставляется право держать таковой
послѣ каникулъ.

Г. Оставляются въ I классѣ на повторительный курсъ — по мало-
успѣшности и малоразвитости.

Кутепова Анастасія, Торанская 2-я Лидія, 50. Басильковская
Надежда и Попова Іуліанія.

II КЛАССА.

Удостоены перевода въ III классъ.

1. Аристова Вѣра, Березовская Автомина, Василевская Евкаторина, Воскобойникова Марія—нагр. похв. листомъ. 5. Дейнеховская 1-я Елизавета, Дейнеховская 2-я Автомина, Жданова Варвара, Жукова Анна—награжд. похв. листомъ, Котлярова Анна, 10. Красина Анна, Крутьева Екатерина, Крыжановская Автомина, Кураховская Анна—награжд. похв. лист. Липицкая Софья. 15. Литкевичъ Анна, Матвѣева Александра, Носова 1-я Марія, Носова 2-я Автомина, Попова 1-я Лидія (Ник.)—награжд. похв. лист. 20. Попова 2-я Ольга, Попова 3-я Евдокія—награжд. похв. лист. Попова 4-я Лидія (Григор.), Рубинская Автомина, Сапухина Софья, 25. Скларова Глафира, Твердохлѣбова Софья—награжд. похв. лист. Трегубова Марія, Троянова Екатерина, Уманцева Елена, 30. Хижнякова Надежда, Чернявская Александра, Чугаева Ольга, Шишлова 1-я Автомина—нагр. похв. лист., Шишлова 2-я Дарья—нагр. похв. лист., 35. Эвенхова Евдокія, Энеидова Александра—нагр. похв. лист. Якубовичъ Анна.

Б) Будетъ переведена въ III классъ, если передержитъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Васютина Дарья—по арифметикѣ.

в) Оставляются во II классъ на повторительный курсъ—по малой успѣшности и малоразвитости.

Иннокова Елена, 40. Ведринская 2-я Марія, Раковская Евгения, Люминарская Елена, и Ведринская 1-я Александра. Последнія двѣ воспитанницы оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ съ тѣмъ, что если онѣ въ первой четверти будущаго учебнаго года окажутъ неудовлетворительные успѣхи, то будутъ уволены совсѣмъ изъ училища, какъ неспособныя болѣе къ продолженію ученія.

Г) Увольняется изъ училища по просьбѣ родителей.

Богданова Ольга.

III КЛАССА.

А. Удостоены перевода въ IV классъ.

1. Агнивцева Анастасія, Арефьева Надежда, Васильковская Анастасія—нагр. похв. лист., Власова Александра, 5. Грабовская Дарья, Дзюбанова Александра—нагр. похв. лист., Жукова Александра, Жу-

ковская Анна, Капустянская Александра. 10. Клементьева Екатерина, Колосовская 2-я Марія (Иван.), Козьмина Елена, Котляревская Анастасія, Кошлякова Надежда, 15. Краснокутская Елена, Кустовская Ольга, Ладешкова Анна, Лашварева Валентина, Лукашева Ольга, 20. Набокова Александра, Павлова 1-я Анна, Павлова 2-я Неонила—награжд. похв. лист., Цономарева Анисія, Попова Елизавета, 25. Санухина Евдокія—нагр. похв. листомъ, Сильванская Марія, Слюсарева Ольга, Степурская Валентина, Сукачева Анна, 30. Сулима Евфрасія, Татарина Анастасія, Твердохлѣбова Неонилла, Торанская 1-я Пелагія, Торанская 2-я Наталія, 35. Черняева Евдокія, Энеидова Клавдія—нагр. похв. лист., Юшкова Надежда, Яновская Наталія, Федорова Райса.

В) Будутъ переведены въ IV классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

40. Аксенева Вѣра—по сочиненію; Макаровская Екатерина, Щепинская Евдокія—по церковному пѣнію; Бугудная Анастасія Петрова Александра, 45. Раевская Александра, Червонецкая, Александра—по русскому языку; Макухина Капитолима—по арифметикѣ; Полтавцева Елисавета—по арифмет. и географіи; Колосовская 1-я Марія (Мих.)—по русск. язык. и церк. пѣнію.

В) Оставляется въ III классъ на повторительный курсъ—по малой успѣшности и малоразвитости.

50. Труфанова Орафима.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Николаевской церкви слободы Долгинской, Изюмскаго уѣзда, Зиновій *Гладковъ* утвержденъ законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, псаломщикъ Покровской церкви села Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Поликарпъ *Трипольскій*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Харьковской Николаевской церкви.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Троицкой церкви г. Лебедина, крестьянинъ *Семенъ Комчатный*; къ Николаевской церкви сл. Самогоевки, Ахтырскаго уѣзда, мѣщанинъ *Павелъ Парасочкинъ*; къ Успенской церкви сл. Полковой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, крест. *Яковъ Гашенко*; къ Николаевской церкви села Городнаго, того-же уѣзда, крестьянинъ *Сергій Коломиецъ* и къ Архангело-Миханловской церкви слободы Мурафы, того-же уѣзда, крестьянинъ *Кириллъ Вьюнникъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Дѣятельность Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ.—Содѣйствіе свѣтской власти въ некоторыхъ церковныхъ дѣлахъ епархіальному начальству.—Интересныя предложенія на Минскомъ епархіальномъ съѣздѣ.—Дѣятельность братствъ въ Тамбовѣ, Смоленскѣ и Владимірѣ.—Духовенство и миряне въ Полтавской епархіи.—Къ вопросу о времени церковныхъ службъ.—Присоединенія къ православію.—Дѣятельность противораскольническихъ миссіонеровъ.—Паломники изъ студентскаго прихода.—Успѣхи Алтайской и Киргизской миссіи.—Вопросъ о мѣстѣ учительскихъ школъ.—Кончина германскаго императора.—О письмахъ и воззваніяхъ, разосланныхъ отъ мнѣмехъ подвизаниковъ Св. Горы.—Некрологъ.

Въ недѣлю о слѣпомъ (29 мая—5 іюня) происходили съ разрѣшенія св. Синода повсемѣстный церковно-братскій сборъ въ пользу Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ. Въ Россіи облегченіе участи слѣпыхъ и посильная помощь имъ всецѣло находится въ вѣдѣніи Маріинскаго попечительства. Основанное въ 1881 г., учрежденіе это поставило своей цѣлью оказывать помощь и призрѣніе возможно большому числу слѣпыхъ въ Россіи, безъ различія пола, возраста, состоянія и вѣроисповѣданія. Поэтому прежде всего оно заботится объ устройствѣ училищъ для слѣпыхъ дѣтей и убѣжищъ для обученія взрослыхъ слѣпцовъ ремесламъ. Кромѣ того, попечительство поддерживаетъ стипендіями слѣпыхъ и въ другихъ учрежденіяхъ, заботится о предупрежденіи слѣпоты, содержитъ кровати въ глазныхъ лечебницахъ и клиникахъ. Затѣмъ оно занимается печатаніемъ книгъ выпуклымъ шрифтомъ для распространенія среди слѣпыхъ полезныхъ свѣдѣній. Отдѣленія Маріинскаго попечительства открыты въ Кіевѣ, Харьковѣ, Уфѣ, Костромѣ, Воронежѣ и Одессѣ, затѣмъ попечительство имѣетъ своихъ уполномоченныхъ во всѣхъ губерніяхъ. Въ настоящее время открыты стараніями Маріинскаго попечительства слѣдующія заведенія для слѣпыхъ: въ Петербургѣ училище на 55 дѣтей и убѣжище на 14 взрослыхъ; въ Кіевѣ—убѣжище на 11 взрослыхъ и училище на 50 дѣтей и въ нѣсколькихъ другихъ породахъ училища на 10—20 дѣтей и убѣжища. Въ заведеніяхъ попечительства предаются ремесленнымъ занятіямъ слѣпыхъ и принимаются заказы. Капиталь попечительства къ 1 января 1888 года составлялъ 589,000 рублей, но въ скоромъ времени капиталъ этотъ долженъ значительно уменьшиться, такъ какъ теперь заканчивается постройка новаго зданія для института слѣпыхъ въ Петербургѣ, а это обстоителство вызоветъ, по сообщенію „Нов. Врем.“, расходъ въ 200,000 рублей. Кромѣ того, расходы попечительства ежегодно растутъ: съ 38,000 р. въ 1882 году

они поднялись въ 1887 году до 94,000 рублей. Въ виду этого постоянного увеличенія расходовъ, совѣтъ попечительства обращается ко всемъ добрымъ людямъ съ просьбою о пожертвованіи. Для поступленія въ члены попечительства (со взносомъ 10 р. ежегодно или 150 р. одновременно) или для пожертвованія, помимо кружечнаго сбора, слѣдуетъ обращаться въ уполномоченнымъ попечительства во всѣхъ губернскихъ городахъ, въ предсѣдателя совѣта, статсъ-секретарю К. К. Гроту (Большая Конюшенная, д. 1) или въ канцелярію совѣта попечительства (Казанская, д. 5). На дняхъ состоялось годовое собраніе Маріинскаго попечительства.

— Епархіальные епископы по временамъ обращаются къ представителямъ мѣстной свѣтской власти за содѣйствіемъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлахъ. Такъ архіепископъ донской, усмотрѣвъ, что въ донской епархіи есть церкви холодныя и безъ печей, вслѣдствіе чего эти храмы не посѣщаются въ зимнее время даже православными христіанами, и предложивъ консисторіи распорядиться о томъ, чтобы священнослужители и церковные старосты располагали жителей въ устраненію этого неудобства, вмѣстѣ съ симъ вошелъ въ сношеніе съ войсковымъ наказнымъ атаманомъ и просилъ его сдѣлать распоряженіе, чтобы оружныя начальники и, подѣ ихъ наблюденіемъ, мѣстныя власти съ своей стороны разъяснили прихожанамъ необходимость въ устройствѣ новыхъ и приспособленій существующихъ холодныхъ церквей съ отопленіемъ въ зимнее время, а строительное отдѣленіе областного правленія требовало бы отъ техникумовъ, составляющихъ проекты на сооруженіе церквей, включенія въ оныя устройства печей. Это ходатайство удовлетворено наказнымъ атаманомъ.

— Черниговскій губернаторъ 3 мая далъ слѣдующій приказъ волостнымъ старшинамъ относительно церковно-приходскихъ школъ: „Успѣшное веденіе учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ только тогда можетъ быть вполне обезпечено, когда назначенныя обществами суммы на содержаніе школъ будутъ отпускатся своевременно и безнедоимочно. Озабочиваясь развитіемъ и поддержаніемъ церковно-приходскихъ школъ, я приказываю волостнымъ старшинамъ оказывать священникамъ содѣйствіе въ поддержаніи церковно-приходскихъ школъ и сельскимъ обществамъ въ точности исполнять свои обязательства по содержанію этихъ школъ“.

На послѣднемъ сѣздѣ минскаго епархіальнаго духовенства обсуждалось слѣдующее интересное предложеніе одного изъ депутатовъ: 1) просить кого слѣдуетъ, чтобы вопросы, предполагающіеся

для обсужденія и рѣшенія епархіальнаго сѣзда, были заблаговременно объявляемы указами духовенству, которое могло-бы подвергнуть ихъ предварительно на благочинническихъ сѣздахъ своему сужденію; 2) чтобы вычеты изъ жалованья по частнымъ долгамъ не печатать въ епарх. вѣдомостяхъ, такъ какъ это компрометируетъ духовенство. По обсужденіи этихъ вопросовъ, депутаты сѣзда постановили: просить епархіальное начальство—по первому пункту сего заявленія учинить свое распоряженіе, а по второму пункту—печатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ только тѣ вычеты изъ жалованья духовенства, которые слѣдуютъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній; объ остальныхъ-же вычетахъ давать знать мѣстному благочинному для объявленія кому слѣдуетъ. Епархіальный епископъ передалъ это дѣло на заключеніе консисторіи.

— Братства въ своихъ отчетахъ довольно часто выражаютъ довольство результатами своей дѣятельности. Такъ, въ отчетѣ тамбовскаго Богородично-Казанскаго братства за 1887 г. сказано, что „отчетный годъ должно признать особенно знаменательнымъ въ исторіи братства: теперь поставлены были на очередь и нашли болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе весьма важныя и существенныя вопросы касательно борьбы съ расколомъ и сектанствомъ и вообще съ антирелигиознымъ и антинравственнымъ направлениемъ времени“. Отчетъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на дѣятельности временныхъ епархіальныхъ миссіонеровъ — авонскаго іеромонаха Арсенія, противъ сектантовъ, и священника о. Викторова — противъ раскольниковъ, говоритъ о сильномъ впечатлѣніи, которое производили на слушателей ихъ бесѣды, и проч.; — замѣчаетъ, что братская бібліотека съ каждымъ годомъ продолжаетъ пополняться и развиваться, что въ отчетномъ году былъ рѣшительно поставленъ вопросъ объ изытаніи изъ обращенія въ народъ изданій вреднаго направленія и о доставленіи народу истинно назидательнаго чтенія, чрезъ открытіе при братствѣ склада книжекъ и брошюръ дух.-нрав. содержанія.

— Въ общемъ годичномъ собраніи членовъ смоленскаго Аврааміевскаго братства, 10 апрѣля, мѣстнымъ епископомъ было сказано, что предложенный собранію отчетъ братскаго совѣта свидѣтельствуешь объ удовлетворительномъ состояніи братства и объ его довольно успѣшныхъ дѣйствіяхъ. Число членовъ братства возрасло, матеріальныя средства увеличились и вслѣдствіе сего дѣятельность братства расширилась. Братство получило возможность приступить къ выполненію такихъ задачъ, за которыя оно не смѣло браться

въ предшествовавшемъ году. Въ предѣлахъ своихъ средствъ, оно оказало денежное пособіе бѣднымъ воспитанникамъ семинаріи и безмездно снабдило нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ книгами, въ качествѣ руководствъ для веденія въбогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ въ селахъ. Проповѣдническая дѣятельность духовенства въ минувшемъ году значительно оживилась, благодаря отчасти братству.

— Владимірское православное братство въ появившемся отчетѣ за 1886—87 гг. указываетъ между прочимъ на слѣдующее. „Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ отчетномъ году братствомъ, по разнымъ родамъ его дѣятельности, израсходовано болѣе, чѣмъ на 9,000 р., за то и дѣятельность братства не только усилилась въ существовавшихъ въ немъ отдѣлахъ, но и обогатилась новыми. Такъ, при братствѣ открылись отдѣленія въ 9 уѣздахъ епархіи и при нихъ противораскольническія бібліотеки, устроено древлехранилище и открыты бесплатныя курсы практическаго обученія лицъ, готовящихся занять и занимающихъ причетническія должности, церковному пѣнію, правильному чтенію въ церквахъ и церковному уставу. При этомъ братство оказало помощь церковно-приходскимъ школамъ, учителямъ въ нихъ и наблюдателямъ за ними на 10,187 р.“.

— При обзорѣніи полтавской епархіи епископомъ Иларіономъ, какъ видно изъ его предложенія полтавской консисторіи отъ 8 апрѣля, обнаружилось, между прочимъ, слѣдующее: „Церковныя бібліотеки есть достаточныя при многихъ церквахъ, но нѣтъ для чтенія народу простыхъ книжекъ и брошюръ; только при двухъ церквахъ оказались въ небольшомъ количествѣ Троицкіе Листки. Народъ въ большинствѣ мало свѣдуещъ въ начальныхъ истинахъ вѣры: недостаточно понимаетъ и то, что всегда передъ его глазами; такъ напримѣръ: въ нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ не могли объяснить, какая у нихъ праздничная икона и даже не могли назвать святителя Николая, когда я указывалъ на икону его. Священниками одиночная исповѣдь дается сколько-нибудь привилегированнымъ лицамъ, а прочихъ исповѣдуютъ по десяти и болѣе лицъ, ограничиваясь общими заученными вопросами, или исчисленіемъ нѣкоторыхъ грѣховъ. Это — великій и заслуживающій порицанія недостатокъ въ полтавскомъ духовенствѣ. Въ виду этого предлагаю консисторіи сдѣлать немедленно распоряженіе объ одиночной, по возможности, исповѣди и строго настаивать на исполненіи сего, а также, чтобы въ воскресные дни, послѣ богослуженія, объясняемы были молитвы, заповѣди и начальные истины вѣры“.

— До свѣдѣнія минскаго епископа дошло, что приходское духо-

венство совершаетъ церковныя службы въ воскресные, праздничные, и высокаторжественные дни не въ одно разъ навсегда установленное время, а въ разные часы дня, по усмотрѣнію настоятелей. Иной разъ начинается, напр., литургія вмѣстѣ съ утренею въ 9 часовъ, въ другой—въ 10, 11 и даже позже; вслѣдствіе чего нерѣдко возникаютъ со стороны прихожанъ ропотъ и жалобы на такой порядокъ, такъ какъ при ономъ имъ часто приходится опускать богослуженія. Въ виду этого епископъ предложилъ консисторіи: 1) предписать благочиннымъ доставить отъ всѣхъ причтовъ слѣдующія свѣдѣнія: въ какіе часы начинаются въ ихъ церквахъ сказанныя службы, т. е. вечерня, утреня и литургія въ воскресные и праздничные дни; всегда-ли эти службы начинаются въ одни и тѣ-же часы; или въ разные; если въ разные, то почему; какіе часы удобны были-бы для начатія службъ въ опредѣленный разъ навсегда часъ; 2) по полученіи этихъ свѣдѣній, препроводить оныя въ епархіальный сѣздъ, дабы онъ, въ видахъ начатія сказанныхъ службъ въ одно опредѣленное время во всѣхъ приходскихъ церквахъ, указалъ-бы для того опредѣленные часы. Депутаты минскаго сѣзда не признали возможнымъ установить одно время и часъ для начатія утренняго богослуженія и литургіи во всѣхъ приходскихъ церквахъ епархіи, въ виду того, что во многихъ приходсахъ, особенно древле-православныхъ, прихожане собираются въ церковь раньше, а въ приходсахъ новообразованныхъ изъ католическихъ—позже. Собразуясь съ такою явкою прихожанъ въ церковь, настоятели вынуждены начинать и самое богослуженіе раньше или позже. О томъ, въ какомъ изъ приходствъ начинаются церковныя службы раньше и въ какомъ—позже, изложено въ рапортахъ настоятелей приходскихъ церквей, и указанное въ тѣхъ рапортахъ время начатія службъ должно быть, по мнѣнію сѣзда, обязательно для каждаго изъ приходскихъ настоятелей. Это постановленіе сѣзда передано епископомъ на заключеніе консисторіи. („Церк. Вѣстн.“)

— Присоединились къ православію, какъ сообщено въ „Кіев. Еп. Вѣд.“, „Кіев. Словѣ“ и „Холмско-Варшавск. Еп. Вѣстн.“: 5 католиковъ-чеховъ въ Кіевѣ, 133 души колонистовъ чеховъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ радомысльскомъ уѣздѣ, 93 чеха въ овручскомъ уѣздѣ, преподаватель петроковской гимназіи г. Паскаль и отставной подполковникъ В. Ѳ. фонъ-Реренъ, 70-лѣтній старецъ. Последнее присоединеніе было въ Августовѣ. Новоприсоединенный старецъ давно приготовился къ этому шагу. Передаютъ, что онъ много лѣтъ уже посѣщалъ православный храмъ въ Авгу-

стовъ. При присоединеніи оказалось, что этотъ почтенный старецъ, по вѣрѣ дотоле лютеранинъ, давно уже знаетъ и знаетъ всѣ православныя молитвы и даже самъ обучалъ имъ нѣкоторыхъ дѣтей.

— Сдѣлалось извѣстно нѣсколько интересныхъ фактовъ изъ дѣятельности противораскольническихъ миссіонеровъ. По отчету калужскаго епархіальнаго миссіонера свящ. М. Дударева, онъ, между прочимъ, въ 1897 г. оставилъ 63 публичныхъ бесѣды, послѣ каждой бесѣды съ старообрядцами раздавалъ бесплатно полемическія брошюры своего сочиненія и сочиненія другихъ, печаталъ свои бесѣды въ калужскихъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Миссіонеръ священникъ К. Крючковъ, 11 апрѣля въ церковномъ залѣ воронежской семинаріи велъ противораскольническую бесѣду, привлекающую, по словамъ епархіальныхъ вѣдомостей, общее вниманіе присутствовавшихъ; особенно семинаристовъ. Послѣдніе, по окончаніи бесѣды, долго удерживали о. Крюкова, обращаясь къ нему съ разными вопросами по предмету раскольническихъ вѣроотступленій и только позднее время и крайнее утомленіе о. миссіонера по необходимости должны были положить конецъ дальнѣйшему собесѣдованію. Въ нижегородской епархіи не безъ успѣха трудятся состоящіе при братствѣ св. Креста четыре миссіонера изъ мѣстныхъ крестьянъ и живущій особенное единеніе съ братствомъ епархіальный миссіонеръ Ѡ. Д. Другловъ, происходящій также изъ простаго званія. Ѡ послѣднемъ миссіонерѣ въ отчетѣ братства говорится, что онъ имѣетъ достоинство очень цѣнное для противораскольническаго миссіонера изъ простаго званія, именно умѣнье бойко и довольно чистымъ языкомъ излагать на бумагѣ свои мысли.

— 19 мая, прибыло въ Кіевъ больше сорока паломниковъ изъ штундистскаго прихода с. Косяновки. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ косяновцы, прямо или косвенно находившіеся подъ вліяніемъ штундистскихъ ученій, совсѣмъ перестали ходить въ Кіевъ на богомолье. Съ прошедшаго-же года назначенный въ священники бывший предъ тѣмъ въ Кіевѣ діакономъ Борисоглѣбской церкви о. Карпъ Нестеровскій сумѣлъ произвести такое вліяніе на косяновцевъ, что многіе изъ нихъ, хотя сами и отказались, но позволили совершить путешествіе своимъ взрослымъ дѣтямъ. Достоинно вниманія то, что съ прихожанами своими шелъ все время пѣшкомъ и священникъ. Въ числѣ богомольцевъ находился псаломщикъ, бывший штундистомъ, и учительница церковно-приходской школы. Отъ Косяновки до Кіева путники шли три дня. Остановились они на погостѣ Борисоглѣбской церкви, гдѣли вечерню и утреню, а вчера акаенствъ и литургію въ

той-же церкви. Всѣ грамотны и поютъ хоромъ весьма удовлетворительно. Священникъ Нестеровскій не получилъ школьнаго образованія, но пастырская его способность замѣчена была начальствомъ и онъ съ миссіонерскими цѣлями переведенъ былъ въ штундистскій приходъ.

— Дѣятельность алтайской и киргизской миссій даетъ хорошіе результаты не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Миссіонеры обращаютъ особенное вниманіе на обученіе молитвамъ и истинамъ Христовой вѣры. На обученіе словамъ и духу молитвы удѣляется не мало времени: во дни говѣній; молитвамъ обучаемы бывають новокрещенные при крещеніи и до крещенія и въ церквахъ, и въ домахъ; учать пастору свою и сами священники, нарочито посылають для этого и младшихъ членовъ причта. Во всѣхъ церквахъ миссии неопустительно, каждый воскресный и праздничный день, пасомымъ преподается наставленіе по печатнымъ книгамъ или же изустно. Проповѣди читають или сами миссіонеры или, по указанію ихъ, псаломщики и учителя мѣстныхъ школъ. Въ воскресные и праздничные дни устраивають народныя собранія, на которыхъ читають житіе какого-либо святого и поютъ церковныя пѣсни и духовные канты. Въ великій мѣсяць миссіонеры посѣщаютъ всѣ селенія своего отдѣленія, совершая для говѣющихъ богослуженія, исповѣдуя и приобщая Св. Таинъ, здѣсь-же поучая и наставляя пасомыхъ: за службой бывають поученія, послѣ службы: изученіе молитвъ. До прихода въ церковь священника прихожане въ церкви слушаютъ чтеніе какой-нибудь душевспасительной книги или житіе дневнаго Святаго. — Обращая вниманіе на внутреннюю жизнь, миссія не оставила безъ своего участія и вѣдшій бытъ жизни инородцевъ. На улучшеніе быта новокрещенныхъ ежегодно расходуются значительныя суммы изъ средствъ миссии. Въ годину народныхъ бѣдствій (неурожая, мора) миссія являеться съ благовременною помощью, выдавая хлѣбъ на похѣвъ, иногда деньги на покупку воровъ, лошадей; иногда же испрашивая милостыни отъ христіанской благотворительности. Лѣченіемъ больныхъ миссія отвлекла новокрещенныхъ отъ разорительнаго камлання (знахарства). Помогая безпомощнымъ, дряхлымъ и безпріютнымъ, она пріучила къ труду способныхъ. Плоды такой дѣятельности ясно сказываются. Когда начальникъ миссий при посѣщеніи становъ миссии дѣлалъ испытанія въ знаніи молитвъ каждымъ, безъ различія пола и возраста, то результаты получились очень хорошіе. Въ исполненіе христіанскихъ обязанностей ново-

крещенные весьма усердны. Нѣкоторые изъ нихъ издалека по нѣскольку разъ приходятъ въ церковь для говѣнія, объясняя такое пользою, какою они чувствуютъ для души своей отъ пріобщенія Св. Таинъ. Во время бѣдствій они съ вѣрою и крѣпкою надеждою прибѣгають къ Богу, о чемъ свидѣтельствуютъ частыя просьбы ихъ служить молебны, поминать усопшихъ и напутствовать больныхъ. Среди нихъ развито паломничество къ мѣстамъ, гдѣ находятся досточтимыя святыни христіанскія.—Духовное возрожденіе дѣлаетъ переворотъ у новокрещенныхъ и во внѣшней жизни. Холодную и дымную юрту замѣняетъ теплая и свѣтлая изба безъ той вони и грязи, которыя такъ поражаютъ всякаго въ юртахъ некрещенныхъ кочевниковъ. Большинство изъ нихъ оставило мало доходные звѣриный и орѣшный промыслы и принялось за земледѣліе и пчеловодство. Осенью занимаются торговлею, продавая произведевія своего промысла съ барышемъ въ Алтаѣ. По отзыву миссіонеровъ, среди новокрещенныхъ нѣтъ выдающихся пороковъ; они честны, трудолюбивы и сострадательны къ ближнимъ.— Да поможетъ Богъ въ дальнѣйшей дѣятельности этихъ миссій!

— Въ „Правдѣ“ помѣщена замѣтка, касающаяся вопроса о мѣстѣ учительской школы. Исходя изъ того положенія, что кандидаты въ учителя будутъ изъ крестьянъ, названная газета говоритъ: „Мысль дать народу учителей, взятыхъ изъ народной среды, не новая. По этой мысли основана первая въ Россіи учительская семинарія въ м. Молодечнѣ (вилѣнской губерніи) въ 1864 г., кажется, но тогда эта мысль выдержана была съ строгою послѣдовательностію. Семинарія основана въ ничтожномъ мѣстечкѣ, вблизи къ народной обстановкѣ жизни и вдали отъ вліянія чисто городской жизни. Послѣдовательность эта такъ была сильна, что не рѣшились переносить семинаріи даже въ уѣздный городъ Соколку (гродненской губерніи), когда въ этомъ городѣ оказалось удобное зданіе, а въ Молодечнѣ обнаружались нѣкоторыя санитарныя неудобства. Уже въ новѣйшія времена стали въ сѣверо-западномъ краѣ отступать отъ этой послѣдовательности и устраивать учительскія семинаріи и въ значительныхъ мѣстечкахъ, какъ Несвижъ, Свислочь, и даже въ уѣздныхъ городахъ, какъ Поневѣжъ и Полоцкъ: выборъ рѣшалъ вопросъ о зданіяхъ. Въ недавней практикѣ церковно-училищнаго дѣла та же идея—устраненіе будущихъ учителей и учительницъ отъ вліянія городской жизни, повидимому, также выдерживалась строго. Уже есть нѣсколько подобныхъ церковно-учительскихъ школъ въ епархіяхъ сѣверо-западнаго края, и всѣ онѣ—внѣ горо-

довъ. Въ самой литовской епархіи есть подобная школа, и притомъ самая большая изъ всѣхъ существующихъ (въ ней съ приготовительнымъ училищемъ до 300 дѣтей обоего пола): въ с. Тростяницѣ (гродненской губ., бѣльскаго уѣзда), руководимая священникомъ Флоромъ Сосновскимъ. У виленскаго училищнаго совѣта могло быть въ виду для его новой семинаріи тоже хорошее мѣсто внѣ городского шума—въ м. Жировицахъ (гродненской губ., слонимскаго уѣзда), гдѣ знаменитый жировицкій монастырь и духовное училище при немъ. Мы не знаемъ, какія причины заставили виленскій училищный совѣтъ предпочесть этому старому народному центру такой большой, шумный и разношерстный городъ, какъ Вильна. Но изъ самаго оповѣщенія его видно, что забота охранить будущихъ учителей церковно-приходскихъ школъ этой епархіи отъ разлагающаго вліянія Вильны обращаетъ на себя особенное вниманіе совѣта: Это видно изъ того, что ученики семинаріи обязаны будутъ носить свою одежду „мѣстнаго покроя“, т. е. очевидно, крестьянскую, и что на каникулы они непременно будутъ отсылаемы домой на средства самого совѣта. Самое помѣщеніе ихъ въ братскомъ домѣ виленскаго братства показываетъ ту же заботу. Домъ находится на окраинѣ города Вильны, въ русской его части—Зарѣчьи, по близости къ одному изъ древнѣйшихъ виленскихъ храмовъ—Пречистенскому собору. Нѣтъ сомнѣнія, что обдуманы и другія мѣры, необходимыя для охраны этого учрежденія отъ виленскихъ городскихъ вліяній. Можно также думать, что при обнаруженіи такихъ вліяній, новая церковно-учительская семинарія будетъ выведена изъ Вильны. Можетъ быть, желательно, чтобы училищные совѣты другихъ западно-русскихъ епархій удержались отъ подражанія этому примѣру и хорошо взвѣшивали удобства наблюденія въ центральномъ пунктѣ и опасности дурныхъ вліяній въ такомъ пунктѣ. Заслуживаетъ особеннаго общественнаго вниманія нынѣшнее богатство въ сѣверо-западномъ краѣ педагогическихъ силъ для народнаго образованія: пять учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія и столько же, если не больше, открытыхъ или имѣющихъ открыться церковно-учительскихъ. Естественно возникаетъ вопросъ о согласованіи ихъ дѣйствій въ общемъ строѣ народнаго училищнаго дѣла. Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ всѣ училищные совѣты того и другаго вѣдомства, но печатныхъ объ этомъ извѣстій не видно.

— Важнѣйшимъ политическимъ событіемъ настоящаго времени, значеніе котораго невозможно предвидѣть, является кончина императора Германскаго, послѣдовавшая 3 іюня въ 11 часовъ утра въ

Потсдамъ. Усопшій Императоръ родился въ томъ-же Потсдамѣ 18 октября 1831 года; слѣдовательно, жилъ 56 лѣтъ и 6½ мѣсяцевъ. 13 ноября 1831 года новорожденный былъ окрещенъ и ему даны были имена Фридриха-Вильгельма-Николая-Карла, при чемъ между отсутствовавшими восприемниками былъ записанъ Русскій Императоръ Николай I. На 13-мъ году воспитателемъ принца назначенъ былъ извѣстный историкъ, профессоръ Курціусъ, внушившій ему любовь къ историческимъ наукамъ, которую онъ сохранилъ до конца жизни; математику преподавалъ профессоръ Шельбахъ, а языки французскій и нѣмецкій Аккерманъ и Золи. Рядомъ съ научнымъ образованіемъ принцъ охотно занимался музыкой и цѣннѣе, а въ свободные часы плотничалъ и косилъ. Само собою разумѣется, что военнымъ занятіямъ отведено было также широкое мѣсто въ воспитаніи юнаго принца. Признанный въ 1848 году совершеннолѣтнимъ, принцъ въ слѣдующемъ году поступилъ въ Бонскій университетъ, въ которомъ блестяще окончилъ курсъ въ 1852 году, оставаясь подъ руководствомъ профессора Курціуса. Вскорѣ онъ получилъ степень доктора въ университетахъ Кенигсберга, ректоромъ котораго онъ состоялъ въ послѣднее время, и Оксфорда (въ Англіи). Во время прохожденія университетскаго курса, принцъ Фридрихъ посѣтилъ Лондонъ, гдѣ впервые увидѣлъ десятилѣтнюю Викторію, принцессу англійскую, свою будущую невѣсту. Съ ней онъ обручился въ 1855 году, хотя помолвка, въ виду крайней молодости, была объявлена лишь спустя два года, а бракосочетаніе совершено въ 1858 году. Въ 1859 году 27 января у нихъ родился сынъ Вильгельмъ, который теперь, вступаетъ на императорскій престолъ. Свою дѣйствительную военную службу принцъ Фридрихъ началъ въ 1864 году, во время Шлезвигъ-Голштинской войны, не принимая, впрочемъ, непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Во время австрійской войны кронъ-принцъ (начавшій носить этотъ титулъ съ 1861 года, когда скончался его дядя Вильгельмъ IV, а отецъ, будущій Императоръ Вильгельмъ I, принялъ титулъ прусскаго короля) какъ младшій военно-начальникъ, командовалъ второй прусскою арміею. 26 іюня онъ вступилъ въ Богемію со стороны Глаца, прошелъ чрезъ опасныя горныя ущелья, одержалъ побѣду 28-го числа при Находѣ и Трутновѣ, 29-го при Скалицѣ и своимъ своевременнымъ появленіемъ 3-го іюля при Холмѣ оказалъ рѣшающее вліяніе на благопріятный для прусской арміи исходъ битвы при Кениггрецѣ. Его отецъ Вильгельмъ тутъ же на полѣ битвы возложилъ на него знаки ордена Pour le mérite.

При открытіи франко-германской кампаніи въ 1870 году принцъ принялъ на себя начальствованіе надъ 3-ей германской арміей, въ составъ которой входили и южно-германскія войска. 26-го іюля принцъ оставилъ Берлинъ и чрезъ Лейпцигъ, Мюнхенъ, Штуттгартъ и Карлсруэ прибылъ въ главную квартиру своей арміи. Съ первой же минуты своего прибытія онъ долженъ былъ принять непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Подъ его руководствомъ третья армія 4-го августа одержала побѣду при осадѣ Вейссенбурга и 6-го августа при Вертѣ надъ Мавъ-Магономъ. 16 августа принцъ Фридрихъ вступилъ съ своими войсками въ Нанси. Во время осады Меца онъ сначала составлялъ прикрытіе, а потомъ перешелъ на южную линію, чтобы при совмѣстномъ дѣйствіи съ главной арміей помѣшати соединенію Базена съ Мавъ-Магономъ и отрѣзать послѣднему отступленіе на Парижъ. 1 сентября, вмѣстѣ съ кронъ-принцемъ саксонскимъ подъ главнымъ начальствованіемъ своего отца, онъ нанесъ непріятелю страшный ударъ при Седанѣ, рѣшившій исходъ всей кампаніи, по окончаніи которой онъ оставался въ главной квартирѣ короля. Вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Фридрихомъ Карломъ-принцъ 28 октября произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, каковое званіе до этого времени, по установившемуся издавна обычаю, не было никогда даваемо принцамъ царствующаго дома Бранденбурга и Пруссіи. Особымъ манифестомъ 18 января 1871 г., при торжественномъ провозглашеніи Вильгельма императоромъ Германіи, Фридриху было также даровано званіе „наслѣднато принца Германской имперіи“ съ титуломъ „его императорскаго высочества“. По возвращеніи его въ Берлинъ 22 марта ему пожалованы были знаки ордена Желѣзнаго креста. Съ этого времени принцъ Фридрихъ посвятилъ свою дѣятельность внутреннимъ дѣламъ имперіи и былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи государственной обороны.

Его благородный, открытый и твердый характеръ, его сердечное и теплое ко всѣмъ отношеніе сдѣлали его популярнымъ не только въ Пруссіи, но и во всей остальной Германіи. Съ особенною любовью онъ содѣйствовалъ всѣми зависящими отъ него средствами различнымъ научнымъ и художественнымъ предпріятіямъ, что особенно проявилось въ его участіи въ раскопкахъ Олимпіи. Въ оффиціальной сферѣ онъ являлся часто или какъ сопутникъ своего отца-императора, или какъ его представитель; такъ наприм., онъ замѣнялъ его въ 1873 году при открытіи вѣнской всемірной выставки, потомъ при путешествіи, по приглашенію короля Оскара II,

въ Швецію и Норвегію, причемъ посѣтилъ въ Фреденсборгѣ датскую царствующую фамилію, присутствовалъ въ 1878 году въ Римѣ при погребеніи короля Виктора-Эммануила и, наконецъ, въ 1881 г. въ Петербургѣ также при погребеніи покойнаго Государя Александра II.

Полноправнымъ замѣстителемъ своего отца Фридрихъ явился въ 1878 году во время серьезной болѣзни престарѣлаго императора послѣ извѣстнаго покушенія Нобилинга. Возвращаясь въ 1883 г. изъ своей заграничной поѣздки, онъ посѣтилъ Римъ, гдѣ свиданіе его съ королемъ Гумбертомъ и папой Львомъ XIII въ политическихъ кругахъ обратило на себя особое вниманіе. Въ іюнѣ 1884 года кронпринцъ назначенъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

Осенью 1886 г. Фридрихъ присутствовалъ при юбилейномъ празднествѣ гейдельбергскаго университета. Въ это-то именно время показались первые признаки его болѣзни: появилась хроническая хрипота, для лѣченія которой онъ отправился тогда же въ Верхнюю Италію, въ Портофино. Возвратившись въ Берлинъ, онъ, какъ наследникъ германскаго престола и генералъ арміи, присутствовалъ въ 1887 г. при двухъ юбилейныхъ торжествахъ: 1-го января—80-ти лѣтняго служенія императора Вильгельма въ рядахъ германской арміи и 22 го марта—90-лѣтняго дня его рожденія.

Въ концѣ мая 1887 г. уже распространились слухи объ опасныхъ симптомахъ болѣзни кронпринца, который 13-го іюля оставилъ Берлинъ и предпринялъ поѣздку въ Англію, чтобы посоветоваться съ докторомъ Маккензи, по совѣту котораго, оттуда онъ отправился сначала въ Тоблахъ, потомъ въ октябрѣ черезъ Венецію на Лаго-Маджіоре и, наконецъ, въ Санъ-Ремо. Черезъ четыре уже дня по пріѣздѣ его туда пришло извѣстіе объ ухудшеніи и роковомъ оборотѣ, который приняла болѣзнь кронпринца.

26 февраля текущаго года, боревшійся съ страшнымъ недугомъ въ Санъ-Ремо, кронпринцъ получилъ извѣстіе о кончинѣ престарѣлаго отца императора Вильгельма I-го. Не задумываясь ни минуты, онъ отправился въ Берлинъ и, не смотря на недугъ, вступилъ на престолъ отца. Такимъ образомъ, больной императоръ Фридрихъ III царствовалъ, принимая непосредственное участіе въ управленіи государственными дѣлами, *девятью семью днями*.

Августѣйшая семья усопшаго состоитъ изъ двухъ сыновей: вступившаго на престолъ Вильгельма и Генриха (родившагося 14 августа 1862 г.), недавно вступившаго въ бракъ съ принцессой Ире-

ной Гессенской, и четырехъ дочерей—Шарлоты, Викторіи, Софьи и Маргариты. Фридрихъ III назначенъ былъ императоромъ Николаемъ I шефомъ русскаго гусарскаго Изюмскаго № 11 полка.

Вступившій на Германскій императорскій престолъ Вильгельмъ II, съ 1881 года состоитъ въ бракѣ съ Августой-Викторіей Шлезвигъ, Голштинской и имѣеть четырехъ сыновей: Вильгельма, Фридриха, Адальберта и Августа-Вильгельма.

— Въ „Новг. Еп. Вѣд.“ помѣщена интересная статья о письмахъ и воззваніяхъ, рассылаемыхъ отъ мнимыхъ подвижниковъ святой аѳонской горы. Приводимъ выдержки изъ нея: „Одно изъ прекрасныхъ проявленій религіозной жизни русскаго народа, преимущественно простого, составляетъ щедрая его благотворительность для религіозныхъ цѣлей. Этой чертѣ русскаго народа въ большинствѣ своемъ обязавы православные храмы своимъ благоустройствомъ и украшеніемъ. Нашъ народъ особенно любитъ благотворить монастырямъ, и ихъ обитателямъ монашествующимъ, чтобы они — эти трудники, ради Бога отрешіеся отъ міра, не имѣли нужды въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, чтобы они не забывали въ своихъ молитвахъ своихъ благодѣтелей и благотворителей, а чрезъ ихъ молитвы они, благотворители, получали бы большія надежды на помилованіе за свои вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Съ развитіемъ-же въ настоящее время странствованій по святымъ мѣстамъ, находящимся внѣ предѣловъ нашего отечества, съ распространеніемъ чрезъ бывалыхъ людей свѣдѣній о разныхъ, яко-бы чинимыхъ притѣсненіяхъ монашествующимъ, живущимъ въ монастыряхъ на Востокѣ, нашъ простой народъ особенно усиленно сталъ посылать туда свои пожертвованія, чтобы облегчить скорби и лишенія, которыя терпятъ тамъ монашествующіе, по часту наши соотечественники, а съ другой — чтобы своею посильною жертвою оказать имъ и необходимую поддержку на далекой чужбинѣ.

Но, къ великому сожалѣнію, особенно въ послѣднее время, все больше и больше, сильнѣе и сильнѣе стало распространяться и усиливаться злоупотребленіе этою доброю чертою религіозной благотворительности нашего добраго русскаго народа. Различные искатели легкой наживы, вѣроятно, подъ вліяніемъ общаго духа времени, стали страшно злоупотреблять. Многіе выходцы изъ Россіи, принявшіе монашеское постриженіе на Аѳонѣ, именующіе себя настоятелями разныхъ пустынь, рассылаютъ письма (именныя, даже съ обозначеніемъ не только мѣстожителства, но и улицы и № дома)

съ изображеніемъ обителей и печатною таксою за чинимыя будтобы поминовенія вѣчныя и временныя.

Естественно, прежде всего знать: что-же за лица, которыя рассылаютъ воззванія? Можетъ быть и дѣйствительно—это отрекшіеся отъ міра пустынники-иноки, помочъ которымъ крайне необходимо, и молитва которыхъ способна нивести благословеніе и помощь Божію на жертвователя и исходатайствовать ему прощеніе вольныхъ и невольныхъ его прегрѣшеній. На этотъ вопросъ мы стараемся отвѣтить не своими словами, а выписываемъ слово въ слово изъ циркуляра Господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, опубликованнаго въ 25—26 № офиц. части „Церковнаго Вѣстника“ за 1885 г. Циркуляръ Г. Оберъ-Прокурора вотъ какъ отзывается объ этихъ лицахъ. „Лица эти состоятъ изъ лицъ податнаго сословія и отставныхъ солдатъ, прибывшихъ на Аѳонъ въ качествѣ паломниковъ. Многіе изъ нихъ, тяготясь строгостію монастырской жизни и будучи неспокойнаго и неуживчиваго нрава, водворяются не въ самыхъ монастыряхъ, а въ отдѣльныхъ келліяхъ, которыя приобрѣтаютъ на извѣстныхъ условіяхъ отъ одного изъ владѣющихъ оными Аѳонскихъ монастырей и въ которыхъ проживаютъ безъ всякаго надзора.—У большинства такихъ келліотовъ, на первомъ планѣ, личныя и своекорыстныя цѣли—желаніе праздной и независимой жизни и легкой наживы, а для достиженія этихъ цѣлей они не стѣсняются въ выборѣ средствъ. Они выманиваютъ у прибывающихъ на Аѳонъ паломниковъ и благочестивыхъ жертвователей въ Россіи подаянія на несуществующіе монастыри, ложно именуя себя настоятелями какой-либо пустыни или монастыря на Аѳонѣ, рассылаютъ по Россіи просительныя письма съ описаніемъ несуществующихъ обителей и ихъ нуждъ, а также печатныя воззванія къ пожертвованіямъ. Иные посылаютъ въ благословеніе отъ Аѳонскихъ обителей лицамъ, отъ которыхъ ожидаютъ или получаютъ приношенія, иконы, писанныя и прибрѣтаемыя въ Россіи, выдавая ихъ за Аѳонскія. Добытыя такимъ способомъ деньги, эти недостойные иноки, обращаютъ въ свою пользу. Нѣкоторые изъ келліотовъ покупаютъ себѣ виноградники и занимаются торговлею; другіе-же, оставляя въ келіи своихъ учениковъ, которые высылаютъ имъ получаемыя пожертвованія, сами проживаютъ въ Россіи, преимущественно въ Одессѣ, или въ Константинополѣ, гдѣ ведутъ жизнь не соотвѣтствующую иноческому чину и зазорную, служа соблазномъ для православныхъ христіанъ и возбуждая справедливыя нареканія со стороны духовенства“...

Судите теперь сами, хорошо-ли съ нашей стороны, посылкою имъ денегъ, поощрять тунеядство, мошенничество и можно сказать, развратъ? Вѣдь не все-же можно помѣстить въ оффиціальномъ циркулярѣ, что бываетъ на самомъ дѣлѣ. Довольно и то сильно сказано, что иноки эти ведутъ зазорную жизнь, на которую, не такъ давно, обратилъ вниманіе даже Святѣйшій Діонисій, патріархъ Константинопольскій („Церк. Вѣсти,“ 1888 г. № 1, стр. 6).

При этомъ считаемъ нужнымъ сообщить для свѣдѣнія читателей и ту таксу, которую эти мнимые иноки рассылаютъ, при объявленіи за чинимое будто-бы поминовеніе. Выписываемъ буквально изъ печатнаго объявленія, которое лично имѣемъ у себя подъ руками. „Чинъ поминовенія — вѣчнато: на проскомидіи за одно имя ежедневно — 60 р., еженедѣльно по Господскимъ и Богородичнымъ праздникамъ — 30 р., ежемѣсячно — 10 р., въ два мѣсяца одинъ разъ — 4 р., сорокодневное на проскомидіи за одно имя — 3 р., годовое — 5 р., на два мѣсяца — 1 р., на всенощное бдѣніе и литургію — 1 р. Уже одна такса обличаетъ самую возмутительную ложь. Представимъ себѣ, что при такой широкой рекламѣ изъ многихъ милліоновъ православныхъ, найдется ежегодно до 1000 жертвователей и столько-же именъ для поминовенія. Спросимъ по совѣсти каждаго: возможно-ли ежедневное поминовеніе такого громаднаго количества именъ, какое должно въ концѣ концовъ образоваться въ синодикѣ того или другаго монастыря? Положительно невозможно и потому еще, что братія у келіотовъ, самозванно присвоющихъ себѣ (только въ воззваніяхъ) званіе настоятелей, не бываетъ, и не можетъ быть, по Афонскому правилу, болѣе трехъ человекъ. При этомъ нужно имѣть въ виду и то, что келіи на Афонѣ ходятъ, въ родѣ аренды, изъ рукъ въ руки. Слѣдовательно и вѣчнаго поминовенія, за которое келіоты желаютъ получить отъ 4 до 60 руб., не можетъ быть. Новому владѣльцу, приобрѣтшему на свои средства келію, поминать кого-бы то ни было нѣтъ никакой надобности.

Многіе прочитавшіе, могутъ спросить, какимъ-же образомъ Афонскіе келіоты получаютъ адреса тѣхъ или другихъ лицъ въ Россіи? Отвѣтствуемъ на это на основаніи достовѣрнаго извѣстія. Они выписываютъ, издаваемые въ С.-Петербургѣ, Сенатскія Вѣдомости, гдѣ въ приложеніяхъ печатаются публикаціи о совершеніи на покупку недвижимыхъ имѣній, крѣпостныхъ актовъ, въ которыхъ обыкновенно прописывается не только имя, отчество и фамилія покупателя, но улица и № купленной недвижимости. Получая такимъ образомъ адреса, келіоты рассылаютъ по этимъ адресамъ письма,

гдѣ обыкновенно пишутъ такъ. „Утѣшительные отзывы о вашемъ благочестіи и христіанской благотворительности достигли и до нашей глубокой и удаленной отъ міра пустыни. Призвавъ Господа на помощь, мы возымѣли смѣлость утруждать боголюбіе ваше смиренною и усердною просьбою“... Или-же такъ пишутъ: „Нѣсть тайна, яже не открытается, возвѣщаетъ намъ слово Божіе, такъ и ваша любовь къ ближнимъ пришла намъ въ извѣстность“.... Расылая сотнями тысячъ письма, Аѳонскіе келліоты, нисколько не затрудняются предъ тѣмъ, что письма ихъ нерѣдко попадають въ руки раскольниковъ и другихъ сектантовъ, какъ на примѣръ, не такъ давно было получено письмо въ гор. Шемахѣ послѣдовательницею ереси, жидовствующихъ (Церк. Вѣст. 1887 г.). Грустно, что такое кощунство и издѣвательство надъ религіознымъ чувствомъ русскаго челоука усиливается, особенно въ настоящее время. Пора бы нашему Русскому Правительству обратить свое серьезное вниманіе на это, и положить предѣлъ наглому обману.

Да простятъ намъ Аѳонскіе келліоты, если мы скажемъ, что намъ очень не нравится самая *такса* для молитвъ, особенно такая *такса*, которая рассылается въ послѣдніе двадцать лѣтъ, по городамъ и мѣстечкамъ Православной Россіи даже отъ русскаго Пантелеймонова монастыря. Онъ и Богоносные Отцы Греческой и нашей русскаго Церкви ничего не говорятъ въ своихъ твореніяхъ о *таксѣ* на молитвы. Наше духовенство не знаетъ иного Чина поминовенія, какой написанъ въ Служебникѣ говорится просто: Помни Господи, „*имя—рекѣ*“.

Мы думаемъ, что не съ меньшимъ усердіемъ помолились-бы и у насъ въ Россіи многіе бѣдствующіе служители алтаря Господня, многіе истинно нуждающіяся обители мужскія и женскія, содержащія нерѣдко цѣлыя сотни бѣдныхъ сиротъ, вдовицъ и убогихъ, неимѣющихъ гдѣ главы приклонить. Вѣримъ, что въ этихъ храмахъ и обителяхъ помолятся за благотворителей, можетъ быть съ большею теплотою, чѣмъ тамъ—на далекомъ Аѳонѣ. Истинно такъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

1888 года февраля 29 дня умеръ, на 60 году отъ рожденія, послѣ напутствованія таинствами Св. Причащенія и Елеосвященія, заштатный священникъ Викторъ Евѣиміевичъ Селезневъ, бывшій благочинный 4 округа Харьковскаго уѣзда. Покойный о. Викторъ

родился, выросъ, священствовалъ и умеръ въ одномъ мѣстѣ—въ слободѣ Липцахъ Харьковскаго уѣзда, гдѣ при Николаевской церкви находился на службѣ отецъ покойнаго—протоіерей и благочинный Евѣимій Селезневъ, современникъ харьковскаго архіепископа Виталія. О Викторѣ, по окончаніи курса наукъ въ харьковской духовной семинаріи въ 1851, рукоположенъ былъ въ томъ-же году 14 ноября во священника на мѣсто отца своего—въ Николаевской церкви слободы Липецъ; съ 1852 по 1859 годъ проходилъ должность наставника и законоучителя въ липецкомъ народномъ училищѣ; съ 1853 по 1858 годъ проходилъ должность депутата по 5 округу Харьковскаго уѣзда; съ 1858 по 1864 годъ состоялъ въ должности помощника благочиннаго, а съ 7 апрѣля 1864 года проходилъ должность окружнаго благочиннаго въ теченіе 22 лѣтъ, и отъ этой должности, а равно и отъ мѣста своего принужденъ былъ 15 іюля 1886 года уволиться заштатъ вѣдствіе болѣзненнаго своего состоянія. За долговременную 35-лѣтнюю свою службу о. Викторъ отличенъ былъ многими наградами, именно: въ 1857 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ; въ 1869 году—бархатною фиолетовою скуфьею; въ 1874 году—камилавкою; въ 1877 году—орденомъ (св. Анны) 3-й степени; а въ 1882 году—наперснымъ крестомъ.

Покойный о. Викторъ обладалъ прекраснымъ здоровьемъ, при которомъ онъ могъ-бы еще долго прожить, но сильная простуда подорвала его крѣпкія силы. Лѣтъ пять тому назадъ о. Викторъ, какъ мѣстный благочинный, приглашенъ былъ въ сосѣднее село Веселое для совершенія погребенія надъ умершею владѣлицею означеннаго села—г. Степановою; отпѣваніе тѣла покойной происходило 24 декабря—наканунѣ праздника Рождества Христова, и о. Викторъ, по окончаніи погребенія, спѣшилъ возвратиться домой, въ Липцы, отстоящія на семь верстъ отъ села Веселаго; съ нимъ ѣхалъ липецкой Покровской церкви священникъ Павелъ Сирятскій, нынѣ уже умершій, также принимавшій участіе въ соборномъ отпѣваніи тѣла г. Степановой. Отѣхавши недалеко отъ села Веселаго, путники, вслѣдствіе поднявшейся сильной снѣжной мятели, сбились съ дороги и около одного оврага принуждены были провести всю ночь на морозѣ. Это несчастное приключеніе и повліяло губительнымъ образомъ на крѣпкій до тѣхъ поръ организмъ о. Виктора; его спутники въ злополучную декабрьскую ночь—священникъ Сирятскій и липецкій крестьянинъ—кучеръ—умерли раньше и отецъ Викторъ боролся около пяти лѣтъ съ недугомъ своимъ. Наконецъ

параличь языка и всей лѣвой стороны тѣла сломилъ его и принудилъ лечь въ постель. Въ этомъ параличномъ состоянїи отецъ Викторъ болѣе сорока дней не принималъ нищи, кромѣ нѣсколькихъ чайныхъ ложекъ чаю или бульйону, и въ 6 часовъ утра 29 февраля смерть прекратила его страданія.

Въ семействѣ у него осталась жена Олимпіада Михайловна 58 лѣтъ, достаточно обезвеченная земельною собственностію, перешедшею къ о. Виктору отъ покойныхъ его родителей, — и три замужнія дочери.

Покойный о. Викторъ былъ добрымъ пастыремъ для своихъ прихожанъ, а для окружнаго духовенства — такимъ-же начальникомъ. При погребенїи его, совершенномъ 3 марта, сказано было два поученія: въ концѣ литургіи — мѣстнымъ благочиннымъ, Александромъ Червонецкимъ, а при отпѣванїи — товарищемъ умершаго по семинаріи, священникомъ липецкой Христоорождественской церкви Илією Черняевымъ.

Погребеніе совершено мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженїи троихъ священниковъ; сильная ошѣжная мятежь, случившаяся на канунѣ погребенія, помѣшала собраться въ Липци; другимъ окружнымъ священникамъ для отданія послѣдняго долга бывшему доброму своему начальнику о. Виктору. Да упокоитъ Господь Богъ душу его въ небесныхъ селеніяхъ своихъ!

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

отъ Совѣта Братства Св. Александра Невского въ г. Владимірѣ.

Ко дню празднованія 900-лѣтїа Крещенія Руси поступили въ продажу слѣдующія изданія Братства:

1) Житіе Св. равноапостольнаго Просвѣтителя русскаго народа В. К. Владиміра, брошюра въ 32 стр. Цѣна 8 коп.

2) Хромолитографированное изображеніе Св. Владиміра 6×7 вершк., на золотомъ фонѣ. Цѣна 12 к. Сіе изображеніе, наклеенное на доскѣ, можетъ замѣнять икону.

3) Хромолитографированное изображеніе Св. Владиміра, на простомъ фонѣ 4×5 вершк. Цѣна 3 к. Сіе изображеніе составляетъ точную копию настѣннаго фрескаго изображенія XII вѣка во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

Выпущивающія житіе и изображенія Св. Владиміра 4×5 вершковъ плавать за то и другое вмѣстѣ 5 коп.

При выпискѣ означенныхъ изданій въ сотняхъ экземпляровъ дѣлается уступка 20%. Пересылка на счетъ покупателя.

Требованія адресуются: въ губ. гор. Владимірѣ, въ Совѣтъ Братства Св. Влг. Вел. Кн. Александра Невского.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ настоящемъ году по мѣсячному будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала действительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковѣ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.